2500-347X

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1
выпуск (854)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

2500-347X

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

1

Issue (854)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1(854)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю..	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, доцент (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1(854)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY **Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor**

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Saint Petersburg State University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Saint Petersburg State University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Price Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Проблемы и перспективы становления механизмов обеспечения биологической безопасности в формате Организации Договора о коллективной безопасности
ГОЛУБ К. Ю. 9

Российский фактор в современном внешнеполитическом курсе Венгрии
ЛИСЕНКОВА А. Д. 16

Развитие морской стратегии Китая
НАВДАЕВА М. Е. 24

Миграционные процессы как фактор воздействия на внутриполитические процессы в Европе (на примере Германии)
НАДЕЖДИН А. Е. 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Участие Бразилии во Второй мировой войне и проблемы сохранения исторической памяти
АГУРЕЕВ С. А., БОЛТАЕВСКИЙ А. А., СИНЧУК Ю. В. 40

Влияние идей панисламизма на внешнеполитические концепции Ирана (от излома ирано-иракской войны до современности)
БАСКАКОВ И. Д. 47

Герой и его эпохи: три жизни Н. М. Пржевальского
БУХАРИН М. Д. 55

Молодежные жилые комплексы в СССР в 1970–1980-е гг. как один из путей решения жилищной проблемы молодых семей
ГОРЛОВ В. Н. 66

Реализация Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза в 2021–2022 годах: первые политические шаги и результаты
КИТАЕВ Р. В. 74

Из истории отношений СССР / России с Организацией Североатлантического договора
МИХАЙЛИН И. В. 81

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Организационное доверие в органах внутренних дел: теоретический и эмпирический анализ
ЗУЕВА О. В. 92

Тенденции объективации категории «эффективность управления» руководителями органов внутренних дел (поколенческий анализ)
ПЕРЕДНЯ Д. Г., ПОГРЕБНОЙ Д. Н. 100

Динамика удовлетворенности жизнью военных пенсионеров
СМИРНОВ А. И. 106

Опыт эмпирических исследований межэтнических взаимодействий в вооруженных силах США
СОГОМОНЯН А. С. 114

POLITICAL SCIENCES

Problems and Perspectives of the Biosecurity Ensuring Mechanisms within the Collective Security Treaty Organization
GOLUB K. YU. 9

The Russian Factor in the Current Foreign Policy of Hungary
LISENKOVA A. D. 16

Development of the Chinese Sea Strategy
NAVDAEVA M. E. 24

Migration Processes as a Factor of Influence on Internal Political Processes in Europe (German Case)
NADEZHDIN A. E. 32

HISTORICAL SCIENCES

The Participation of Brazil in World War II and the Problems of Preserving Historical Memory
AGUREEV S. A., BOLTAEVSKY A. A., SINCHUK YU. V. 40

The Impact of Ideas of Panislamism upon Foreign Policy Concepts of Iran (from the Turning point of the Iran-Iraq War to the Current Stage)
BASKAKOV I. D. 47

Hero and his Epochs: Three Lives of N.M. Przhevalsky
BUHARIN M. D. 55

Youth Residential Complexes in the USSR in the 1970-1980s. as one of the Ways to Solution the Housing Problem of Young Families
GORLOV V. N. 66

The implementation the EU Indo-Pacific strategy at 2021-2022: the first political steps and results
KITAEV R. V. 74

From the history of relations between USSR / Russia and the North Alliance Treaty Organization
MIKHAILIN I. V. 81

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Organizational trust in the internal affairs bodies: theoretical and empirical analysis
ZUEVA O. V. 92

Trends in the objectification of the category "management efficiency" by heads of internal affairs bodies (generational analysis)
PEREDNYA D. G., POGREBNOY D. N. 100

Dynamic of Life Satisfaction of Military Pensioners
SMIRNOV A. I. 106

The experience of empirical research on Interethnic Interactions in the US Armed Forces
SOGOMONYAN A. S. 114

Научная статья
УДК 327.7

Проблемы и перспективы становления механизмов обеспечения биологической безопасности в формате Организации Договора о коллективной безопасности

К. Ю. Голуб

Секретариат Организации Договора о коллективной безопасности[1], Москва, Россия
kirillgoloub@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы функционирования международных и региональных механизмов обеспечения биобезопасности, включая особенности деятельности Координационного совета Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам биологической безопасности.

Ключевые слова: биологическая безопасность, евразийская безопасность, региональные организации, Конвенция о запрещении разработки, Организации Договора о коллективной безопасности

Для цитирования: Голуб К. Ю. Проблемы и перспективы становления механизмов обеспечения биологической безопасности в формате Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 9–15.

Original article

Problems and Perspectives of the Biosecurity Ensuring Mechanisms within the Collective Security Treaty Organization

Kirill Y. Golub

Collective Security Treaty Organization Secretariat, Moscow, Russia
kirillgoloub@mail.ru

Abstract. The article analyses the problems of the international and regional biosecurity ensuring mechanisms including the features of newly established Collective Security Treaty OrganisationCoordination council on biosecurity issues.

Keywords: biosecurity, Eurasian security, regional organizations, BTWC, Collective Security Treaty Organisation

For citation: Golub, K. Y. (2024). Problems and Perspectives of the Biosecurity Ensuring Mechanisms within the Collective Security Treaty Organization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 9–15.

[1]Статья отражает личное мнение автора и не является официальной позицией Организации Договора о коллективной безопасности или ее органов.

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 существенно изменила общественный взгляд на подходы к реагированию на угрозы и риски биологического характера. В связи с эволюцией понимания биологической безопасности развиваются подходы к ее обеспечению, в том числе и на международном уровне. Соответствующая проблематика выходит за пределы мандатов специализированных международных организаций и включается в повестки дня для рассмотрения региональными объединениями[1].

Аналогичные задачи формулируются в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (*далее* ОДКБ или Организация). В 2020 году государства-члены с учетом трансграничного характера рисков и угроз в области биологической безопасности отмечали рост востребованности наращивания совместных действий по их предупреждению[2]. В 2021 году государства-члены выступили за развитие сотрудничества и координации в рамках ОДКБ по вопросам обеспечения биологической безопасности[3]. Одновременно в 2021–2023 годах закладывался нормативный и организационный фундамент соответствующих структур. В этой связи рассмотрение проблем и перспектив становления коллективных механизмов обеспечения биологической безопасности в формате ОДКБ представляется весьма актуальным. Тем более, что значительная часть мероприятий ОДКБ, ее органов по противодействию угрозам биологической безопасности остается пока за пределами научного рассмотрения. Данную лакуну и предполагается в известной мере восполнить настоящей работой.

Ее цель заключается в выявлении характерных особенностей формирования коллективных механизмов обеспечения биологической безопасности в формате ОДКБ, которые могут предопределить их функционирование в среднесрочной перспективе. Для этого предполагается проанализировать теоретические основы обеспечения биологической безопасности на национальном и глобальном уровнях, поместив их в актуальный международный контекст, рассмотреть нормативные правовые основы механизмов обеспечения биологической безопасности в формате ОДКБ, оценить место и роль последних в системе коллективной безопасности.

В работе использован сравнительный метод, который позволяет рассмотреть изменения ситуации в зоне ответственности ОДКБ, выявить расхождения подходов стран к вопросам обеспечения биологической безопасности. При помощи структурно-функционального метода становится возможным определить их цели, задачи и позиции. Системный подход способствует раскрытию потенциала ОДКБ по противодействию биологическим вызовам и угрозам, позволяет оценить взаимосвязь и взаимозависимость разрабатываемых механизмов в системе коллективной безопасности.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА И МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Теоретические подходы к определению и обеспечению биологической безопасности с течением времени претерпели существенные изменения. Концептуальная основа современных отечественных подходов к содержанию и обеспечению биологической безопасности заложена коллективом авторов во главе с Г. Г. Онищенко. В цикле публикаций сформулированы узкая и широкая трактовка биологической безопасности, заложена понятийная, терминологическая и определительная база биологической безопасности, обозначены подходы к научному обеспечению национального нормирования широкого формата биологической безопасности.

Узкий формат биологической безопасности, сложившийся во второй половине XX века, предполагает понимание биологической безопасности как выполнения требований противоэпидемического режима работы с материалом, зараженным или вызывающим подозрения в зараженности возбудителями особо опасных инфекционных болезней.

[1] *Заявление* глав государств – участников СНГ о сотрудничестве в области обеспечения биологической безопасности. URL: https://cis.minsk.by/news/20860/glavy_gosudarstv_sng_prinjali_zajavlenie_o_sotrudnichestve_v_oblasti_obespechenija_biologicheskoj_bezopasnosti (дата обращения: 8.09.2023); *Заявление* глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о совместном противодействии угрозам эпидемий на пространстве ШОС. URL: http://rus.sectsco.org/load/442972/ (дата обращения: 8.09.2023); *Declaration* On Accelerating Implementation of International Health Regulations in Africa. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/37294-assembly_au_dec_642_-_664_xxix_e_1.pdf (дата обращения: 8.09.2023); *Bandar* Seri Begawan Declaration on the Strategic and Holistic Initiative to Link ASEAN Responses to Emergencies and Disasters (ASEAN SHIELD). URL: https://asean.org/bandar-seri-begawan-declaration-on-the-strategic-and-holistic-initiative-to-link-asean-responses-to-emergencies-and-disasters-asean-Shield/ (дата обращения: 8.09.2023).

[2] Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сборник документов. М.: Секретариат ОДКБ, 2021. Вып. № 21. С. 75.

[3] Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сборник документов. М.: Секретариат ОДКБ, 2021. Вып. № 22. С.101.

Такой подход является составной частью обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, направленного на поддержание комфортных условий жизни и деятельности человека. При этом редкие аварии на потенциально опасных биологических объектах рассматривались как потенциально опасные, создающие риск инфицирования работающего с патогенными биологическими агентами персонала и населения. Эпидемиологические последствия аварий быстро купировались в рамках выполнения правил в области биологической безопасности, и, таким образом, не создавалось угрозы национальной и международной безопасности [Онищенко и др., 2013].

Выход за пределы узкого смыслового диапазона биологической безопасности (противоэпидемический режим работы) был обусловлен ростом актуальности проблемы преднамеренного использования опасных биологических факторов, риск которого существенно увеличился и включает угрозы:

– вспышки новых (неизвестных) и возвращающихся инфекционных болезней людей и животных (в результате распространения из естественных резервуаров патогенных микроорганизмов и из очагов заражения);

– биологического терроризма;

– биологической войны с использованием биологического оружия нового поколения, в том числе и генного;

– нарушения специальных режимов (экспортного контроля) в отношении технологий двойного назначения в этой сфере;

– масштабных чрезвычайных ситуаций биологического характера [Берладир, Харичкин, 2022].

Таким образом, переход к расширенному содержанию биологической безопасности фундаментально обусловлен повышением ее значимости ввиду качественного и количественного роста биологических угроз до масштабов, сопоставимых с другими угрозами национальной, региональной и международной безопасности [Редникова, 2023].

При этом отмеченный рост биологических угроз остается без надлежащего ответа международного сообщества. Коллектив белорусских авторов: В. Арчаков, А. Баньковский, П. Савков – подробно рассматривает опыт зарубежных стран (США, Великобритания, КНР, Белоруссия, Казахстан, Россия) по созданию организационно-правовых механизмов реагирования на опасные биологические ситуации, а также попытки объединения усилий на этом направлении в рамках международных структур (ООН, Европейский Союз, Содружество Независимых Государств, ОДКБ).

Основным международным форматом защиты от биологических угроз остается Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, которая вступила в силу 26 марта 1975 года (далее КБТО или Конвенция)[1]. Подписавшие конвенцию государства взяли на себя обязательства не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать, не сохранять патогенные биологические агенты и токсины таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических и защитных целей.

Однако конвенция не содержит ни конкретных положений о подходах к ее осуществлению, ни даже перечня биологических агентов, подлежащих запрету, что, по некоторым оценкам, характеризует КБТО скорее как совместное политическое заявление стран-участников, чем как международный договор[2]. Единственным механизмом защиты положений конвенции является подача жалобы в Совет Безопасности ООН по факту нарушения ее положений, которая возможна только участниками КБТО по отношению друг к другу. Таким образом, принятие мер по итогам рассмотрения подобных жалоб фактически ставится в зависимость от позиций государства, чьи действия обжалуются, если оно является постоянным членом Совета Безопасности ООН [Арчаков, Баньковский, Савков, 2021].

Вместе с тем, по мнению ряда экспертов, основанному на анализе соответствующих национальных программ НИОКР, в настоящее время технологически развитыми странами ведутся разработки новых поколений биологических поражающих агентов [Филонов, 2020]. Ими проводится активная деятельность по разработке программ создания биологического оружия нового поколения, например этнического, биохимического (не подпадающего под действие конвенции), с множественной лекарственной устойчивостью, уклоняющегося от диагностики, преодолевающего иммунитет, устойчивого к факторам внешней среды [Онищенко и др., 2013].

Именно эти обстоятельства обосновывают необходимость разработки мер по верификации, которые должны были бы четко определить механизм контроля за осуществлением КБТО. В этих целях в 1991 году была создана группа правительственных экспертов от стран-участников с целью

[1]Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (заключена 16.12.1971) // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 436–441.

[2]Стрелец М. В. Объединенные Нации на пути к идеальному миру // Независимое военное обозрение. 21.09.2023. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2023-09-21/6_1254_un.html (дата обращения: 25.09.2023).

подготовки юридически обязательного для всех государств документа (протокола) по мерам укрепления конвенции. На V Обзорной конференции государств – участников КБТО в 2001 году делегация США блокировала подписание протокола, включающего комплекс эффективных мер, разработанных международными экспертами, в том числе и России, с целью контроля выполнения государствами – участниками положений КБТО.

В 2016 году в ходе VIII Обзорной конференции КБТО, несмотря на определенные разногласия между участниками переговорного процесса, существовала реальная перспектива достижения договоренностей на приемлемой для всех основе. Тем не менее на последнем этапе делегация США отказалась от поиска компромисса и использования всех возможностей для обеспечения успешного итога переговоров и вновь блокировала подписание протокола [Филонов, 2020].

В 2021 году в преддверии IX Обзорной конференции КБТО министры иностранных дел государств – членов ОДКБ выступили с Совместным заявлением об укреплении Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия. В данном заявлении подчеркивалась необходимость институционализации и принятия юридически закрепленного протокола к Конвенции, предусматривающего среди прочего эффективный механизм проверки соблюдения КБТО[1]. Тем не менее в ходе мероприятия не удалось достичь принципиальных договоренностей по укреплению режима КБТО, а заключительный документ был принят без итоговой декларации. Ключевые инициативы Российской Федерации, Китая и других государств были заблокированы западными делегациями как «непрофильные» или «недостаточно проработанные»[2].

Таким образом, до настоящего времени механизмы контроля соблюдения КБТО на глобальном уровне не приняты, что позволяет технологически развитым странам, в отсутствие юридически закрепленных механизмов проверки выполнения требований КБТО, практически бесконтрольно реализовать любые проекты в этой сфере, в том числе на территориях, прилегающих к зоне ответственности ОДКБ.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФОРМАТЕ ОДКБ

В сложившихся международных условиях возможным ответом на рост биологических угроз может стать создание и развитие региональных механизмов реагирования на них. В конце 2020 года Российской Федерацией в связи с необходимостью совершенствования правовой базы сотрудничества по вопросам обеспечения биологической безопасности было предложено сформировать Координационный совет уполномоченных органов государств – членов ОДКБ по вопросам биологической безопасности, подотчетный Комитету секретарей советов безопасности ОДКБ[3].

Создание механизма взаимодействия государств – членов ОДКБ в сфере биологической безопасности в рамках Организации осуществлялось в несколько этапов и потребовало расширения положений ее основополагающих документов. В 2021 году ими было согласовано изменение Устава ОДКБ. Оно предполагало дополнение ст. 8 указанием на взаимодействие, в том числе в сфере биологической безопасности[4], что стало новым расширением мандата Организации с 2010 года[5]. Дополнительно Комитет секретарей советов безопасности ОДКБ был наделен полномочиями по координации деятельности структур Организации и государственных органов государств – членов по вопросам биологической безопасности[6].

Соответствующим решением при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ в статусе рабочей группы создан Координационный совет уполномоченных органов государств – членов ОДКБ по вопросам биологической безопасности (далее КСББ или Координационный совет) и утверждено положение о нем[7].

---

[1]Совместное заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности об укреплении Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сборник документов. М.: Секретариат ОДКБ, 2021. Вып. № 22. С. 17.

[2]На 9-й конференции стран – участников КБТО не приняли итоговую декларацию. 24.12.2022. URL: https://ria.ru/20221224/deklaratsiya-1841024702.html (дата обращения: 21.09.2023).

[3]Российская газета. 28.04.2021. – URL: https://rg.ru/2021/04/28/nurgaliev-v-zone-otvetstvennosti-odkb-otmechen-rost-kiberprestupnosti.html (дата обращения: 7.09.2023).

[4]Четвертый протокол о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сборник документов. М.: Секретариат ОДКБ. 2022. Вып. № 23. С. 91.

[5]Голуб К. Ю. Системы кризисного реагирования в региональных организациях // Военно-юридический журнал. 2014. № 6. С. 26–31.

[6]Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ от 19 июля 2022 года «О внесении изменений в Положение о Комитете секретарей советов безопасности Организации Договора о коллективной безопасности» // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сборник документов. М.: Секретариат ОДКБ, 2022. Вып. № 23. С. 90.

[7]Решение Комитета секретарей советов безопасности ОДКБ от 15 сентября 2021 года «О Координационном совете

Вступление в силу принятых решений позволило государствам – членам ОДКБ в 2022 году сформировать персональный состав Координационного совета и утвердить его в установленном порядке[1]. В конце 2022 года состоялось первое заседание КСББ, в ходе которого был избран его председатель (А. Ю. Попова – руководитель российской Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека) и рассмотрен ряд организационных вопросов[2].

Наряду с формированием Координационного совета, еще одним шагом по обеспечению биологической безопасности в формате ОДКБ стало создание совместного формирования радиационной, химической и биологической защиты и медицинского обеспечения[3]. В сентябре 2023 года на территории Белоруссии с его участием состоялось специальное учение ОДКБ «Барьер-2023», в ходе которого отрабатывались вопросы минимизации биологических угроз, проведения неспецифической биологической разведки района, отбора проб, эвакуации заболевших и полной специальной обработки личного состава, военной техники, оружия и снаряжения[4].

Существенным препятствием для рассмотрения проблематики обеспечения биологической безопасности в практике функционирования международных организаций является отсутствие сложившегося терминологического консенсуса в отношения самого понятия «биологическая безопасность». Умнова-Конюхова справедливо отмечает, что в международном праве соответствующее понятие не синтезировано, а национальные подходы закономерным образом различаются по объектам и субъектам защиты [Умнова-Конюхова, 2023].

Рассмотренные выше акты Организации Договора о коллективной безопасности также не содержат нормативно закрепленного терминологического аппарата. Стороны отказались от согласования соответствующих положений, фактически передав их на рассмотрение вновь созданного механизма. При этом документы оперируют таким понятиями как биологическая безопасность, биологические угрозы, опасные биологические факторы и рядом других, понимание которых в значительной степени фактически основывается на российских доктрине и законодательстве.

Принципы, заложенные в функционирование механизмов взаимодействия государств – членов ОДКБ на этом направлении, свидетельствуют о практическом отходе от узкого понимания биологической безопасности и подтверждают нацеленность Организации на реализацию комплексного подхода к биологической безопасности.

Согласно положению от 15 сентября 2021 года, КСББ должен участвовать в организации деятельности по выполнению решений, связанных с защитой граждан и территорий государств – членов от биологических угроз (п. 3.1.1), и разрабатывать коллективные меры по предотвращению угроз национальной, региональной и международной безопасности, связанных с воздействием опасных биологических факторов (п. 3.1.2).

При этом комплексный подход к обеспечению биологической безопасности просматривается как при рассмотрении задач КСББ, так и подходов к его формированию. В состав Координационного совета входят представители заинтересованных министерств и ведомств государств – членов ОДКБ, осуществляющих функции обеспечения биологической безопасности (п. 2.1). КСББ включает не только представителей соответствующих служб, на которые национальным законодательством возложены вопросы соблюдения требований противоэпидемического режима, но и других ведомств и организаций, чья компетенция затрагивает вопросы обеспечения биологической безопасности в широком ее понимании. К числу означенных организаций относятся министерства обороны, министерства иностранных дел, аппараты советов безопасности и ряд других структур.

Анализ указанного положения свидетельствует о том, что в силу своего статуса Координационный совет остается совещательным органом, лишенным практических полномочий. Он может принимать рекомендации по практической реализации в рамках ОДКБ международных договоров и решений, касающихся вопросов обеспечения биологической безопасности; содействовать реализации государствами – членами ОДКБ совместных

уполномоченных органов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам биологической безопасности» // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сборник документов. М.: Секретариат ОДКБ, 2021. Вып. № 22. С. 91–95.

[1]Решение Комитета секретарей советов безопасности ОДКБ от 23 ноября 2022 года «О составе Координационного совета уполномоченных органов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам биологической безопасности» // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности: сборник документов. М.: Секретариат ОДКБ, 2022. Вып. № 23. С. 65–70.

[2]Протокол первого заседания Координационного совета уполномоченных органов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам биологической безопасности от 15 декабря 2022 года // Текущий архив Секретариата ОДКБ.

[3]Список документов, подписанных на сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности. 23.11.2022. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5868 (дата обращения: 7.09.2023).

[4]На учениях ОДКБ отрабатывают угрозы биобезопасности. 2.09.2023. URL: https://ria.ru/20230902/ucheniya-1893819249.html (дата обращения: 7.09.2023).

практических мер по предотвращению угроз биологической безопасности, связанных с воздействием опасных биологических факторов; вносить предложения по вопросам обеспечения биологической безопасности для рассмотрения на заседаниях вышестоящих органов ОДКБ. Координационный совет подотчетен Комитету секретарей советов безопасности ОДКБ, результаты его деятельности носят информационно-аналитический и рекомендательный характер.

Вместе с тем при оценке его роли Координационный совет следует рассматривать в общем контексте региональной системы обеспечения коллективной безопасности, выстроенной в рамках ОДКБ [Голуб К., Голуб Ю., 2018]. КСББ в таком случае оказывается еще одним звеном наряду с таким механизмами сотрудничества, как Координационный совет по противодействию незаконному обороту наркотиков, Координационный совет по противодействию нелегальной миграции, Координационный совет по чрезвычайным ситуациям, Консультационный координационный центр по вопросам реагирования на компьютерные инциденты, чья деятельность также координируется Комитетом секретарей советов безопасности ОДКБ.

В 2023 году в Белоруссии как председательствующем в ОДКБ государстве состоялось второе заседание КСББ. В ходе заседания российская сторона довела до сведения членов Координационного совета доклад о военно-биологических угрозах на пространстве ОДКБ. Представители государств – членов ОДКБ обменялись оценками ситуации в сфере биологической безопасности и предложениями по своему взаимодействию в этой области. Состоялся обмен мнениями по вопросу инициативы казахстанской стороны создать международное агентство по биологической безопасности, подотчетное Совету Безопасности ООН. Координационным советом рассмотрен ход подготовки плана мероприятий КСББ на 2022–2024 годы[1].

[1]Протокол второго заседания Координационного совета уполномоченных органов государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам биологической безопасности от 13 июля 2023 года // Текущий архив Секретариата ОДКБ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение реализованных мероприятий Организации Договора о коллективной безопасности по обеспечению биологической безопасности в зоне ее ответственности позволяет сделать следующее выводы.

1. В условиях неспособности мирового сообщества создать на фундаменте КБТО глобальный механизм контроля распространения биологических угроз Российская Федерация инициировала формирование региональной структуры, которая позволит создать, во-первых, институциональную рамку для наращивания межгосударственного сотрудничества в этой сфере и, во-вторых, инструмент дипломатического давления и продвижения на международной арене соответствующих инициатив государств – членов ОДКБ.

2. В основу созданного механизма противодействия биологическим угрозам положено современное широкое понимание биологической безопасности, обеспечение которой предполагает привлечение широкого спектра национальных ведомств государств – членов ОДКБ.

В рамках общей региональной системы обеспечения безопасности осуществляются соответствующие меры противодействия широкому спектру современных вызовов и угроз, включающие:

– международный терроризм,
– преступления в сфере информационных технологий,
– нелегальную миграцию,
– предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций и другие.

3. Расширение сотрудничества обусловит необходимость создания практических механизмов подготовки и безотлагательной реализации коллективных мероприятий по предотвращению угроз национальной, региональной и международной безопасности, связанных с воздействием опасных биологических факторов, что потребует повышения статуса КСББ в рамках Организации с наделением его соответствующими полномочиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Онищенко Г. Г. [и др.]. Концептуальные основы биологической безопасности. Часть I // Вестник Российской академии медицинских наук. 2013. Т. 68. № 10. С. 4–13.
2. Берладир Ю. В., Харичкин И. К. Биотерроризм: реальность или миф? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 9–17.
3. Редникова Т. В. Правовое обеспечение биологической безопасности в контексте национальной безопасности страны: новые угрозы и меры противодействия // Юридические исследования. 2023. № 2. С. 1–10.

4. Арчаков В., Баньковский А., Савков П. Обеспечение биологической безопасности: зарубежный опыт в контексте современных вызовов и угроз // Наука и инновации. 2021. № 10 (224). С. 21–29.
5. Филонов В. В. Современные проблемы биологической безопасности // Известия Национальной академии наук Республики Киргизия. 2020. № 2. С. 17–24.
6. Умнова-Конюхова И. А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2023. № 2. С.7–19.
7. Голуб К.Ю., Голуб Ю.Г. ОДКБ: Истоки многопрофильного мандата и современные инструменты его реализации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 193–203.

REFERENCES

1. Onishchenko, G. G. et al. (2013). Conceptual Bases of Biological Safety. Part 1. Annals of the Russian Academy of Medical Sciences, 10, 4–13. (In Russ.)
2. Berladir, Yu. V., Kharichkin, I. K. (2022). Bioterrorism: reality or myth? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4 (849), 9–17. (In Russ.)
3. Rednikova, T. V. (2023). Biosecurity Law in the Context of National Security: New Threats and Countermeasures. Legal Studies, 2, 1–10. (In Russ.)
4. Archakov, V., Bankovsky, A., Savkov, P. (2021). Ensuring Biological Safety: Experience in the Context of Modern Challenges and Threats. The Science and Innovations, 10 (224), 21–29. (In Russ.)
5. Filonov, V. V. (2020). Modern Problems of Biological Safety. Procedings of the National Academy of Sciences of The Republic Kyrgyz, 2, 17–24. (In Russ.)
6. Umnova-Koniukhova, I. A. (2023). Biological Security in International Law and Russian Law as a New Sphere of Legal Regulation. Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2, 7–19. (In Russ.)
7. Golub, K. Y., Golub, Y. G. (2018). CSTO: Origins of the multidisciplinary mandate and modern tools for its implementation. Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy, 13(1), 193–203. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голуб Кирилл Юрьевич

кандидат юридических наук
начальник правового отдела
Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golub Kirill Y.

PhD in International and European Law
Head of Legal Department
Collective Security Treaty Organization Secretariat

Статья поступила в редакцию	27.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Российский фактор в современном внешнеполитическом курсе Венгрии

А. Д. Лисенкова

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
alena.denisovna@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется российский фактор в современном внешнеполитическом курсе правительства Венгрии во главе с В. Орбаном и его партией «Фидес – Венгерский гражданский союз». Сравниваются официальные позиции правительства по наиболее резонансным вопросам, связанным с Россией. К ним относятся энергетические санкций, членство Финляндии и Швеции в НАТО, поставки вооружения украинской стороне. Исследование показывает, что, несмотря на согласие со многими ценностными ориентирами партнеров по ЕС и НАТО, Венгрия готова продолжать последовательно защищать собственные экономические и энергетические интересы.

Ключевые слова: В. Орбан, «Фидес – Венгерский гражданский союз», Россия, санкции, НАТО, поставки вооружения

Благодарности: Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР № 122112900010-9.

Для цитирования: Лисенкова А. Д. Российский фактор в современном внешнеполитическом курсе Венгрии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 16–23.

Original article

The Russian Factor in the Current Foreign Policy of Hungary

Alena D. Lisenkova

North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia
alena.denisovna@yandex.ru

Abstract. The article characterizes the Russian factor in the current foreign policy course of the Hungarian government led by V. Orbán and his party Fidesz – Hungarian Civic Alliance. The author compares the official governmental positions on the most controversial Russia-related issues. They include energy sanctions, the membership of Finland and Sweden in NATO and arms supplies to Ukraine. The study shows that Hungary agrees with many values of its EU and NATO partners. However, it is also ready to continue to consistently defend its own economic and energy interests.

Keywords: V. Orbán, Fidesz – Hungarian Civic Alliance, Russia, sanctions, NATO, arms supply

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the initiative research NWIM branch RANEPA, N 122112900010-9.

For citation: Lisenkova, A. D. (2024). The Russian Factor in the Current Foreign Policy of Hungary. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 16–23.

ВВЕДЕНИЕ

В. Орбан неоднократно характеризовал венгерский внешнеполитический курс, прибегая к сравнению с известным лозунгом «Америка превыше всего» и Д. Трампом, определяя тем самым, что и его стране следует ставить собственные интересы на первое место (*Hungarian prime minister hits back at Biden calling him a 'thug' // Fox News. 05.08.2021*)[1]. Однако из-за этого приоритеты Европейского союза (ЕС) и других представителей «коллективного Запада» не всегда находят отклик в евроскептической внешней политике страны, а В. Орбан и его партия Фидес регулярно обвиняются западными партнерами в пророссийских настроениях, хотя данный вопрос корректнее было бы рассматривать в более широком контексте [Смирнов, 2022].

«Фидес – Венгерский гражданский союз» (Фидес) – правая национал-консервативная евроскептическая политическая партия Венгрии. Ее действующими приоритетами можно считать вопросы, касающиеся экономических и внешнеполитических интересов, национальной идентичности, государственной безопасности (в том числе защиты от миграционных потоков), а также традиционных христианских, культурных и семейных ценностей. Фидес (при переводе с венгерского – *Альянс молодых демократов*) был создан в 1988 году на основе подпольного антикоммунистического студенческого движения с либерально-центристскими взглядами. Впрочем, постепенно они всё более смещались в сторону национал-консервативных. В 2000 году Фидес даже присоединился к христианским демократам из Европейской народной партии, покинув Либеральный Интернационал, в котором состоял с 1992 года (*The History of Fidesz // Fidesz*)[2].

В. Орбан, один из основателей и многолетний лидер партии, охарактеризовал собственную политическую позицию как расположенную «внутри западной цивилизации» «более успешную в повседневной жизни консервативную национальную альтернативу [либералам]» (*Hungarian prime minister hits back at Biden calling him a 'thug' // Fox News. 05.08.2021*)[3]. В коалиции с Венгерским демократическим форумом и Независимой партией мелких хозяев, аграрных рабочих и граждан Фидес управлял Венгрией с 1998 по 2002 год (*The History of Fidesz // Fidesz*)[4], а с Христианско-демократической народной партией находится у власти с 2010 года, одержав также победы на выборах 2014, 2018 и 2022 годов. Премьер-министром во всех случаях стал В. Орбан.

Дальнейшее движение вправо, сопровождаемое обвинениями от западных партнеров в несоблюдении верховенства права и отступлении от демократии, привело к тому, что в 2019 году членство Фидес в Европейской народной партии было заморожено, а в 2021 году он окончательно покинул и транснациональную партию, и одноименную политическую группу в Европейском парламенте. Именно так в созыве 2019–2024 годов Европарламента Фидес, пусть и не сразу, но оказался в числе неприсоединившихся депутатов (*de La Baume M. Orbán's Fidesz quits EPP group in European Parliament // Politico. 03.03.2021*)[5].

Дополнительным вкладом в дистанцирование между Венгрией и Европейским союзом стал комплекс новых внешнеполитических, экономических и энергетических вызовов, появившихся на рубеже 2021–2022 годов и связанных с обострением отношений между «коллективным Западом» и Российской Федерацией (РФ). Несогласие с украинским направлением внешнеполитического курса последней (особенно специальной военной операцией) вылилось в череду новых санкционных ограничений, трансформацию на мировых рынках и др.

В. Орбан неоднократно выступал в поддержку суверенитета и территориальной целостности Украины (*Magyarország támogatja Ukrajna szuverenitását és területi épségét // Fidesz. 22.02.2022*)[6]. Не забывая отметить невозможность размещения венгерских солдат и военной техники на украинской территории, так как «безопасность венгерского народа – самое главное»; 24 февраля 2022 года он пообещал гуманитарную помощь и заявил, что «вместе с нашими союзниками по Европейскому союзу и НАТО мы осуждаем военные действия России» (*Számunkra a magyar emberek biztonsága a legfontosabb // Fidesz. 24.02.2022*)[7]. Венгрия также неоднократно голосовала в поддержку антироссийских резолюций в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (*UN General Assembly calls for immediate end to war in Ukraine // United Nations. 23.02.2023*)[8].

Несмотря на это, уже весной 2022 года он как «антиукраинский пропагандист» и «соучастник

[1]URL: https://www.foxnews.com/video/6266722532001

[2]URL: https://web.archive.org/web/20071010152354/http://www.fidesz.hu/index.php?Cikk=68476

[3]URL: https://www.foxnews.com/video/6266722532001

[4]URL: https://web.archive.org/web/20071010152354/http://www.fidesz.hu/index.php?Cikk=68476

[5]URL: https://www.politico.eu/article/epp-suspension-rules-fidesz-european-parliament-viktor-orban-hungary/

[6]URL: https://fidesz.hu/hirek/magyarorszag-tamogatja-ukrajna-szuverenitasat-es-teruleti-epseget

[7]URL: https://fidesz.hu/hirek/szamunkra-a-magyar-emberek-biztonsaga-a-legfontosabb

[8]URL: https://news.un.org/en/story/2023/02/1133847

российских преступлений» оказался в числе политиков (*Премьера Венгрии добавили в черный список украинского сайта «Миротворец» // Известия. 02.05.2022*)[1], включенных в базу украинского сайта «Миротворец»[2], позиционирующего себя онлайн-представительством «Центра исследований преступлений против основ национальной безопасности Украины, мира, безопасности граждан» (*там же*)[3].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать российский фактор в современном внешнеполитическом курсе правительства Венгрии во главе с В. Орбаном и его партией «Фидес – Венгерский гражданский союз». Для этого автором рассматривается ряд наиболее острых связанных с Россией тем, по которым в последние годы позиция Венгрии подверглась критике от ее западных партнеров: антироссийские энергетические санкции, членство Финляндии и Швеции в НАТО, а также поставка вооружений украинской стороне, в том числе транзитом через территорию Венгрии.

ПОЗИЦИЯ ВЕНГРИИ ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ САНКЦИЯМ

В соответствии с данными оксфордского портала Our World in Data показатели Венгрии в долях энергетического потребления по различным ресурсам в 2022 году выглядели следующим образом: 36,25 % – нефть, 34,54 % – газ, 14,89 % – ядерное топливо, 7,8 % – возобновляемые источники энергии (ВИЭ), 5,2 % – уголь[4]. Данные цифры подчеркнули сохранившуюся приоритетную роль невозобновляемых источников энергии для страны, а также показали достаточно низкую продуктивность ее «энергетического перехода». Впрочем, еще в 2020 году Венгрия все-таки обозначила целевые показатели по «углеродной нейтральности» к 2050 году и 90 % производства электроэнергии из «чистых» источников к 2030 году. Однако под влиянием развернувшегося в конце 2021 году международного энергетического кризиса, уже летом 2022 года в стране было объявлено чрезвычайное энергетическое положение, предоставившее возможность продлить срок службы четырех энергоблоков на единственной атомной электростанции (АЭС) «Пакш», увеличить импорт газа из РФ, а также собственную добычу газа и угля (*Hungary's clean energy transition is the key to reach energy independence // International Energy Agency. 09.09.2022*)[5].

Накануне энергокризиса 21 % импортируемого угля, 95 % газа и 64 % нефти поставлялись из России. Ядерное топливо Венгрия и вовсе не производила самостоятельно, а полностью закупала его у РФ. В результате государство не считает допустимым прекращение сотрудничества с российской стороной и ее компаниями (такими как «Газпром», «Росатом») в вопросах поставок, а также строительства и финансирования новой инфраструктуры[6]. Венгрия весьма зависима от иностранных инвесторов, помогающих экономике развиваться, что заставляет делать дополнительные шаги для их сохранения [Дрыночкин, Сергеев, 2019].

Представленная выше статистика по энергетическому потреблению объясняет, почему страна в достаточно жесткой манере последовательно отстаивает нефтяное, газовое и атомное сотрудничество. Так, например, в 2023 году начался подготовительный этап строительства в рамках проекта АЭС «Пакш-2» (*Росатом приступил к первому этапу подготовки сооружения энергоблоков АЭС «Пакш-2» // Росатом. 05.07.2023*)[7]. С 2020–2023 годов доля сторонников развития атомной энергетики в стране среди ее граждан только увеличилась, в том числе с ростом показателей по отношению к использованию российских технологий (с 53 % до 57 %) [Дрыночкин, 2023]. Годом ранее министр иностранных дел и внешней торговли П. Сийярто заявил, что стороны договорились о возможности сверхпоставок природного газа в страну, преимущественно, через «Турецкий поток» (*Милькин В., Савенкова Д., Мишутин Г. Венгрия договорилась о сверхконтрактных поставках газа из России и отсрочке платежей // Ведомости. 11.04.2023*)[8].

В интервью Т. Карлсону (2023) премьер-министр В. Орбан сказал, что «мы [Венгрия и Сербия] очень ясно дали понять, что, если кто-то захочет сделать с "южным коридором" ["Турецким потоком"] то же самое, что было сделано с "северным" ["Северный поток-1" и "Северный поток-2"], мы рассмотрим это как террористическую атаку или повод для войны и немедленно отреагируем» (*Interview with Viktor Orbán by Tucker Carlson //*

[1]URL: https://iz.ru/1329199/2022-05-02/premera-vengrii-dobavili-v-chernyi-spisok-ukrainskogo-saita-mirotvoretc

[2]Доступ к сайту заблокирован решением Октябрьского районного суда Санкт-Петербурга в 2016 году.

[3]URL: https://iz.ru/1329199/2022-05-02/premera-vengrii-dobavili-v-chernyi-spisok-ukrainskogo-saita-mirotvoretc

[4]Ritchie H., Roser M. Hungary: Energy Country Profile // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/energy/country/hungary

[5]URL: https://www.iea.org/news/hungary-s-clean-energy-transition-is-the-key-to-reach-energy-independence

[6]Hungary 2022: Energy Policy Review // International Energy Agency. 2022. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/9f137e48-13e4-4aab-b13a-dcc90adf7e38/Hungary2022.pdf

[7]URL: https://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-pristupil-k-pervomu-etapu-podgotovki-sooruzheniya-energoblokov-aes-paksh-2/

[8]URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/04/11/970491-vengriya-sverhkontraktnih-postavkah

About Hungary. 29.08.2023)[1]. Руководствуясь соображениями энергетической безопасности, П. Сийярто также предложил перенаправить газ, идущий транзитом через Украину, через «Турецкий поток» (*Федотова М. Венгрия предложила направить идущий через Украину газ из РФ на «Турецкий поток» // Коммерсантъ. 18.08.2023*)[2]. Исходя из тех же обоснований, Венгрия стремится, пусть и к неспособной заменить российские поставки, но все-таки диверсификации поставщиков, охарактеризовав рентабельным для себя сотрудничество с Азербайджаном и Турцией по тому же маршруту (*Шевченко А. Венгрия хочет получать турецкий газ // Neftegaz. 29.07.2023*)[3]. Тогда как США были сочтены экономически невыгодным партнером (*Федотова М. Венгрия предложила направить идущий через Украину газ из РФ на «Турецкий поток» // Коммерсантъ. 18.08.2023*)[4].

Уровень энергетической зависимости Венгрии от России является ключом к пониманию часто резонансной позиции государства по вопросу различных санкционных ограничений, особенно в области энергетики. Так, яркими примерами стали нефтяное эмбарго (6-й пакет) и запрет на поставки российской нефти по северной ветке нефтепровода «Дружба» (11-й пакет). Благодаря угрозе блокировки решения в Совете именно от венгерской стороны, как в 6-м пакете санкций содержалась оговорка о временном исключении для трубопроводных поставок[5], так и в 11-м речь не шла о южной ветке трубопровода, где нефть транспортируется как раз в Венгрию[6].

Наконец, от санкций против российской атомной энергетики венгерская сторона и вовсе последовательно отказывается, в том числе из-за угрозы для реализации совместных необходимых и экономически выгодных для страны проектов с «Росатомом» (*Венгрия не допустит санкций для атомной энергетики России, заявил Сийярто // Агентство экономической информации ПРАЙМ. 18.08.2023*)[7]. В 4-м пакете данный сектор даже стал исключением в запрете на новые энергетические инвестиции[8].

ПОЗИЦИЯ ВЕНГРИИ ПО ПОСТАВКАМ ВООРУЖЕНИЯ

Согласно данным Следственного комитета РФ на конец 2022 года, вооружения Украине поставляют не менее 25 стран, большая часть из которых входит в ЕС и / или НАТО, например, США, Великобритания, Литва, Франция и др.[9] Однако первые лица Венгрии неоднократно подчеркивали, что государство не входит в их число, а также запретило транзит через свою территорию подобного рода грузов. Официальная позиция страны сводится к нежеланию как быть вовлеченным в конфликт, так и затягивать его (*Мира без зрелищ: Венгрия не собирается поставлять оружие Украине // Известия. 11.082023*)[10]. Балансируя между приоритетами Европейского союза и национальными интересами, в том числе желанием сохранить сотрудничество с Россией, правительство В. Орбана стабильно использует наиболее приемлемые для западных стран предлоги, позволяющие не участвовать стране в коллективных инициативах.

Так, в данном контексте существует острая проблема закарпатских венгров, проживающих численностью свыше 100 тыс. человек на территории Украины. По словам главы канцелярии премьер-министра Г. Гульяша, поставки со стороны Венгрии если бы и были возможны, то только через данную территорию, что подвергло бы ее население опасности (*Kormányinfó: Magyarország akár az Európai Unió bíróságához is fordulhat Erasmus-ügyben // Híradó. 12.01.2023*)[11]. Кроме того, с точки зрения государства, закарпатские венгры и так уже пострадали от отмены в Украине закона о региональных языках, перевода школ на обучение на украинском языке и т. д. [Трухачев, 2022].

В марте 2023 года П. Сийярто даже заявил, что страна не будет поддерживать и европейскую интеграцию Украины до того момента, пока права меньшинства не будут восстановлены (*Szijjártó*

[1]URL: https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/interview-with-viktor-orban-by-tucker-carlson (дата обращения: 22.09.2023).

[2]URL: https://www.kommersant.ru/doc/6171489

[3]URL: https://neftegaz.ru/news/Trading/788507-vengriya-khochet-poluchat-turetskiy-gaz/

[4]URL: https://www.kommersant.ru/doc/6171489

[5]Special meeting of the European Council (30 and 31 May 2022) – Conclusions // European Council. 31.05.2022. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/56562/2022-05-30-31-euco-conclusions.pdf

[6]Council Decision (CFSP) 2023/1217 of 23.06.2023 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. 2023. L 159 I.

[7]URL: https://1prime.ru/energy/20230818/841514527.html

[8]Ukraine: EU agrees fourth package of restrictive measures against Russia // European Commission. 15.03.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1761

[9]Председатель СК России провел оперативное совещание в Геническе Херсонской области // Следственный комитет Российской Федерации. 0912.2022. URL: https://sledcom.ru/press/events/item/1743429/

[10]URL: https://iz.ru/1557280/valentin-loginov/mira-bez-zrelishch-vengriia-ne-sobiraetsia-postavliat-oruzhie-ukraine

[11]URL: https://hirado.hu/belfold/cikk/2023/01/12/kovesse-nalunk-az-ev-elso-kormanyinfojat#

közölte, mi Ukrajna EU-csatlakozásának nulladik lépése // PestiSrácok.hu. 20.03.2023)[1].

Особого внимания заслуживает процедура принятия внешнеполитических решений в Европейском союзе. Технически она предполагает единогласие в Совете, хотя присутствует также и механизм конструктивного воздержания. Любое государство-член имеет право им воспользоваться. В таком случае требуется официальное объяснение, а также согласие с обязательностью принятого без него решения для ЕС [Тихова, 2015]. Так, например, Венгрия воспользовалась этим правом при голосовании за создание тренировочной Миссии Европейского союза по военной помощи Украине в октябре 2022 года [Bartoloni, 2023]. Впрочем, страна присоединилась к проекту Европейского оборонного агентства «Совместные закупки боеприпасов» весной 2023 года, хотя, по словам министра обороны страны К. Салай-Бобровнички, это было сделано из соображений доступности и более низких цен для удовлетворения собственных потребностей (*Kristóf Szalay-Bobrovniczky: keeping adequate ammunition stocks is in the Hungarian Defence Forces' strategic interest // Hadisir. 27.03.2023*)[2]. В свою очередь, подход к поставкам оружия и боеприпасов снова базируется на конструктивном воздержании (*Balázs M. Hungarian government approves EU arms purchase for Ukraine – with constructive abstention // Telex. 20.03.2023*)[3].

П. Сийярто также заявил, что вклад Венгрии в Европейский фонд мира должен быть потрачен не на Украину, а на поддержание стабильности в регионе Западных Балкан и снижение миграционного давления (*Foreign Minister Categorically Rules Out Sending Ammunition to Ukraine // Hungary Today. 21.03.2023*)[4]. Кроме того, проблема единогласия в процедуре принятия решений не исключает вероятности торга. Так в 2023 года П. Сийярто заявил о намерении блокировать финансирование Европейским фондом мира Украины до тех пор, пока крупнейший коммерческий венгерский OTP Bank (ОТП Банк) будет находиться в списке Национального агентства по предотвращению коррупции как «международный спонсор войны» (*В Венгрии заявили, что не одобрят военную помощь Украине, пока банк ОТР в черном списке // ТАСС. 19.07.2023*)[5]. В данном вопросе Венгрия в угоду своим национальным интересам не стала дистанцироваться с помощью конструктивного воздержания, помешав партнерам по ЕС принять коллективное решение[6]. Примечательно, что даже после исключения банка из обозначенного списка государство продолжило блокировать транш, рассуждая в контексте России о том, что «политика санкций провалилась», а также о «военном психозе» своих европейских партнеров и нежелании участвовать в любом решении по финансированию Украины (*Венгрия отказалась финансировать военную помощь Украине // РБК. 22.01.2024*)[7].

ПОЗИЦИЯ ВЕНГРИИ ПО ЧЛЕНСТВУ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ В НАТО

В отличие от Европейского союза, в который Венгрия вступила во время первого из его восточных расширений 2004 года, к Североатлантическому альянсу она присоединилась несколькими годами раньше, еще в 1999 году. Процедурой принятия решений в НАТО, существующей с момента основания организации, является консенсус, отражающий волеизъявление всех действующих членов, коих на 2023 год насчитывается 31 государство. Это предполагает, что консультации могут продолжаться до тех пор, пока устраивающее все стороны решение не будет найдено [Григорян, 2017]. Для вступления в состав альянса новому члену, согласно ст. 10 Североатлантического договора (1949), требуется получить приглашение, выдвинутое «по всеобщему согласию» договаривающихся сторон (действующих участников)[8].

В мае 2022 года Финляндия и Швеция изъявили желание присоединиться к НАТО, однако против этого с достаточно категоричной позицией выступила не только Турция, также не отказывающаяся от сотрудничества с Россией, но и Венгрия. По официальной версии, сомнения вызвали как некогда критические замечания двух стран по вопросам демократии, свободы слова, верховенства права на территории последней, так и попытки ограничить ее право на получение финансирования из фондов ЕС [Ceylan-Szakács, Kenessei, Szenes, 2023]. Через год Финляндии все-таки удалось

[1]URL: https://pestisracok.hu/szijjarto-kozolte-mi-ukrajna-eu-csatlakozasanak-nulladik-lepese-video/

[2]URL: https://defence.hu/news/kristof-szalay-bobrovniczky-keeping-adequate-ammunition-stocks-is-in-the-hungarian-defence-forces-strategic-interest.html

[3]URL: https://telex.hu/english/2023/03/20/hungarian-government-approves-eu-arms-purchase-for-ukraine-with-constructive-abstention

[4]URL: https://hungarytoday.hu/foreign-minister-categorically-rules-out-sending-ammunition-to-ukraine/

[5]URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18311635

[6]Там же.

[7]URL: https://www.rbc.ru/politics/22/01/2024/65ae73d99a794748570d82ac?from=copy

[8]Североатлантический договор // Организация Североатлантического договора. 1949. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm

присоединиться к Североатлантическому альянсу, но у Швеции это пока не получилось.

З. Ковач, пресс-секретарь правительства Венгрии, в своем блоге на платформе About Hungary резюмировал позицию, обозначив три причины для скепсиса в отношении приема Швеции в НАТО: постоянный подрыв отношений, воображаемое моральное превосходство, отсутствие заботы и уважения (*Kovács Z. Three reasons why Hungary's parliament is right to be hesitant about Sweden's NATO admission // About Hungary. 29.03.2023*)[1]. Позиция Турции содержала 10 более конкретных пунктов, суть которых сводилась к прекращению поддержки деятельности структур типа Организации Фетхуллаха Гюлена (ФЕТО) и Рабочей партии Курдистана (РПК), определяемой государством как террористическая; ограничению деятельности РПК внутри двух стран и регулированию депортации и экстрадиции ее членов, а также отмене эмбарго на поставки оружия (*İsveç ve Finlandiya'ya 10 şart // Yeni Şafak. 06.06.2022*)[2].

В действительности, прослеживалась некоторая координация действий между Турцией и Венгрией, так как венгерская сторона последовательно отступала от своих позиций, следуя за турецкой, как в ратификации вступления Финляндии, так и в заявлениях о поддержке членства Швеции [Greilinger, 2022]. В большей степени обвинения Турции касались как раз шведской стороны [Neset, 2023]. Сближению взглядов Турции и Венгрии поспособствовала уже упоминаемая ранее заинтересованность последней в энергетической диверсификации, а также экономическом и культурном сотрудничестве с Турцией и другими тюркскими странами, что отражено даже в статусе наблюдателя при Организации тюркских государств [Greilinger, 2022].

Изначально, в том числе из-за того, что у Турции голосование было запланировано не раньше октября (*Эрдоган заявил, что парламент не одобрит заявку Швеции на членство в НАТО ранее октября // Interfax. 12.07.2023*)[3], в Венгрии оно было перенесено. Показательно, что в назначенную дату не явилась именно правящая партия В. Орбана «Фидес – Венгерский гражданский союз» (*Чернышова Е. В Венгрии не смогли проголосовать по членству Швеции в НАТО из-за бойкота // РБК. 31.07.2023*)[4]. С точки зрения доцента РУДН В. А. Данилова, разница между Швецией и Финляндией здесь преимущественно в стратегически важном положении последней непосредственно на границе с РФ (*Чукалина Е. Соблюсти альянс: почему Венгрия одобрила вступление Финляндии в НАТО // Известия. 27.03.2023*)[5]. Ориентируясь на действия Турции, Венгрия намерена ратифицировать и все необходимые документы по Швеции. Оставаясь зависимой от других членов частью Североатлантического альянса и Европейского союза, Венгрия продолжает показывать свое несогласие с действиями партнеров, демонстративно подчеркивая заботу о будто бы независимых собственных интересах. Но в решающий момент, если вопрос не стоит так остро как по энергетическим санкциям или поставкам вооружения, в подобного рода темах она всё равно соглашается с большинством. До ратификации членства всеми остальными сторонами государство может себе позволить не торопиться и оценивать реакцию Турции, следить за состоянием выгодного для Венгрии сотрудничества РФ и «коллективного Запада» и т. д. Более показательна здесь позиция по членству Украины, так как В. Орбан считает его не только нереалистичным (как и отчуждение Крыма от России), но и опасным из-за протяженности границы России и Украины, потенциально вошедшей бы в альянс (*Interview with Viktor Orbán by Tucker Carlson // About Hungary. 29.08.2023*)[6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Венгрия последовательно демонстрирует, что разделяет многие ценностные ориентиры «коллективного Запада», однако это не означает абсолютного согласия со всеми инициативами, исходящими от ЕС, НАТО, США и т.д. В своем современном внешнеполитическом курсе венгерское правительство во главе с В. Орбаном и его партией «Фидес – Венгерский гражданский союз» в первую очередь прагматично ориентируется на национальные экономические и/или энергетические интересы, в которых сохраняется стремление сохранять выгодное сотрудничество с Россией. Балансируя между разными сторонами, венгерское правительство готово поддерживать или не препятствовать реализации многих инициатив, пока они не грозят катастрофическими последствиями для него лично.

Правительство В. Орбана осознает высокую степень зависимости страны как от Европейского союза и НАТО, членом которых она является, так

[1]URL: https://abouthungary.hu/blog/three-reasons-why-hungarys-parliament-is-right-to-be-hesitant-about-swedens-nato-admission

[2]URL: https://www.yenisafak.com/gundem/isvec-ve-finlandiyaya-10-sart-3833510

[3]URL: https://www.interfax.ru/world/911352

[4]URL: https://www.rbc.ru/politics/31/07/2023/64c7b7379a7947bc56ebfba6

[5]URL: https://iz.ru/1489368/evgeniia-chukalina/sobliusti-alians-pochemu-vengriia-odobrila-vstuplenie-finliandii-v-nato

[6]URL: https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/interview-with-viktor-orban-by-tucker-carlson

и от российских поставок, технологий и инвестиций. В результате, в ряде случаев Венгрия готова демонстративно не соглашаться с коллективными западными инициативами, в частности, не только потенциально угрожающими закарпатским венграм, но и очевидно препятствующими венгерско-российскому сотрудничеству поставкам вооружения. Отдельно стоит остановиться на энергетических вопросах, так как именно в них, опасаясь серьезных последствий, Венгрия проявляет свое принципиальное несогласие, защищая зависимую от российских технологий атомную энергетику или российский нефтепровод «Дружба». Тогда как в контексте членства Финляндии и Швеции в НАТО позиция страны гораздо мягче. Однако венгерская сторона, обладая определенной слабостью перед европейскими партнерами, готова либо не препятствовать коллективному решению, либо прибегнуть к торгу и в ряде случаев даже поменять свою позицию, если всё зависит только от нее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов П. Е. Изменения в подходах США к региону Восточной Европы после начала украинского кризиса // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16. № 1. С. 84–93.
2. Дрыночкин А. В., Сергеев Е. А. Современная модель взаимодействия Венгрии с иностранным капиталом в контексте «патриотического поворота» // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 93–104.
3. Дрыночкин А. В. Приоритеты вишеградских стран в углеводороной и атомной энергетике // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 2 (32). С. 64–72.
4. Трухачев В. В. Отношение Венгрии к проблеме этнических венгров в Закарпатье // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 3. С. 65–77.
5. Тихова В. В. Регулирование внешнеполитической деятельности Европейского союза: от Маастрихта до Лиссабона // Право и управление. XXI век. 2015. № 3 (36). С. 170–175.
6. Bartoloni M. E. Simple Abstention and Constructive Abstention in the Context of International Economic Sanctions: Two Too Similar Sides of the Same Coin? // European Papers. 2023. Vol. 7. # 3. P. 1121–1130.
7. Григорян А. В. Процесс принятия решений в НАТО и дипломатия малых стран // Мировая политика. 2017. № 3. С. 1–11.
8. Ceylan-Szakács M., Kenessei Z., Szenes Z. A kilencedik NATO-bõvítés: A finn és a svéd csatlakozás perspektíváia vilniusi csúcs elõtt // Hadtudomány. 2023. Vol. 33. # 1. P. 3–20.
9. Greilinger G. Hungary's Eastern Opening Policy as a Long-Term Political-Economic Strategy // Fokus. 2022. # 4. P. 1–5.
10. Neset S. What Turkey Wants: Turkey's Objection to Finland and Sweden's NATO Membership Applications // IFS Insights. 2023. # 3. P. 1–8.

REFERENCES

1. Smirnov, P. Ye. (2022). U.S. Varying Approaches towards Eastern Europe after the Outbreak of the Ukraine Crisis. Perm University Herald. Political Science, 16(1), 84–93 (In Russ.)
2. Drynochkin, A. V., Sergeev, E. A. (2019). Modern Model of Hungary's Approach Towards Foreign Capital in the Context of a "Patriotic Turn". Contemporary Europe, 7(93), 93–104. (In Russ.)
3. Drynochkin, A. V. (2023). Priorities of the Visegrad Countries in Conventional and Nuclear Energy. Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS, 2(32), 64–72. (In Russ.)
4. Trukhachev, V. V. (2022). Hungary's Attitude to the Issue of Ethnic Hungarians in Ukrainian Transcarpathia. RSUH/RGGU Bulletin "Eurasian studies. History. Political science. International relations", 3, 65–77. (In Russ.)
5. Tikhova, V. V. (2015). Regulation of the Foreign Policy of the European Union: From Maastricht to Lisbon. Journal of Law and Administration, 3(36), 170–175. (In Russ.)
6. Bartoloni, M. E. (2023). Simple Abstention and Constructive Abstention in the Context of International Economic Sanctions: Two Too Similar Sides of the Same Coin? European Papers, 7(3), 1121–1130.
7. Grigoryan, A. V. (2017). NATO's Decision-Making Process and Small Countries' Diplomacy. World Politics, 3, 1–11.
8. Ceylan-Szakács, M., Kenessei, Z., Szenes, Z. (2023). A kilencedik NATO-bõvítés: A finn és a svéd csatlakozás perspektíváia vilniusi csúcs elõtt. Hadtudomány, 33(1), 3–20.

9. Neset, S. (2023). What Turkey Wants: Turkey's Objection to Finland and Sweden's NATO Membership Applications. IFS Insights, 3, 1–8.
10. Greilinger, G. (2022). Hungary's Eastern Opening Policy as a Long-Term Political-Economic Strategy. Fokus, 4, 1–5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лисенкова Алена Денисовна

преподаватель кафедры международных отношений
факультета международных отношений и политических исследований
Северо-Западного Института управления – филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lisenkova Alena D.

Lecturer of the Department of International Relations
Faculty of International Relations and Politics
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Статья поступила в редакцию	28.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Развитие морской стратегии Китая

М. Е. Навдаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
navdayka6848@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция морской стратегии как важный компонент исследования морского курса Китайской Народной Республики. Рассматриваются особенности морской политики имперального Китая, попытки зарождения морской стратегии в XIX веке, а также постепенная ее трансформация от концепции моря как барьера к морю как важному средству коммуникации и развития. Главными целями статьи являются исследование исторической преемственности морской стратегии Китая от ранних этапов к настоящему времени, а также выявление роли внутри- и внешнеполитических факторов в ее формировании и реализации.

Ключевые слова: море, морская стратегия, военно-морской флот, стратегия двух океанов, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин

Для цитирования: Навдаева М. Е. Развитие морской стратегии Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университа. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 24–31.

Original article

Development of the Chinese Sea Strategy

Maria E. Navdaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
navdayka6848@list.ru

Abstract. The article studies the evolution of the sea strategy as an important component of the research of the maritime policy of modern China. It highlights the features of the maritime policy of imperial China, the attempts of the emergence of a sea strategy in the 19th century, as well as its gradual transformation from the concept of the sea as a barrier to the sea as an important tool of communication and national development. The main objectives of the article include the study of the historical continuity of China's sea strategy from the earliest stages to the present, and to identify the role of domestic and foreign policy factors in its formation and implementation.

Keywords: sea, sea strategy, navy, two oceans strategy, Mao Zedong, Deng Xiaoping, Xi Jinping

For citaton: Navdaeva, M. E. (2024). Development of the Chinese Sea Strategy. Vestnik of Moscow State Linguistic. Social Sciences, 1(854), 24–31.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей истории человечества моря и океаны играли важнейшую роль в развитии народов и государств. На их берегах возникали и формировались цивилизации, а страны, связанные с морским хозяйством, быстрее добивались экономического успеха [Горшков, 1979]. На современном этапе мирового развития значение морей в политической и экономической жизни государств и в международных отношениях продолжает расти. Морской курс стран, обладающих выходом к морю, является важным компонентом их политики по обеспечению их национальной безопасности, экономического процветания и защиты их суверенитета.

Этот факт полностью верен и в отношении Китая, который в последние десятилетия стал уделять наиболее пристальное внимание вопросам моря и расширять круг своих интересов в этой области, в связи с чем важно рассмотреть подробнее вопрос развития морской стратегии и ее трансформацию за период существования государства.

Важность анализа эволюции китайской морской стратегии обусловлена тем, что она, являясь продуктом своей эпохи и находясь под влиянием современности, в то же время определяется историей, прошлыми удачами и провалами. В связи с этим целью данной статьи является доказательство того, что современная морская политика КНР представляет собой монолит, постепенно развивавшийся на протяжении долгого времени. Кроме того, в статье выявлены изменения морской стратегия страны в разные исторические периоды под воздействием внешних и внутренних факторов, таких как международная среда, отношения с другими странами, вопросы национальной безопасности и экономического развития. Делается попытка показать, что морская стратегия Китая обладает двумя параллельно идущими чертами: исторической преемственностью и обусловленной внешними и внутренними трансформациями изменчивостью.

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ МОРСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР

Период китайской империи (XII–XX веков)

На протяжении сотен лет правительства Китая не имели стратегических планов в вопросе использования морей и океанов, не стремились создать мощный флот, способный отправляться на дальние расстояния с целью исследования новых территорий и экспансии, что было характерно, например, для европейцев.

Однако на протяжении многих веков в государстве развивалась морская частная торговля: в середине XII века Китай был вовлечен в сложную торговую сеть, включающую Японию, Индию, арабские страны, страны Юго-Восточной Азии и Восточной Африки [Zhao, 2013]. Поскольку это были частные поездки китайских купцов, а не скоординированная торговая политика государства, их нельзя отнести к появлению морской стратегии. В то же время именно вопрос морской торговли был одним из самых противоречивых и сложных для китайских императоров: за последнюю тысячу лет ее то ограничивали, то запрещали, то открывали вновь. Самым турбулентным периодом стала династия Цин (1644–1912), при которой впервые за 300 лет запрет с торговли был снят официально, затем вновь введены ограничения, но позже вновь сняты [Zhao, 2013].

Важное значение в анализе морской политики и стратегии Китая имеет исследование отношений с западными странами в XIX веке. Европейцы оказались той силой, которая, во-первых, посягнула на суверенитет страны во время Опиумных войн (1840–1842, 1856–1860), а во-вторых, косвенно вынудила его встать на путь модернизации, в том числе и в военной сфере, после поражения в этих войнах. Это привело к началу в Китае «движения за самоусиление» во второй половине XIX века – ряду политических курсов, направленных, в основном, на модернизацию промышленности через заимствование западных технологий. Одной из главнейших задач стала военная модернизация: развитие военной промышленности, строительство нового типа армии и военно-морского флота (ВМФ), более совершенного и боеспособного.

Говоря о китайском флоте, следует отметить его главную черту: на протяжении долгого времени он не имел стабильного статуса важной составной части военных сил и не имел четкой роли. Например, Б. Эльман полагает, что при династиях Сун и Юань (X–XIV века) флот был достаточно сильным, но следующая династия Мин (XIV–XVII века) положила конец его развитию, за исключением первой половины XV века, во время плаваний Чжэн Хэ [Elman, 2004]. Мин придавала значение лишь береговому флоту, способному защищать морские границы Китая. Династия Цин в 1650–1660-х годах имела сильные корабли для защиты границ от повстанцев (в 1683 году он сыграл важнейшую роль в завоевании Тайваня [там же]). Однако впоследствии развитие этой сферы отошло на дальний план. Таким образом, к началу Опиумных войн в 1840 году Цин обладала лишь прибрежным флотом, способным выполнять задачи только по

защите границ, но не участвовать в морских боях [Elman, 2004].

Идея о необходимости построения нового флота, способного выполнять задачи по ведению морского боя, пришла лишь после поражения во Второй Опиумной войне в 1860 году, что стало первой осознанной предпосылкой понимания важности ВМФ для государства. Китай приступил к созданию промышленности, способной производить корабли, а также органов, регулирующих морскую деятельность. Были созданы военные предприятия по западным образцам и верфи и открыт ряд военноморских учебных заведений.

Наибольший стимул строительство военно-морских сил получило после поражения в сражении с французами при Мацзяне в августе 1884 года, когда китайский флот был почти уничтожен[1]. Причем главными причинами поражения было не отставание от западных конкурентов, а дезорганизованность (к 1890-м годам флот состоял из четырех отдельных частей, между которыми практически не было координации) и, самое важное, отсутствие военно-морской стратегии [Elman, 2004].

Следующим определяющим событием стала закончившаяся для Китая полным крахом морская война с Японией (1894–1895). Несмотря на то что качество кораблей в 1860–1870-х годах в Китае было выше [там же], а к началу конфликта он также превосходил Японию и по количеству кораблей, это не сыграло решающей роли именно в связи с отсутствием центрального командования и, по сути, национального флота (в то время как корабли японцев находились под единым управлением [там же]). Это привело к тому, что только одна из частей, а именно – построенный в 1888 году флот Бэйян (北洋), в одиночку сражалась с японцами и была практически полностью уничтожена (несмотря на то что Бэйян был один из самых передовых флотов в Юго-Восточной Азии в тот период).

Данное поражение доказало необходимость наличия не только сильного флота, но и единого центра управления морскими силами и морской стратегии. Однако вместо того чтобы вынести уроки из этой войны морально сломленное цинское правительство практически совсем свернуло морскую политику, делая упор на усиление сухопутной армии.

Таким образом, активная морская политика начала появляться лишь к концу XIX века, но была вынужденной из-за угрозы со стороны западных стран. В то время Китай еще не осознавал своих интересов в отношении моря и не ставил стратегических задач, а морская политика находилась, в основном, под влиянием происходивших в то время событий без расчета на будущее. XIX век показал, что отсутствие морской стратегии, целеполагания в отношении моря и общей координации ВМФ оказали существенное негативное влияние на развитие страны и ее способность защищать суверенитет.

После упадка династии Цин (1911–1949)

В 1911 году пала последняя китайская династия Цин, и страна погрузилась в долгую череду внутренних раздоров. Вопросы морского строительства, в связи с отсутствием приоритетности, отложили в долгий ящик. Тем не менее некоторые деятели все равно верили в важность океана для существования государства и в необходимость развития морской политики. Например, Сунь Ятсен, временный президент Китайской Республики в 1912 году, был одним из первых в тот период, кто поднял понимание роли океана до уровня национальной стратегии и отмечал, что выживание китайской нации и превращение страны в великую державу зависит от будущего Тихого океана, в связи с чем нужно развивать морскую мощь [贾宇, 张小奕, 2018]. Он делал акцент на строительстве сильного флота как приоритете национальной обороны, на развитии морской промышленности, борьбе за морские права и интересы Китая. Сунь Ятсен даже учредил военно-морское министерство во временном правительстве, образованном после упразднения монархии [付翠莲, 2008].

В 1930–1940-е годы страна была охвачена гражданской войной и японской интервенцией, поэтому только после их окончания появились некоторые зачатки морской стратегии. Они возникли с приходом к власти коммунистической партии (КПК) и основания КНР в 1949 году.

Мао Цзэдун и концепция великой морской стены (1949–1976)

После прихода к власти коммунистической партии (КПК) была проведена серьезная идеологическая работа по пересмотру истории государства. Большое внимание было уделено опыту взаимодействия с западными странами в XIX веке, поражению в Опиумных войнах, в войне с Японией, дальнейшим бедствиям XX века, что оказало значительное влияние на формирование морской политики Китая в 1950–1970-е годы. В результате этого пересмотра период XIX – середины XX века был признан «веком унижения» и навязывания неравноправных договоров Китаю европейскими странами, в связи с чем КПК на начальном этапе

[1]URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%B4%8B%E5%8A%A1%E8%BF%90%E5%8A%A8/298687

главную цель видела в том, чтобы вернуть стране суверенитет и вести собственный независимый внешне- и внутриполитический курс. Первостепенная задача состояла в том, чтобы изгнать западные страны и лишить их права размещать свою военную силу на территории КНР, в том числе морской.

При этом, важно отметить, что в отличие от цинского правительства, которое после поражений конца XIX века в целом посчитало развитие морского вектора маловажным для государства, коммунистическая партия, наоборот, приняла решение сосредоточить серьезное внимание на морской политике, в основном оборонительного характера. Так, Мао Цзэдун заявил, что необходимо положить конец уязвимости страны на море и начать обеспечивать свой суверенитет. Он осознавал, что море является слабым местом Китая, и не мог допустить повторения истории XIX века. Морская стратегия в этот период рассматривала море как барьер, разделяющий Китай и другие страны, как буферную зону, обеспечивающую национальную безопасность в окружении враждебной международной среды [杨娜, 杨威, 2019]. В качестве основных приоритетов были взяты концепции «береговой обороны» («近岸防御» цзиньань фанюй [Nan, 2009]) и «великой морской стены» [杨娜, 杨威, 2019].

Приоритетнейшей задачей морской политики стало создание военно-морского флота, о чем заявил Мао Цзэдун уже в 1950-м году [贾宇, 张小奕, 2018]. К 1954 году удалось построить Восточно-Китайский морской флот, Южно-Китайский морской флот, военно-морскую авиацию и крупные военно-морские базы [付翠莲, 2008].

В 1958 году КНР приняла важный с точки зрения морской политики документ «Заявление правительства Китайской Народной Республики о территориальном море» («领海声明» линхай шэнмин) [贾宇, 张小奕, 2018], согласно которому ширина территориального моря КНР составила 12 морских миль, что распространялось не только на береговую линии материка, но и прибрежные острова, Тайвань и т. д. Этот закон оказал большое влияние на появление на официальном уровне проблемы спорных островов в Южно-Китайском море [там же], которая и до сих пор является камнем преткновения в отношениях КНР и соседних держав, претендующих на эти территории.

Таким образом, в этот период морская стратегия КНР формировалась на основе своей истории, а именно на ошибках прошлых правительств и «исторических обидах», нанесенных Китаю другими странами. Причем было принято решение развивать морскую политику именно оборонительного характера, не ставилась цель создания океанского флота, способного проецировать свою силу в дальние уголки земли. В то же время на ее формирование влияли внутри- и внешнеполитические факторы: давление со стороны Запада и внутригосударственные проблемы. Тем не менее несмотря на то что стратегия в отношении моря этого периода не выходила далеко за пределы территориальных вод и являлась скорее пассивной реакцией на внешние стимулы, она создала определенную базу, на которой формировалась дальнейшая морская деятельность страны.

Дэн Сяопин и политика открытия Китая (1976–2013)

После прихода к власти в 1976 году Дэн Сяопина происходит кардинальная смена вектора во многих сферах жизни Китая, включая морскую политику, что было связано с изменениями в международной обстановке, а именно с улучшением отношений с западными странами, что привело к политике реформ и открытости, а также к возникновению вопроса встраивания китайской экономики в мировое хозяйство. Вновь происходит пересмотр истории морских поражений и столкновений с Западом, и делается несколько противоположный (в сравнении с предыдущим периодом) вывод: море должно восприниматься не как барьер и буферная зона, а как средство коммуникации с другими странами посредством морской торговли.

Как и его предшественник Мао Цзэдун, Дэн Сяопин придавал большое значение строительству и развитию современного мощного военно-морского флота, однако его взор простирался несколько шире. Кроме освоения прибрежных территорий и развития морского хозяйства, во второй половине 1980-х годов он выдвинул стратегическую концепцию «освоения океана» («经略海洋» цзинлюэ хайян) и провозгласил разработку морских ресурсов важной частью стратегии экономического развития Китая [付翠莲, 2008].

Более того, в 1980-х годах формируется новый концептуальный подход – стратегия двух океанов («双海战略» шуанхай чжаньлюэ), идея которой принадлежала адмиралу военно-морского флота КНР Лю Хуацину. Сущность стратегии заключается в разделении водных пространств по отношению к КНР на ближние моря («近海» цзиньхай), включающие прилегающие к государству морские территории, и дальние («远海» юаньхай), включающие все остальное водное пространство [Sun, Payette, 2017]. Если в период правления Мао морская деятельность была ограничена идеей «прибрежной обороны» (т. е. защиты границ, но не развития деятельности в прилежащих морях), то с приходом к командованию

флотом адмирала Лю в 1982 году концепция сменилась на «активную защиту ближних морей» («近海积极防御» цзиньхай цзицзи фанюй). Основной причиной такого изменения стала постепенная трансформация и повышение роли КНР в мире, его национальных интересов и приоритетов, а также развитие ВМФ, возможностей ведения боевых действий и проекции своей военно-морской силы.

Дэн Сяопин продолжил укреплять суверенные права КНР в отношении спорных островов в Южно-Китайском море. Начало этому было положено при Мао Цзедуне. Он выдвинул важную идею «отложить споры в долгий ящик и заниматься совместным развитием» [付翠莲, 2008], т. е. разрешать противоречия через диалог и переговоры. Тем не менее эта концепция не подразумевала отказа от притязаний, Китай продолжал придерживаться твердой позиции в отношении островов, что подтвердилось во время столкновения Китая с Вьетнамом по поводу этих территорий в 1988 году [Золотухин, Зайцев, 2022].

После ухода Дэн Сяопина морская стратегия продолжала развиваться при следующих руководителях КПК, отвечая веяниям времени. Например, на фоне окончания холодной войны Цзян Цзэминь предлагал ускорить создание военно-морского флота для потребностей будущих возможных войн, а его фраза «необходимо понять океан со стратегической высоты» подтверждает понимание возрастающей роли океана для развития государства [付翠莲, 2008]. Сменивший его на посту Ху Цзиньтао также поддерживал строительство сильного ВМФ, развитие морского хозяйства как важного компонента национальной экономики, а в декабре 2006 года впервые в истории назвал Китай морской державой [付翠莲, 2008].

К концу 2000-х годов важные изменения претерпела стратегия двух океанов, перейдя от идеи «ближних морей» к «дальним морям» («远海作战» юаньхай цзочжань), что было связано как с увеличением политического статуса и амбиций КНР на глобальном уровне, так и с расширением возможностей применения военно-морской силы [Nan, 2009]. Китай постепенно превращался в важного игрока на мировой арене, который должен обладать соответствующим флотом, способным проводить операции далеко за пределами прилежащих морских территорий. Одной из причин этого была необходимость обеспечивать безопасность перевозок энергоресурсов, играющих важнейшую роль в китайской экономике, в нестабильных Малаккском и Ормузском проливах.

Увеличивалось и значение ближних морей как сферы стратегического влияния КНР, особенно спорных районов Южно-Китайского моря. Одна из причин состояла в том, что по мере экономического развития и роста населения государства увеличивалась потребность в энергетических ресурсах. Несмотря на то что Китай обладает собственными источниками нефти и газа на материке, он в значительной степени зависит от импорта этого вида ресурсов, что делает вопрос энергетической безопасности государства достаточно острым. В связи с этим Южно-Китайское море, богатое углеводородами, является жизненно важным источником нефти и газа для КНР.

С начала политики реформ и открытости быстрыми темпами развивалась и нормативно-правовая база в отношении моря. Опубликовано множество документов и докладов, приняты законы о территориальном море и прилежащей зоне, об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе [Zou, 2012]; в 1996 году принята Морская повестка на XXI век. В 2002 году опубликован стратегический план «осуществлять освоение океана» («实施海洋开发» шиши хайян кайфа) [付翠莲, 2008], а в 2003 году Национальная программа развития морской экономики [Ларин, Песцов, 2020]. В 2012 году выдвигается стратегическая цель «создания морской державы» (习近平：向海洋进军，加快建设海洋强国. 人民网. *2022. = Си Цзиньпин: продвигаться к морю, быстро создавать морскую державу // Жэньминь. 2022*)[1]. Морская политика с этого момента признается важным инструментом содействия устойчивому экономическому развитию, защиты суверенитета, национальной безопасности и интересов, реализации цели построения благополучного общества и «великого омоложения китайской нации»[2].

Морская политика при Си Цзиньпине (2013 – по настоящее время)

С приходом к власти нового председателя КНР – Си Цзиньпина – основные векторы морской стратегии, принятые его предшественниками, сохранились. Более того, ей стало уделяться еще больше внимания, что прослеживается в возрастающей частоте упоминаний морских тем в выступлениях лидера[3]. В 2013 году на 8-м коллективном заседании КПК по исследованию возможности создания морской державы он заявил, что океан играет важную роль в развитии государства и обеспечении безопасности, и что морская индустрия связана

[1]URL: http://politics.people.com.cn/n1/2022/0608/c1001-32441597.html

[2]Там же.

[3]Там же.

с выживанием и развитием нации, процветанием и упадком страны (习近平：进一步关心海洋认识海洋经略海洋　推动海洋强国建设不断取得新成就. 新华网. 2013. = *Си Цзиньпин: постоянно заботиться об океане, понимать океан, управлять океаном, способствовать строительству морской державы и добиваться новых достижений // Синьхуа. 2013*)[1].

При Си Цзиньпине объявленная в 2012 году стратегическая цель превращения в великую морскую державу становится базовым вектором движения Китая на мировой арене, неотъемлемой частью построения социализма с китайской спецификой. Океан рассматривается не просто в качестве средства экономической коммуникации, как при Дэн Сяопине, но как основа выживания человеческого общества (习近平：向海洋进军，加快建设海洋强国.　人民网. 2022. = *Си Цзиньпин: продвигаться к морю, быстро создавать морскую державу // Жэньминь. 2022*)[2]. Концептуально ставится три задачи: заботиться об океане, понимать океан и управлять им[3].

Стратегия двух морей получила новый виток развития, особенно после появления концепций «Один пояс один путь», и в 2013 году «Морской шелковый путь», который представляет собой коридор, соединяющий порты различных стран Евразии. Как отмечают Т. Сунь и А. Пайетт, стратегия преследует две глобальные цели: экономическую, заключающуюся в развитии торговли и стимулировании роста Китая, и геополитическую, состоящую в увеличении веса Китая посредством распространения экономического влияния [Sun, Payette, 2017]. Следовательно, эти стратегии нацелены на возможность проецирования своей силы на «дальние моря» посредством военно-морского флота. Его распространение вовне позволило бы Китаю постепенно уйти от зависимости от других стран в вопросе обеспечения безопасности своего торгового флота вдали от сферы своего стратегического влияния – ближних морей, особенно на линии перевозки энергоносителей.

Морская стратегия Китая при Си Цзиньпине во многом поддерживает курс предшественников, соответственно, сохраняет преемственность, заданную еще Дэн Сяопином. Но в то же время развитию морского направления придается больше значения: активно стимулируется морская экономика, исследования океана, научные разработки, добыча энергоресурсов; придается еще больше значения строительству флота. Все это нацелено на использование океана для «возрождения великой китайской нации». Вместе с тем Китай не забывает прошлые поражения и «век унижения», но, как и когда-то Дэн Сяопин, нынешнее правительство КНР использует их как стимул для возрождения страны и обретения величия, при котором превращение Китая в великую морскую державу играет особо важную роль.

Кроме того, политика в отношении моря обусловливается политическими и экономическими факторами, существующими как внутри, так и вне страны, отвечает мировой обстановке и роли Китая на мировой арене. Сейчас КНР уже является одной из ведущих держав и крупнейшей экономикой в мире, что в совокупности с неуклонным наращиванием военного потенциала привело к некоторым изменениям в международной обстановке. Если в 1980-х годах страна только начинала открываться миру и не имела серьезных амбиций в отношении мирового статуса, а мировое сообщество было достаточно дружественно настроено к Китаю, то сегодня как страны Запада, так и многие его региональные соседи чувствуют с его стороны угрозу их стабильности. Особенно обостряются отношения с США в Тихоокеанском регионе на фоне отношений с Тайванем. Все эти факторы влияют на построение морской стратегии Китая. Стране приходится придерживаться, с одной стороны, концепции «мирного возвышения», чтобы доказать свои неагрессивные намерения, а с другой – совершенствовать свои военно-морские силы, чтобы демонстрировать свою силу и быть готовой при необходимости их применить в условиях всё более напряженных отношений с различными странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере роста заинтересованности КНР в освоении океана и расширения ее участия в морской деятельности, растет и внимание к ее морскому курсу со стороны научных кругов различных стран. Понимание эволюции морской стратегии Китая проливает свет на ее природу и сущность, закономерности развития, позволяет лучше понять политику страны на глобальной сцене.

В результате анализа эволюции морской стратегии Китая автор приходит к выводу, что она представляет собой постепенное изменение морского политического курса под воздействием различных внешних и внутренних факторов, а также, что она развивается не обособленно, а в тесной связи со своей историей, вбирая опыт прошлых успехов и неудач. Кроме того, она также в значительной степени формируется под воздействием международной обстановки и отражает внутренние трансформации, а также изменение роли страны на международной

[1]URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2013-07/31/c_116762285.htm

[2]URL: http://politics.people.com.cn/n1/2022/0608/c1001-32441597.html

[3]Там же.

арене. Эти факты делают эволюцию морской стратегии Китая важной проблемой для исследования, поскольку позволяют на их основе прогнозировать дальнейшие изменения в этой области.

Исследование морской стратегии Китая представляется необходимым и для России, обладающей обширной морской границей. Анализ и изучение опыта КНР в этой сфере может способствовать лучшему пониманию российских интересов в контексте как геополитики, так и экономики, и, соответственно, разработке наиболее соответствующей российским реалиям морской стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшков С. Г. Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1979.
2. Zhao G. The Qing Opening to the Ocean: Chinese Maritime Policies, 1684–1757. University of Hawai'i Press, 2013.
3. Elman B. Naval Warfare and the Refraction of China's Self-Strengthening Reforms into Scientific and Technological Failure, 1865–1895 // Modern Asian Studies. 2004. Vol. 38. # 2. P. 283–326.
4. 贾宇，张小奕．毛泽东、邓小平和习近平的海洋战略思想初探．边界与海洋研究．第3卷. 第3期. 2018年5月. 第5–17页. = Цзя Юй, Чжан Сяои. Исследование морских стратегических концепций Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина // Журнал исследований границ и океана. 2018. № 3. С. 5–17.
5. 杨娜, 杨威．毛泽东与新中国早期的海洋战略．吉林大学社会科学学报．2019年. 第5期. = Ян На, Ян Вэй. Мао Цзэдун и ранняя морская стратегия Нового Китая // Журнал социальных наук Цзилиньского университета. 2019. № 5. URL: https://www.aisixiang.com/data/121850.html
6. Nan L. The Evolution of China's Naval Strategy and Capabilities: From "Near Coast" and "Near Seas" to "Far Seas" // Asian Security. 2009. P. 144–169.
7. 付翠莲. 关于我国实施海洋强国战略的思考[J].海洋开发与管理. 2008. 25(11). 第3–7 页．= Фу Цуйлянь. О реализации стратегии создания сильной морской державы в Китае // Развитие океана и управление им. 2008. № 25 (11). С. 3–7.
8. Sun T., Payette A. China's Two Ocean Strategy: Controlling Waterways and the New Silk Road // Asia Focus. # 31 – Asia Programme. 2017. URL: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2017/05/Asia-Focus-31.pdf
9. Золотухин И. Н., Зайцев В. О. К вопросу о противостоянии Китая и Вьетнама в Южно-Китайском море: история и современность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3 (62). С. 135–142.
10. Zou K. China's Ocean Policymaking: Practice and Lessons // Coastal Management. 2012. # 40(2). P. 145–160.
11. Ларин В. Л., Песцов С. К. Становление Китая как великой морской державы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 3. С. 27–46.

REFERENCES

1. Gorshkov, S. G. (1979). Morskaya moshch' gosudarstva = Maritime Power of the State. Moscow: Voyenizdat. (In Russ.)
2. Zhao, G. (2013). The Qing Opening to the Ocean: Chinese Maritime Policies, 1684–1757. University of Hawai'i Press.
3. Elman, B. (2004). Naval Warfare and the Refraction of China's Self-Strengthening Reforms into Scientific and Technological Failure, 1865–1895. Modern Asian Studies, 38, 2, 283–326.
4. 贾宇, 张小奕. (2018). 毛泽东、邓小平和习近平的海洋战略思想初探．边界与海洋研究．第3卷．第3期. 2018年5月． 第5 – 17页. = Jia Yu, Zhang Xiaoyi. (2018). Study of Mao Zedong, Deng Xiaoping and Xi Jinping's Maritime Strategic Thought. Boundary and Ocean Studies, 3(3), 5–17. (In Chinese)
5. 杨娜, 杨威. (2019). 毛泽东与新中国早期的海洋战略．吉林大学社会科学学报． 第5期. = Yang Na, Yang Wei. (2019). Mao Zedong and the early maritime strategy of New China. Journal of Social Sciences of Jilin University, 5. https://www.aisixiang.com/data/121850.html (In Chinese)
6. Nan, L. (2009). The Evolution of China's Naval Strategy and Capabilities: From "Near Coast" and "Near Seas" to "Far Seas". Asian Security, 144–169.
7. 付翠莲. (2008). 关于我国实施海洋强国战略的思考[J]. 海洋开发与管理， 25(11)． 第3–7 页. = Fu Cuilian. (2008). Thoughts on implementation of the strategy of building a strong ocean country in China. Ocean Development and Management, 25(11), 3–7. (In Chinese)
8. Sun, T., Payette, A. (2017). China's Two Ocean Strategy: Controlling Waterways and the New Silk Road. Asia Focus #31 – Asia Programme. https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2017/05/Asia-Focus-31.pdf

9. Zolotukhin, I. N., Zaytsev, V. O. (2022). K voprosu o protivostoyanii Kitaya i V'yetnama v Yuzhno-Kitayskom more: istoriya i sovremennost' = On the issue of confrontation between China and Vietnam in the South China Sea: past and present. Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya, 3(62), 135–142. (In Russ.)
10. Zou, K. (2012). China's Ocean Policymaking: Practice and Lessons. Coastal Management, 40(2), 145–160.
11. Larin, V. L., Pestsov, S. K. (2020). Stanovleniye Kitaya kak velikoy morskoy derzhavy = The rise of China as a great maritime power. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo, 3, 27–46. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Навдаева Мария Евгеньевна

аспирант кафедры политологии
преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Navdaeva Maria Evgen'evna

Postgraduate Student of the Department of Political Science
Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327, 325

Миграционные процессы как фактор воздействия на внутриполитические процессы в Европе (на примере Германии)

А. Е. Надеждин

Министерство иностранных дел России, Москва, Россия
3039210@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются миграционные процессы в Германии, которые в едином комплексе с негативными социально-экономическими изменениями оказывают воздействие на внутриполитическую ситуацию и электоральные перспективы правящих элит. Как показывает анализ, прием украинцев наряду с беженцами из других кризисных регионов не находит единогласной поддержки населения и способствует ослаблению позиции традиционных партий, а также укреплению внесистемных сил (партия «Альтернатива для Германии»).

Ключевые слова: ФРГ, миграция, внутренняя политика, беженцы, традиционные партии, Альтернатива для Германии, земельные выборы, правящая коалиция

Для цитирования: Надеждин А. Е. Миграционные процессы как фактор воздействия на внутриполитические процессы в Европе (на примере Германии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 32–39.

Original article

Migration processes as a factor of influence on internal political processes in Europe (German case)

Alexander E. Nadezhdin

Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
3039210@mail.ru

Abstract. The article deals with migration processes in Germany, which combined with negative socio-economic changes, have an influence on the domestic political situation and electoral prospects of the ruling elites. As the analysis shows, the reception of Ukrainians along with refugees from other crisis regions does not find unanimous support of the population and contributes to the weakening of the position of traditional parties and the strengthening of non-system forces (Alternative for Germany party).

Keywords: Federal Republic of Germany, migration, domestic policy, refugees, traditional parties, Alternative for Germany, elections, ruling coalition

For citation: Nadezhdin, A. E. (2024). Migration processes as a factor of influence on internal political processes in Europe (German case). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 32–39.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования обусловлена комплексом факторов. Во-первых, миграционные процессы оказывают серьезное влияние на общество, в том числе экономико-политические и социокультурные аспекты его деятельности. Основные риски, включая вопросы обеспечения безопасности, связаны с неконтролируемыми трансграничными перемещениями людей. Сохраняется острота данной проблемы для стран – членов Европейского союза (по данным Агентства Евросоюза по безопасности внешних границ, с начала 2023 года зафиксировано 132 370 попыток незаконного пересечения внешних границ ЕС) (*Central Mediterranean top migratory route into the EU in first half of 2023 // Frontex. 14.07.2023*)[1]. Во-вторых, Германия продолжает выступать ключевой точкой миграционного притяжения среди стран – членов ЕС, уверенно занимая первое место по количеству поданных ходатайств на получение статуса беженца (в «тройку» входят также Франция и Испания). В-третьих, усиление миграционного давления на ФРГ в условиях растущей геополитической напряженности, социально-экономических трудностей, сохраняющихся последствий пандемии Covid-19, выступает дополнительным вызовом для правящих элит, требуя от высшего руководства государства оперативной и симметричной реакции. В-четвертых, наблюдаемое в ФРГ обострение внутриполитического диалога и снижение поддержки избирателей традиционных политических сил, в том числе по причине противоречий в отношении реализации миграционного курса и приема украинских беженцев, способствует поэтапному укреплению позиций внесистемных и популистских политических сил (например, партии «Альтернатива для Германии» и «Возмущенные граждане»). Данный тренд представляет интерес для изучения в контексте запланированных на 2024 год региональных избирательных кампаний, в особенности на востоке ФРГ, где традиционно фиксируются более скептические настроения в отношении принимаемых Берлином решений в сфере внутренней и внешней политики.

При подготовке исследования использовались различные методы: *ситуационный анализ* применялся при изучении данных электоральных кампаний и опросов общественного мнения; *аналитический метод* позволил на основе результатов выборов в региональные парламенты спрогнозировать развитие внутриполитической ситуации с учетом миграционного фактора. Основными источниками информации выступают официальные данные государственных учреждений ФРГ, соответствующие нормативно-правовые документы, результаты социологических опросов, актуальные материалы немецких СМИ, благодаря которым можно определить тенденции и специфику актуальных миграционных процессов.

ГЕРМАНИЯ КАК ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ

За первые 8 месяцев 2023 года в Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев Германии (*далее* БАМФ) поступило 220 116 ходатайств о получение статуса беженца[2]. При подобной динамике количество обращений по итогам года может составить 300 тыс. (без учета украинцев), что в целом позволяет проводить параллели с событиями восьмилетней давности. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 2022 году, когда в БАМФ поступило 217,7 тыс. аналогичных ходатайства (2021 год – 148,2 тыс.). Большинство соискателей прибыло из Сирии (71 тыс. обращений), Афганистана (36 тыс.), Турции (24 тыс.), Ирака (15 тыс.), Грузии (8 тыс.), Ирана (6,3 тыс.). Выходцы из России подали 2,8 тыс. подобных ходатайств. В практическом плане согласно положениям «Кенигштайнского ключа»[3] беженцы на территории Германии распределяются по федеральным землям пропорционально численности населения и объема налоговых сборов, зачисляемых в региональный бюджет. В этой связи большинство находятся в Северном Рейне-Вестфалии, Баварии, Баден-Вюртемберге, Гессене и Берлине. В гендерном отношении 67 % беженцев являются мужчинами и 33 % – женщинами; 73 % из них – в возрасте до 30 лет; 37 % – младше 18 лет. Таким образом, в 2022 году был установлен новый рекорд по количеству прибывших в поисках убежища после миграционного кризиса 2015 года (согласно данным БАМФ, в страну прибыло 890 тыс. беженцев) [Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge … 2016].

По оценкам правоохранителей, в Германии в настоящий момент находятся 280 тыс. иностранцев, обязанных покинуть страну. Как следует из ответа федерального правительства на парламентский запрос «Левой партии», за шесть месяцев 2023 года из страны выдворено 7,8 тыс. иностранцев (+ 27 % к аналогичному периоду 2022 году)

[1]URL: https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/central-mediterranean-top-migratory-route-into-the-eu-in-first-half-of-2023-XtMpdL

[2]Asylgeschäftsstatistik August 2023. 07.09.2023. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Meldungen/DE/2023/230907-asylgeschaeftsstatistik-august-2023.html?nn=284830#a_1579732_2

[3]URL: https://www.bundesamtsozialesicherung.de/fileadmin/redaktion/Strukturfonds/Kst-Schl_2015.pdf

преимущественно в Грузию, Северную Македонию, Афганистан, Албанию[1].

Официальная статистика не учитывает граждан Украины, которые въехали в страну в целях получения убежища с весны 2022 года. Данный миграционный поток стал для ФРГ новым явлением вследствие своей качественно-количественной специфики. Он обладает серьезными отличиями от «классических» просителей убежища из стран БВСА (в частности, преобладание женщин и несовершеннолетних, наличие высшего образования и профессии и др.). В сравнении с выходцами из других регионов украинские беженцы представляют особый исследовательский интерес и по той причине, что их прием реализуется в рамках специально одобренной в марте 2022 года директивы ЕС (освобождает от необходимости подавать документы в БАМФ для получения убежища). Согласно документу прибывшим предоставляется не только временная защита сроком на один год с возможностью пролонгации, но и разрешается выход на рынок труда и воссоединение с семьей. Как показывает практика, на региональном и коммунальном уровнях украинцы наделены значительно бóльшими правами, нежели представители других государств, включая социальное обеспечение, опеку для детей и подростков, перемещенных без сопровождающих лиц, доступ к банковским услугам, посещение детьми учебных заведений, получение медицинской помощи. Из бюджетных средств им выплачивается социальное пособие, государство берет на себя расходы по оплате аренды жилья и медицинского обслуживания, коммунальных услуг.

Вместе с тем на практике прием украинцев сопряжен с серьезными трудностями. Так, сохраняется проблема подсчета фактически находящихся в стране выходцев из Украины ввиду их недокументированного перемещения по странам ЕС, случаев возвращения на родину или временного нахождения без официальной регистрации у знакомых или родственников. К трудностям, связанным с интеграцией украинских беженцев, можно отнести отсутствие навыков владения немецким языком. Несмотря на то, что со второй половины 2022 года порядка 50 % прибывших начали посещать соответствующие курсы, ожидать качественного и оперативного прогресса в достижении высоких результатов при изучении иностранного языка не следует. Только порядка 5 % владеют немецким на хорошем или высоком уровне, что позволяет им занимать должности, связанные с работой в офисе. Во избежание повтора отрицательного опыта миграционного кризиса 2015 года, когда прибывшим было запрещено работать в период рассмотрения ходатайства на получение статуса беженца, украинцы допущены на рынок труда. В контексте качественно-количественных особенностей миграционного потока из Украины (преобладают женщины в сопровождении несовершеннолетних детей) остро стоит вопрос подбора дошкольных учебных заведений. Сохраняющийся дефицит свободных мест в детских садах (по оценкам немецкого международного фонда Бертельсманн – не хватает почти 384 тыс. мест) вынуждает украинок оставаться дома с детьми и не выходить на работу[2]. Имеющиеся проблемы с обеспечением доступа прибывших к образовательным услугам предполагается решать за счет введения максимального количества учащихся в одном классе и найма дополнительных учителей. С трудностями сопряжен и непосредственно сам процесс обучения прибывших несовершеннолетних в школах по причине недостаточного уровня владения немецким языком и отсутствия эффективной модели организации двуязычного образовательного процесса в формате так называется классов приветствия. В условиях нехватки в сфере образования специалистов, владеющих украинским языком, детям беженцев предлагается обучаться на русском языке, что зачастую вызывает негативную реакцию. С перегрузкой сталкиваются медицинские учреждения, которые вынуждены оказывать помощь больным украинцам, ограничивая прием коренных немцев. От благотворительных некоммерческих организаций, занимающихся поддержкой малоимущих граждан и продажей продуктов питания по низким ценам (например, «Tafel Deutschland»), поступают жалобы о чрезмерных запросах и завышенных ожиданиях у беженцев к предоставляемой помощи.

ВОЗДЕЙСТВИЕ МИГРАЦИИ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ФРГ

Миграционная тематика оказывает значительное влияние на внутриполитические процессы в ФРГ. В условиях нарастания внешнего давления на страну из политических и экспертных кругов всё чаще звучат критические высказывания в адрес правящей коалиции в составе СДПГ–СвДП–«Союз 90 / Зеленые». О трудностях, связанных с практическими аспектами миграционной

[1]Antwort der Bundesregierung / Deutscher Bundestag. Drucksache 20/8046. 18.08.2023. URL: https://dserver.bundestag.de/btd/20/080/2008046.pdf

[2]2023 fehlen in Deutschland rund 384.000 Kita-Plaetze. 20.10.2022. URL: https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/themen/aktuelle-meldungen/2022/oktober/2023-fehlen-in-deutschland-rund-384000-kita-plaetze#link-tab-222603-10

политики, активно сигнализируют выходцы из земельных и коммунальных органов власти, общественных объединений. Представителям правящих партий «инкриминируется» сохранение за ФРГ роли политико-экономического локомотива ЕС по реализации общеевропейского миграционного курса, недостаточное отстаивание национальных интересов в данной сфере в диалоге с Брюсселеми другими членами ЕС, отсутствие эффективной системы предоставления убежища и как следствие – систематическое увеличение количества «псевдобеженцев» и экономических мигрантов, стремящихся в страну за лучшей жизнью. В частности по данным МВД ФРГ с весны 2022 года в страну из-за объявленной мобилизации въехало 163 287 украинцев призывного возраста. Нарекания вызывают длительные сроки рассмотрения структурами БАМФ ходатайств о получении статуса беженца, низкие ежегодные объемы депортаций, дефицит необходимой для размещения беженцев инфраструктуры, отсутствие инструментов принуждения получающих социальное пособие иностранцев к посещению интеграционных курсов и выходу на рынок труда, рост социальной напряженности и недовольства среди коренного населения. В частности, федеральному правительству и министру внутренних дел и по делам Отечества ФРГ Н. Фэзер депутаты ХДС вменяют в вину намеренное искажение реального количества беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки (*далее* БВСА), Африки и Азии, отсутствие системы мониторинга миграционного потока и в целом недостаточное внимание данному вопросу. Проблема связана не только с растущими финансовыми издержками, но и с ограниченными возможностями для интеграции прибывших в общество[1]. В ХСС придерживаются аналогичной позиции, выступая за сокращение масштабов миграции, за возмещение коммунам расходов на содержание беженцев из федеральных средств, за включение Алжира, Марокко, Туниса в список так называемых безопасных стран происхождения, а также за предоставление беженцам неденежных средств помощи взамен социальных выплат[2].

В стране усиливается общественное недовольство удорожанием стоимости товаров и услуг, растущей геополитической напряженностью, поддержкой киевского режима в рамках «евроатлантической солидарности», слабостью внешней политики, сохраняющейся конфронтацией с Россией. Правящим элитам не добавляет бонусных очков и обострение миграционной ситуации. Общее разочарование деятельностью федерального правительства подтверждается результатами различных опросов общественного мнения. В частности, по данным проведенного немецким агентством печати совместно с институтом изучения общественного мнения «Yougov» исследования, недовольны кабинетом министров 73 % респондентов. 66 % не удовлетворены непосредственно работой федерального канцлера О. Шольца. 35 % допускают распад коалиционного правительства до парламентских выборов 2025 года (*Mehrheit der Deutschen ist unzufrieden mit Ampel-Regierung // Handelsblatt. 27.08.2023*)[3]. На этом фоне логично выглядит укрепление позиций правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (*далее* АдГ), которая традиционно генерирует протестный электорат. Сначала 2023 года наблюдается тренд на рост ее популярности (январь 14–15 %; май – 17–18 %; июль – 19–20 %; сентябрь – 21–23 % голосов)[4]. В ходе весенних выборов в сенат Берлина (земельный парламент) АдГ набрала 9,1 % и заняла пятое место. Победила ХДС (28,2 %), далее – СДПГ и «Союз 90 / Зеленые» (по 18,4 %), «Левые» (12,2 %). В руководстве АдГ выразили удовлетворение достигнутыми результатами, отметив рост популярности среди рабочих и индивидуальных предпринимателей. Ослабление позиций СДПГ, представительница которых (Ф. Гиффай) ранее занимала пост обер-бургомистра Берлина, подтверждает усиливающуюся разочарованность электората германской столицы политическим курсом правящей коалиции. Выборы в парламент Бремена ознаменовались вынесенным избирательной комиссией запретом для АдГ участвовать в них по причине некорректно составленных списков кандидатов. По итогам голосования, первое место заняла СДПГ, второе – ХДС, третье – «Союз 90 / Зеленые», четвертое – «Левая партия». Отсутствием правых популистов воспользовались представители партии «Возмущенные граждане» (*нем.* Buerger in Wut), которые набрали 10,5 % голосов [Kiffmeier, 2023]. 30 % голосов в ее поддержку подали избиратели АдГ. Согласно формулировкам партийной программы, «Возмущенные граждане» позиционируют себя в качестве правых популистов и сторонников экономического либерализма, выступая рупором протестного электората. Значительное внимание уделяют вопросам обеспечения общественной безопасности (на выборах в Бремене использовался лозунг – «участники поножовщины

[1]URL: https://www.youtube.com/watch?v=TJ6J1MFSP1s

[2]Fluechtlingskrise: CSU-Fraktion fordert Verringerung der Migration nach Deutschland. 10.05.2023. URL: https://www.csu-landtag.de/lokal_1_4_1886_Fluechtlingskrise-CSU-Fraktion-fordert-Verringerung-der-Migration-nach-Deutschland.html

[3]URL: https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/bundesregierung-mehrheit-der-deutschen-ist-unzufrieden-mit-ampel-regierung/29356904.html

[4]Sonntagsfrage Bundestagswahl / W. Zicht, M. Cantow. URL: https://www.wahlrecht.de/umfragen/

подлежат депортации») и упорядочению миграционной политики. В июне 2023 года «возмущенные граждане» объединились с созданной в 2022 году партией «Альянс Германия» и намерены принимать участие в предстоящих электоральных кампаниях на территории Германии. Предполагаем, что выборы в Баварии и Гессене, запланированные на октябрь 2023 года, покажут, востребованы ли текущие лозунги АдГ у избирателей старых и высокоразвитых в промышленном и экономическом отношении федеральных земель. Согласно результатам социологических опросов, в Баварии рейтинг АдГ за восемь месяцев 2023 года вырос с 10 до 14 % (потенциально может занять третье место после ХСС и «Союз 90 / Зеленые»), в Гессене – с 11 % до 16 % (третье или четвертое место после ХДС, СДПГ и «Союз 90 / Зеленые»).

Наряду с повышением популярности у избирателей в 2023 году АдГ впервые в десятилетней партийной истории удалось одержать победу на выборах ландрата (глава одного из округов федеральной земли) в тюрингском Зоннеберге и бургомистра (мэр) города Рагун-Йесниц в Саксонии-Ангальт. На данном этапе партия, в целом преодолев внутренние противоречия, ставит свои задачи и на международном политическом треке. Так, на съезде в Магдебурге анонсированы планы увеличить вдвое число представителей в Европарламенте по итогам выборов 2024 года (в настоящий момент – девять депутатов АдГ). По мнению «Альтернативы для Германии», Евросоюз должен представлять собой «сообщество интересов и экономическое объединение с сохранением внутреннего рынка, который обеспечивает беспрепятственный обмен товарами и услугами. Применительно к миграции предлагается оказывать содействие потенциальным беженцам непосредственно в кризисных регионах, ограничивая возможность перемещения только в сопредельные страны. Требуется эффективный механизм защиты внешних границ ЕС и пересечения въезда нелегальных мигрантов. Допускается введение государствами собственных национальных мер для охраны границ.

На национальном уровне приоритетной задачей АдГ на 2024 год является достижение максимальных результатов на осенних выборах в земельные парламенты восточных федеральных земель. Согласно результатам проводимых опросов, партия по популярности в Саксонии на данный момент занимает 1-е место (33–35 %), опережая правящую ХДС (29–30 %). В данной земле, особенно в ее восточной и северной частях, у партии наиболее устойчивые электоральные позиции. Немецкие политологи призывают не делать поспешных выводов на основе актуальных данных и допускают, что в случае дальнейшего роста рейтинга партии и появления реальных шансов выиграть выборы ситуация может измениться непосредственно в день голосования. По аналогии с кампанией 2019 года избиратели, которые опасаются прихода во власть правых популистов и традиционно поддерживают другие политические силы, все-таки отдадут голоса в поддержку ХДС[1]. Аналогичная ситуация складывается в Бранденбурге (земельные выборы запланированы на сентябрь 2024 года). О готовности избрать «Альтернативу для Германии» заявляют 32 % жителей (СДПГ – 20 %). В Тюрингии также фиксируется отрыв АдГ от конкурентов, где на данный момент основная борьба ожидается за вторую позицию между «Левой партией» (21,1 %) и СДПГ (20,4 %). Таким образом, в идеальном сценарии правые популисты смогут одержать победу в трех регионах сразу, что позволит выступить с позиции старшего партнера при формировании местной правящей коалиции, а также выдвинуть своих кандидатов на должность премьер-министра федеральной земли. В Мекленбурге-Передней Померании ближайшие парламентские выборы должны состояться только в 2026 году, но АдГ твердо занимает лидирующие позиции в рамках социологических опросов. На данный момент за данную партию готовы отдать свой голос 32 % избирателей, СДПГ – 23 % и ХДС 18 %.

В целом, рост рейтинга АдГ на востоке страны можно объяснить не только объективными факторами и актуальными проблемами правящей коалиции, но и традиционно скептическим настроем, чувством отсутствия социальной несправедливости и «ненужности» старым федеральным землям, в том числе ввиду сохраняющихся социально-экономических различий между регионами после объединения Германии. Одобрение предвыборных лозунгов АдГ и часто экстремистской риторики жителями востока страны находит подтверждение в результатах социологических опросов. Согласно проведенному в 2023 году университетом Лейпцига исследованию общественного мнения, 50 % немцев на востоке страны выступают за ограничение въезда выходцев из мусульманского мира; 70 % согласны с тезисом об использовании иностранцами социальных благ в корыстных целях. Прослеживаются и антисемитские тенденции – треть респондентов высказывается о значительном влиянии евреев [Decker, Kiess, Braehler, 2023].

Укрепление электоральных позиций не означает принятия АдГ традиционными политическими силами и элитами. Она продолжает оставаться «нерукопожатным» и маргинальным движением,

[1]Wahltrends und aktuelle Sonntagsfragen fuer Sachsen. Aktueller Wahltrend für Sachsen. URL: https://politpro.eu/de/sachsen

систематически подвергается обвинениям в пропаганде правового экстремизма, антисемитизма и неприятии демократических ценностей. Ведущие немецкие партии на всех уровнях заявляют о необходимости отставить в сторону партийно-политические интересы для совместной защиты демократии, выступая за так называемую концепцию «брандмауэра» и против любой кооперации с «Альтернативой для Германии». Демонстративный отказ от поиска точек соприкосновения с электоратом и представителями АдГ на фоне дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации выступит триггером поляризации социума, нарастания напряженности и увеличения численности граждан, поддерживающих правых популистов как антагониста традиционным партиям. Первые призывы к поиску межпартийного диалога звучали из рядов тюрингского подразделения ХДС еще в 2019 году[1]. На практике имеют место факты взаимодействия на муниципальном уровне, что объясняется наличием тесных связей или постоянного контакта жителей с представителями органов законодательной власти, а также потребностью оперативно решать имеющиеся проблемы независимо от партийной принадлежности. Так, в отдельных муниципальных образованиях Саксонии, Саара, Тюрингии, Шлезвиг-Гольштейна осуществляется взаимодействие по актуальным вопросам коммунальной повестки – от финансирования различных социально-значимых проектов до вопросов размещения и интеграции беженцев. В 2022 году члены городского совета от «Союз 90 / Зеленые» в баден-вюртембергском Бакнанге (избирательный округ действующего председателя данной партии Р. Ланг) поддержали внесенный АдГ законопроект об увеличении финансирования местного театра, что вызвало критику со стороны высшего партийного руководства. Президента Союза земельных округов Германии Р. Загера подобные действия не удивляют. Политик призывает не искать целенаправленно варианты партнерства с АдГ, но учитывать внесенные ее представителями конструктивные предложения в сфере муниципального управления и определять формат возможного сотрудничества в зависимости от текущих задач [Martus, 2023]. Летом 2023 года неоднозначную реакцию в общественно-политических кругах вызвала реакция председателя ХДС Ф. Мерца на вопрос в интервью телеканалу «ZDF» об отношении возглавляемой им партии к представителям АдГ. Политик исключил возможность вступления в коалицию с правыми популистами на всех уровнях – от общеевропейского до земельного, но назвал очевидным поиск вариантов совместного управления в муниципальной сфере при избрании руководителем представителя «Альтернативы для Германии» и призвал уважать любые результаты демократических выборов[2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, миграционная проблематика продолжает оставаться вызовом для государств Евросоюза, который сталкивается с усилением внешнего давления – из «традиционных» кризисных регионов БВСА и с нового направления – с территории Украины. Вновь в эпицентре находится Германия. Данная проблематика в едином комплексе с другими трудностями социально-экономического характера оказывает серьезное воздействие на внутриполитические процессы и общественные настроения в стране. Проблему составляет отсутствие готовности у федерального правительства вести аргументированный диалог с населением и разъяснять причины тех или иных решений, которые часто вызваны управленческими недоработками и имеют негативные последствия для каждого немца (конфронтационный курс в отношении нашей страны и санкционная политика в противовес национальным интересам, инфляция, настойчивое внедрение «зеленой» энергетики, гендерная проблематика, ослабление позиций ФРГ как лидера ЕС). Наплыв украинцев, которые часто требуют к себе «особенного» отношения, лимитирует возможности для оказания должной финансовой и иной поддержки беженцам, продолжающим прибывать из других кризисных регионов, также сопряжен с трудностями в функционировании местной инфраструктуры (от ведомств по делам иностранцев и центров компактного размещения до медицинских и учебных заведений). Дополнительным раздражителем являются злоупотребления со стороны некоторых украинцев к предоставляемой им поддержке (попытки подлога при получении социальных выплат, претензии к качеству жилья и возможностям для трудоустройства, пренебрежительное отношение к коренному населению или беженцам из других государств и др.). При сохранении геополитической напряженности нельзя исключать дальнейшего увеличения численности беженцев, что потребует от правительства ФРГ поиска нестандартных решений в плане как непосредственно организации системы въезда

[1]17 Thueringer CDU-Mitglieder fordern Gespraeche mit AfD. URL: https://www.mdr.de/thueringen/wahlen-politik/brief-original-appell-cdu-afd-100.html

[2]Merz für pragmatischen Umgang mit AfD in Kommunen. 23.07.2023. URL: https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/merz-afd-kommunen-100.html

и учета, так и интеграции в общество, а также минимизации рисков формирования в стране очагов межэтнической напряженности. На данном этапе политические элиты заявляют о полном контроле над миграционными процессами, обеспечении национальной безопасности и об отсутствии предпосылок для повторения событий 2015 года, при этом отказываясь называть текущую ситуацию новым миграционным кризисом.

При подобном раскладе на внутриполитическом треке усиливается недоверие к высшему руководству страны, наблюдается ослабление поддержки правящей коалиции, а также формируется почва для протестных настроений, о чем свидетельствуют результаты периодических социологических исследований. Как справедливо отмечает российский исследователь-германист В. Белов, не случайным является постепенное укрепление электоральных позиций партии «Альтернатива для Германии», которая традиционно генерирует несогласных с политическим курсом граждан, в особенности на востоке страны [Белов, 2023]. Дальнейшая маргинализация ее сторонников и демонстративный отказ от поиска диалога, включая коммунальный уровень по требованию федерального руководства партий, не принесут политических очков традиционным политическим силам, а еще больше усугубят имеющиеся политико-экономические противоречия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung 2015. Migrationsbericht 2015 / Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge. Fürth: KonzeptQuartier GmbH, 2016.
2. Kiffmeier J. Angriff von rechts vor Bremen-Wahl 2023: Bürger in Wut machen AfD die Wähler streitig // Kreiszeitung.de. 16.05.2023. URL: https://www.kreiszeitung.de/politik/rechts-facebook-wahlprogramm-afd-buerger-in-wut-biw-bremen-wahl-2023-timke-leidreiter-umfragen-ziele-92271998.html
3. Decker O., Kiess J., Braehler E. EFBI Policy Paper 2023-2: Autoritaere Dynamiken und die Unzufriedenheit mit der Demokratie // Policy Paper. 2023. № 2. URL: https://efbi.de/files/efbi/pdfs/Policy%20Paper/2023_2_Policy%20Paper.pdf
4. Martus Th. Zusammenarbeit mit AfD: Warum Merz nicht ganz falsch liegt // Berliner Morgenpost. 24.07.2023. URL: https://www.morgenpost.de/politik/article239022175/afd-kommunen-zusammenarbeit-kooperation-rechtsextrem.html
5. Белов В. Б. Актуальные взлеты и падения популярности этаблированных партий ФРГ // Аналитические записки Института Европы РАН. 2023. № 3 (35). С. 33–39. URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=NPYOLO

REFERENCES

1. Migrationsbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung 2015. (2016). Migrationsbericht 2015 / Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge. Fürth: KonzeptQuartier GmbH.
2. Kiffmeier, J. (2023). Angriff von rechts vor Bremen-Wahl 2023: Bürger in Wut machen AfD die Wähler streitig. Kreiszeitung.de. https://www.kreiszeitung.de/politik/rechts-facebook-wahlprogramm-afd-buerger-in-wut-biw-bremen-wahl-2023-timke-leidreiter-umfragen-ziele-92271998.html
3. Decker, O., Kiess, J., Braehler, E. (2023). EFBI Policy Paper 2023-2: Autoritaere Dynamiken und die Unzufriedenheit mit der Demokratie. Policy Paper, 2. https://efbi.de/files/efbi/pdfs/Policy%20Paper/2023_2_Policy%20Paper.pdf
4. Martus, Th. (2023). Zusammenarbeit mit AfD: Warum Merz nicht ganz falsch liegt. Berliner Morgenpost. https://www.morgenpost.de/politik/article239022175/afd-kommunen-zusammenarbeit-kooperation-rechtsextrem.html
5. Belov, V. (2023). Actual ups and downs in the popularity of established parties in Germany. Analitycal papers of IE RAS, 3(35), 33–39. https://elibrary.ru/item.asp?edn=NPYOLO

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Надеждин Александр Евгеньевич

кандидат политических наук, первый секретарь Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhdin Alexander Evgen'evich

PhD (Political Sciences), First secretary, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	29.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 94(81)

Участие Бразилии во Второй мировой войне и проблемы сохранения исторической памяти

С. А. Агуреев[1], А. А. Болтаевский[2], Ю. В. Синчук[3]

[1]*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, Москва, Россия*
stas.agureev@mail.ru

[2]*Российский университет кооперации, Москва, Россия*
boltaev83@mail.ru

[3]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
sinchukjv@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи обращаются к малоизвестной в российской историографии теме участия Бразилии во Второй мировой войне, что являлось в большей степени политическим шагом правительства страны и символическим жестом помощи странам антигитлеровской коалиции. Авторы статьи, используя историко-сравнительный и историко-типологический методы, показывают, как и под влиянием каких факторов формировалась внешняя политика Бразилии в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: Бразилия, Вторая мировая война, бразильский легион, сохранение исторической памяти, внешняя политика Бразилии

Для цитирования: Агуреев С. А., Болтаевский А. А., Синчук Ю. В. Участие Бразилии во Второй мировой войне и проблемы сохранения исторической памяти // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 40–46.

Original article

The Participation of Brazil in World War II and the Problems of Preserving Historical Memory

Stanislav A. Agureev[1], Andrey A. Boltaevsky[2], Yuri V. Sinchuk[3]

[1]*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, stas.agureev@mail.ru*

[2]*Russian University of Cooperation, Moscow, Russia, boltaev83@mail.ru*

[3]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, sinchukjv@mail.ru*

Abstract. The authors of the article turn to the little-known topic in Russian historiography of the participation of the Brazil in World War II, which was more of a political step by the government of the country and a symbolic gesture of assistance to the countries of the anti-Hitler coalition. The authors of the article using historical-comparative and historical-typological methods also show how and under the influence of what factors Brazil's foreign policy was formed during the World War II.

Keywords: Brazil, World War II, Brazilian Legion, preservation of historical memory, Brazilian foreign policy

For citation: Agureev, S. A., Boltaevsky, A. A., Sinchuk, Yu. V. (2024). The Participation of Brazil in World War II and the Problems of Preserving Historical Memory. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 40–46.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война как составная часть Второй мировой войны является неугасаемым свидетельством беспримерного мужества и героизма нашего народа. О том, как воевали, как трудились, как жили советские граждане в эти сложные годы написаны тысячи исследовательских работ и не меньшее число художественных произведений. Немало слов сказано и в адрес наших союзников, ведь как справедливо заметил Президент РФ В. В. Путин: «Мы никогда не делили Победу на свою и чужую. И всегда будем помнить помощь союзников: Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, других государств антигитлеровской коалиции, немецких и итальянских антифашистов»[1]. Среди подобных примеров можно назвать Бразилию, которая не просто вступила во Вторую мировую войну, но и направила в Европу свой экспедиционный корпус. Примечательно, что и сами бразильцы подчас именуют бойцов этого корпуса не иначе, как «забытыми»[2]. С. К. Максимиано пишет: «Нам не хватает знаний о роли экспедиционного корпуса в войне, что приводит к упрощенным представлениям о его участниках: или герои, или бездельники. Новым поколениям участие Бразилии в войне кажется таким же далеким, как завоевание независимости» [Haag, 2023, с. 84].

БРАЗИЛИЯ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СОЮЗНИКОВ

Вступление Бразилии в войну на стороне антигитлеровской коалиции было не простым выбором, так как в стране были активны прогерманские силы, целый ряд военных симпатизировал нацистам, да и сами страны «оси» были заинтересованы в торговых связях с богатой природными ресурсами крупнейшей латиноамериканской страной. Белый дом всерьез опасался нацистского переворота в Бразилии, а главный нацистский пропагандист Й. Геббельс считал, что бразильский президент Ж. Варгус «более или менее на нашей стороне» (*Jornal Opção, 23.05.2023*). В 1938 году – за год до начала Второй мировой – Бразилия входила в десятку торговых партнеров Германии: 40 % бразильского кофе шло на экспорт в Германию, 1/3 немецкого импорта хлопка-сырца приходилась на Бразилию [McCann, 1995]. К этому следует добавить мощную немецкую колонию: еще в конце XIX века в Бразилии насчитывалось свыше 200 тыс. поселенцев с Рейна и Мозеля [Denis, 2014].

Бразилия традиционно не рассматривалась как весомый союзник Объединенных Наций, несмотря на то что вступила в войну в августе 1942 года. Исследователь Ф. Мак Кана писал: «Бразилия разместила в Натале крупнейшую американскую воздушную базу за пределами США, а в Ресифи – Четвертый флот США; и, хотя и связала свою экономику с американской военной машиной, направила свой флот в погоне за немецкими подводными лодками и предоставила экспедиционный корпус … в народной памяти за рубежом числится пронацистской» [McCann, 1995, с. 35].

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Достижение независимости Бразилии пошло другим путем, чем ее южноамериканских соседей. В период наполеоновских войн Жуан VI вместе с многотысячной свитой при поддержке английского флота бежал на другой берег Атлантики. В январе 1808 года король обосновался в Рио-де-Жанейро, явив миру уникальный пример переноса правительства из метрополии в колонию. Фактически в результате *mutatis mutandi* Бразилия по своему статусу превзошла раздираемую англо-французским противостоянием Португалию [Wehling, 2007, с. 77].

Бразилия была главным источником богатства и процветания Португалии. В условиях охватившего Европу кризиса, который стал результатом слома французского «старого порядка», королевский двор убеждал Жуана VI закрепиться в Новом Свете, чтобы уже оттуда бороться с «гидрой революции» [Gersenberger, 2015, с. 41]. Как отмечает венесуэльский историк А. Мендибле, «Жуан VI за четырнадцать лет пребывания в Бразилии укрепил колониальное государство, которому иначе наверняка сопутствовала бы судьба остальных латиноамериканских колоний» [Mendible, 2011, с. 102].

Бразильский историк Р. Помба полагает, что первый правитель независимой Бразилии Педру I обращался в своих воззваниях именно к бразильцам [Помбу, 1962]. Таким образом, для интеллектуальной элиты Бразилии характерны поиски моделей идентичности в колониальной истории, более того, *латентный монархизм* [Кирчанов, 2013]. Собственно, само падение империи и торжество республиканцев произошло на фоне двух весомых причин: с одной стороны, отмена рабства привела к упадку плантаторов, заинтересованных в сильной власти, а с другой – кризис наследников привел к разочарованности широких слоев населения в монархическом институте.

[1]Путин В. В. Выступление на Военном параде в честь 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22959

[2]Brasileiros esquecidos – 70 anos da entrada do Brasil na 2ª Guerra Mundial. URL: https://www.al.sp.gov.br/noticia/?id=329879

Отречение Педру II сблизило внутриполитическую обстановку в Бразилии с ее южноамериканскими соседями. Борьба олигархических группировок, стремление к власти военных, мятежи в провинциях – всё это не могло не привести к росту социально-экономической напряженности. Уже Вашингтон Луис, последний президент Старой республики, провозгласил, что «править – это строить дороги» [Forster, 2010, с. 21], но его попытки нормализовать ситуацию рассыпались в ходе кризиса 1929 года.

ДИКТАТУРА ВАРГАСА

В 1930 году с приходом власти Жетулио Варгаса начинается новая эпоха, покончившая со Старой республикой. Эра Варгаса ознаменовала собой приход новых лиц, но вместе с тем в первые годы во власти не было какого-либо единомыслия: вокруг президентской фигуры первоначально располагались полярные силы. Бразильский исследователь Ж. Ф. Бертонья полагает, что «в 1930-е годы из всех латиноамериканских стран ближе всего к фашизму находилась Бразилия» [Бертонья, 2015, с. 247].

Во внешней политике Варгас пытался придерживаться нейтралистского курса. Ф. Рузвельт еще в 1938 году констатировал возрастание военной опасности для региона, что привело к принятию Лимской декларации. Очевидно, что стратегическая значимость Бразилии росла по мере приближения новой мировой войны. Летом 1941 года в бразильском Натале началось строительство взлетно-посадочных полос, обслуживавшихся американскими военными: всего за годы войны через базы Натала прошло 25 тыс. самолетов, что позволило назвать его «трамплином победы» [Nunes, 2020, с. 33]. Немецкий посол К. Прюфер обещал Варгасу максимально возможное расширение отношений между двумя странами после окончания войны [Silva, 2016].

Колебания Итамарати продолжались, хотя отдельные исследователи именуют позицию Бразилии в 1941 году как «прагматическая уступчивость» [Nunes, 2020, с. 39]. Г. Моура полагает, что наиболее значимыми событиями, повлиявшими на выбор Варгаса были конференция в Рио-де-Жанейро в январе 1942 года, а также февральская миссия в Вашингтон министра финансов Соузы Косты [Moura, 2012]. Ключевым моментом стал Перл-Харбор, тем более что до этого в Южной Америке Япония не рассматривалась как агрессор. Уже 8 декабря 1941 года в своей телеграмме Рузвельту Варгас заявил о своей солидарности с американским народом.

Конференция в Рио-де-Жанейро ставила своей целью объединить латиноамериканские страны под эгидой США в духе «проамериканской солидарности». Одним из важных ее вопросов была позиция Аргентины, которая во многом могла помешать немедленной консолидации Западного полушария вокруг Вашингтона, и Чили. Впрочем, глава итальянского МИД Г. Чиано опасался, что «несмотря на противоречия, эти страны тоже выстроятся конце концов против нас» [Ciano, 2001, с. 438].

Разногласия внутри бразильской элиты в этот момент наглядно продемонстрировала позиция генерала П. Гоиса Монтейро, который в интервью аргентинской газете «Разон» прогнозировал, что «Бразилия и Аргентина, объединившись, могут влиять на политику не только континента, но и всего мира» [Elibio Junior, 2011, с. 5].

Серьезность намерений Вашингтона продемонстрировала весомая делегация во главе с заместителем госсекретаря С. Уэллсом. Уэллс сообщал, что на заседании своего кабинета Варгас объявил: «Бразилия должна выстоять или пасть вместе с Соединенными Штатами»[1].

БРАЗИЛИЯ ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ

К середине 1942 года Бразилия потеряла 13 торговых кораблей в условиях неограниченной подводной войны, объявленной странами «оси». Потери флота привели к негативной реакции правительства Варгаса на деятельность стран «оси». В марте 1942 года в Бразилии были приняты законы о чрезвычайном положении и о возмещении ущерба от агрессии [Seithenfus, 1985]. Согласно последнему немецкие, итальянские и японские юридические и физические лица должны были нести ответственность за ущерб бразильскому государству.

Подводная война привела к возмущению широких масс населения и манифестациям в различных штатах, что сделало неотвратимым объявление войны Германии и Италии 22 августа 1942 года. В июне 1942 года на встрече Варгаса с командующим Четвертым флотом США адмиралом Д. Ингрэмом было решено начать модернизацию военно-морского флота Бразилии. Помимо сопровождения торговых кораблей и обороны побережья ВМС Бразилии осуществляли и важную задачу транспортировки экспедиционного корпуса в Европу. Бразильские ВМС сопроводили 3 164 отечественных и зарубежных корабля, при этом потери при транспортировке составили менее 0,5 % [Cabral, 2020]. За годы войны погибло 492 бразильских моряка [Nogueira, URL].

[1]The Under Secretary of State (Welles), Temporarily at Rio de Janeiro, to the Secretary of State // Forein Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1942. V. 5. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1942v05/d590

ИСТОРИЯ БРАЗИЛЬСКОГО ЛЕГИОНА

Успешная высадка англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 года (операция «Факел») практически свела на нет возможный немецкий десант на северо-восток Бразилии. Это заставило Варгаса поторопиться с непосредственным участием в боевых действиях. В апреле 1943 года была достигнута договоренность с Вашингтоном о формировании экспедиционного корпуса в Европу, который должен был насчитывать от 60 до 100 тыс. бойцов. В конечном итоге его численность была сокращена более чем в два раза [Moura, 2012].

В межвоенный период в бразильском военном руководстве шли споры о выборе военной доктрины: наиболее ярым германофилом был барон Рио-Бранко. В марте 1920 года в Бразилию прибыла французская военная миссия в составе 23 человек, задачей которой было реформирование бразильской армии [Freire Leal, 1997]. В годы Второй мировой войны бразильцы перешли на американскую систему вооружений. В США на стажировку был направлен генерал Маскареньяш ди Мораиш, руководитель бразильско-американской военной миссии.

Официально экспедиционные силы формировались в соответствие с указом от 9 августа 1943 года. Командующим экспедиционным корпусом был назначен генерал Маскареньяш ди Мораиш.

Трудности с набором многотысячного контингента привели к появлению фразы «змее легче закурить, чем Бразилии послать отряд для участия в войне» [Nunes, 2020, с. 69]. Патриотически настроенные бразильцы полагали, что эту фразу распространяет «пятая колонна» [História oral do Exército na segunda guerra mundial, 2001, с. 71]. Добровольцы, вошедшие в состав корпуса, считали, что «мы лучше будем драться в чужом доме, чем пустим врага в свой дом» [там же]. После высадки в итальянском Неаполе прибывшие отряды отправлялись в учебные лагеря, а далее на фронт.

В качестве даты прибытия первого бразильского эшелона на Аппенинский полуостров Л. С. Окунева указывает 2 июля 1944 года [Окунева, 2010]. Официальный сайт министерства обороны Бразилии в качестве даты высадки в Неаполе указывает 16 июля[1], этот же день фигурирует и во многих других источниках [História oral do Exército na segunda guerra mundial, 2001, т. 3, с. 324]. Прибытие нового контингента оказалось весьма своевременным с учетом необходимости пополнения для открытого 6 июня 1944 года Второго фронта в Европе. 4 августа бразильские силы завершили перегруппировку в Тарквинии, где были включены в состав пятой американской армии генерала М. Кларка, став частичкой союзных войск, занятых освобождением Италии. Кларк обратился к бразильским военнослужащим: «Приветствую вас с прибытием в Италию и в ряды Пятой армии. Мы действительно гордимся тем, что войска из Бразилии присоединяются к нам»[2].

РОЛЬ БРАЗИЛЬСКОГО ЛЕГИОНА В БОЯХ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ

Роль Бразильского экспедиционного корпуса во Второй мировой войне может показаться достаточно скромной. 16 декабря 1943 года газета «Известия» опубликовала небольшую заметку под названием «Предстоящая отправка бразильских войск на европейский театр войны» где отмечалось: «Бразильский генерал Маскаренья де Моралс[3] заявил, что Бразилия отправит сухопутные и воздушные части для несения службы совместно с войсками союзников в Европе или Африке. Генерал Маскаренья де Моралс является главой миссии, состоящей из 13 бразильских офицеров, которая совещалась с представителями штаба союзников в Северной Африке с целью подготовки отправки бразильских сил в Европу» (*Известия, 16.12.1943*).

Бразильцы внесли свой вклад в прорыв «Готской линии», освободив «промышленное сердце» Италии город Турин. Плечом к плечу с бразильцами сражались бойцы 2-го корпуса Войска Польского, 19-й индийской бригады, 6-й южноафриканской бронетанковой дивизии и др. Итальянская кампания завершилась для бразильских сил 2 мая 1945 года. К этому времени корпус потерял 443 убитых и 1577 раненых [Nunes, 2020].

Бразилия внесла вклад в победу союзников, но не получила тех преференций, на которые рассчитывала. Не вошла страна и в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Но Вашингтон добился в 1946 году включения Бразилии в число непостоянных членов Совбеза, что было расценено Итамарати как свидетельство «блестящих достижений, достигнутых бразильской внешней политикой» [Moura, 2012, с. 183].

[1]75 anos do desembarque da Forsa Expedicionaria Brasileira em solo Italiano.
URL: https://www.eb.mil.br/feb75anos/-/asset_publisher/8D3KCaW6SSfW/content/75-anos-do-desembarque-da-forca-expedicionaria-brasileira-em-solo-italiano

[2]Vitorias da Forsa Expedicionaria Brasileira na Italia URL: https://www.eb.mil.br/feb75anos/-/asset_publisher/8D3KCaW6SSfW/content/vitorias-da-forca-expedicionaria-brasileira-na-italia-edicao--3

[3]Маскареньяш ди Мораиш – в правильном написании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Бразилии, претендующей на роль постоянного члена Совета Безопасности ООН, важным является сохранение памяти о вкладе в победу над фашизмом как внутри страны, так и в мировом сообществе.

Бразильские исследователи полагают, что участие корпуса в боях на Итальянском фронте способствовало формированию образа страны как борца с тоталитаризмом. В 1946 году Маскареньяш ди Мораиш отдавал дань памяти тем «храбрым товарищам, которые пожертвовали собой на поле борьбы, защищая существование Бразилии как свободной и демократической нации» [Nunes, 2020, с. 201]. В этом году отмечается восемьдесят лет с момента создания Бразильского экспедиционного корпуса. Нет сомнения, что Итамарати приложит серьезные усилия к тому, чтобы память о легионе способствовала развитию политической и культурной дипломатии страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Haag C. Por quem a cobra fumou // Pesquisa. 2010. № 177. P. 84–87.
2. McCann F. Brazil and World War II: The Forgotten Ally. What did you do in the war, Zé Carioca? // Estudios Interdisciplinarios de America Y el Caribe. 1995. V. 6. № 2. P. 35–70.
3. Denis A. Allemagne-Argentine: en Amérique du Sud, l'Allemagne est un peu chez elle // Slate. 2014. 13. VII. URL: https://www.slate.fr/story/89823/allemagne-argentine-amerique-sud-chez-elle
4. Wehling A. Estado, Governo e administração no Brasil joanino // Revista do Instituto Histórico Geográfico. Brasileiro. 2007. № 436. P. 75–92.
5. Gerstenberger D. Europe in the Tropics? The Transfer of the Portuguese Royal Court to Brazil (1807–1808) and the Adaptation of European Ideals in the New Imperial Capital // Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. 2015. № 5–6. S. 32–46.
6. Mendible A. B easil: s u original i ndependenci a naci onal y parti cul ar evol uci ón dent ro del cont ext o l at inoam eri cano // Procesos Históricos. Revista de Historia y Ciencias Sociales. 2011. № 20. P. 101–117.
7. Помбу Р. История Бразилии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
8. Кирчанов М. В. Бразильская империя в классической исторической памяти в Бразилии // Политические изменения в Латинской Америке. 2013. № 12. С. 80–95.
9. Forster N. Brasilien am Vorabend des Zweiten Weltkrieges Eine Situationsanalyse unter besonderer Berücksichtigung der «Força Expedicionária Brasileira». Wien: Universitat Wien, 2010.
10. Бертонья Ж. Ф. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3. С. 242–255.
11. Nunes A. J. B. O Itamaraty e a Força Expedicionária Brasileira (FEB): o legado da participação do Brasil na Segunda Guerra Mundial como ativo de política externa / Aurimar Jacobino de Barros Nunes. Brasília: FUNAG, 2020.
12. Silva P. S. A Participacao Brasileira na Segunda Guerra Mundial Primeiros Movimerntos (1942–1944) // Albuquerque – revista de história. 2016. V. 8. № 15. P. 108–128.
13. Moura G. Relações exteriores do Brasil: 1939–1915: mudanças na natureza das relações Brasil-Estados Unidos durante e após a Segunda Guerra Mundial. Brasília: FUNAG, 2012.
14. Ciano G. The Ciano Diaries: 1939–1943. Safety Harbor (Fl): Simon Publications, 2001.
15. Elíbio Júnior A. M. Rumo ao Conflito? Brasil e Argentina no contexto da II Guerra Mundial // Proceedings of the 3rd ENABRI 2011 3° Encontro Nacional ABRI 2001, 2011, São Paulo (SP, Brazil). URL: http://www.proceedings.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=MSC0000000122011000100025&lng=en&nrm=iso
16. Seitenfus R. A. S. O Brasil de Getúlio Vargas e a formação dos blocos, 1930–1942: o processo de envolvimento brasileiro na II Guerra Mundial. São Paulo: Ed. Nacional (Brasflia) : INL, Fundação Nacional Pró-Memória, 1985.
17. Cabral R. C. A Marinha do Brasil na Batalha do Atlântico, 1942–1945. The Brazilian Navy at the Battle of the Atlantic, 1942–1945 // Navigator: subsídios para a história marítima do Brasil. Rio de Janeiro. 2020. V. 16. № 32. P. 9–26.
18. Nogueira G. A Marinha brasileira na Campanha do Atlântico: histórico das operações navais realizadas por comboios e patrulhamento das vias marítimas (1942–1945) // VI Congresso Internacional de Historia. URL: http://www.cih.uem.br/anais/2013/trabalhos/56_trabalho.pdf
19. Freire Leal G. A. A Evolução da Arte da Guerra e do Pensamento Militar entre as 1as. e 2as. Guerras Mundiais // A Defesa Nacional. 1997. № 777. P. 115–124.
20. História oral do Exército na segunda guerra mundial / Coordenação geral de Aricildes de Moraes Motta. Rio de Janeiro: Biblioteca do Exército Editora, 2001. T. 3.

21. Окунева Л. С. «И кобра закурила», или «Забытый союзник». Военные действия Бразильского экспедиционного корпуса в Италии // Латинская Америка. 2010. № 5. С. 23–31.

REFERENCES

1. Haag, C. (2010). Por quem a cobra fumou. Pesquisa, 177, 84–87. (In Port.)
2. McCann, F. (1995). Brazil and World War II: The Forgotten Ally. What did you do in the war, Zé Carioca? Estudios Interdisciplinarios de America Y el Caribe, 2(6), 35–70.
3. Denis, A. (2014). Allemagne-Argentine: en Amérique du Sud, l'Allemagne est un peu chez elle. Slate, 13(VII). https://www.slate.fr/story/89823/allemagne-argentine-amerique-sud-chez-elle (In Fr.)
4. Wehling, A. (2007). Estado, Governo e administração no Brasil joanino. Revista do Instituto Histórico Geográfico. Brasileiro, 436, 75–92. (In Port.)
5. Gerstenberger, D. (2015). Europe in the Tropics? The Transfer of the Portuguese Royal Court to Brazil (1807/08) and the Adaptation of European Ideals in the New Imperial Capital. Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung, 5–6, 32–46. (In Germ.)
6. Mendible, A. (2011). Brasil: su original independencia nacional y particular evolución dentro del contexto latinoamericano. Procesos Históricos. Revista de Historia y Ciencias Sociales, 20, 101–117. (In Span.)
7. Pombu, R. (1962). Istoriya Brasilii = History of Brazil. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatyri (In Russ.)
8. Kirchanov, M. V. (2013). Brazilskaya imperiya v klassicheskoy istoriheskoy pamyaty v Brasilii = The Brazilian Empire in classical historical memory in Brazil. Politicheskiye izmeneniya v Latinscoy Amerike, 12, 80–95. (In Russ.)
9. Forster, N. (2010). Brasilien am Vorabend des Zweiten Weltkrieges Eine Situationsanalyse unter besonderer Berücksichtigung der «Força Expedicionária Brasileira». Wien: Universitat Wien. (In Germ.)
10. Bertonya, J. F. (2015). Facizm I praviy radikalizm v в Brazilii v XX v. = Fascism and right-wing radicalism in Brazil in the 20th century. Bereginya. 777. Sova: Obchestvo. Politika. Ekonomika, 3, 242–255. (In Russ.)
11. Nunes, A. J. B. (2020). O Itamaraty e a Força Expedicionária Brasileira (FEB): o legado da participação do Brasil na Segunda Guerra Mundial como ativo de política externa. Aurimar Jacobino de Barros Nunes. Brasília: FUNAG. (In Port.)
12. Silva, P. S. (2016). A Participacao Brasileira na Segunda Guerra Mundial Primeiros Movimerntos (1942–44). Albuquerque – revista de história, 15(8), 108–128. (In Port.)
13. Moura, G. (2012). Relações exteriores do Brasil: 1939–1915: mudanças na natureza das relações Brasil-Estados Unidos durante e após a Segunda Guerra Mundial. Brasília: FUNAG. (In Port.)
14. Ciano, G. (2001). The Ciano Diaries: 1939–1943. Safety Harbor (Fl): Simon Publications, 2001.
15. Elíbio Júnior, A. M. (2011). Rumo ao Conflito? Brasil e Argentina no contexto da II Guerra Mundial. Proceedings of the 3rd ENABRI 2011 3° Encontro Nacional ABRI 2001, São Paulo (SP, Brazil). http://www.proceedings.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=MSC0000000122011000100025&lng=en&nrm=iso
16. Seitenfus, R. A. S. (1985). O Brasil de Getúlio Vargas e a formação dos blocos, 1930–1942: o processo de envolvimento brasileiro na II Guerra Mundial. São Paulo: Ed. Nacional; (Brasflia): INL, Fundação Nacional Pró-Memória (In Port.)
17. Cabral, R. C. (2020). A Marinha do Brasil na Batalha do Atlântico, 1942–1945. The Brazilian Navy at the Battle of the Atlantic, 1942–1945. Navigator: subsídios para a história marítima do Brasil. Rio de Janeiro, 32 (16), 9–26. (In Port.)
18. Nogueira, G. A Marinha brasileira na Campanha do Atlântico: histórico das operações navais realizadas por comboios e patrulhamento das vias marítimas (1942–1945). VI Congresso Internacional de Historia. http://www.cih.uem.br/anais/2013/trabalhos/56_trabalho.pdf (In Port.)
19. Freire Leal, G. A. (1997). A Evolução da Arte da Guerra e do Pensamento Militar entre as 1as. e 2as. Guerras Mundiais. A Defesa Nacional, 777, 115–124.
20. História oral do Exército na segunda guerra mundial / Coordenação geral de Aricildes de Moraes Motta. Rio de Janeiro : Biblioteca do Exército Editora, 2001. T. 3.
21. Okuneva L.C. (2010). «I кобра zakurila», ili «Zabitiy souznik». Voennie deiystviya Brazilskogo expedicionnogo korpusa v Italii = «And the cobra started smoking,» or «The Forgotten Ally.» Military operations of the Brazilian Expeditionary Force in Italy. Latinskaya Amerika, 5, 23–31. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Агуреев Станислав Александрович

кандидат исторических наук
доцент кафедры международных отношений
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России

Болтаевский Андрей Андреевич

кандидат исторических наук
доцент кафедры гуманитарных наук
Российский университет кооперации

Синчук Юрий Владимирович

доктор политических наук, профессор
профессор кафедры международных отношений и внешней политики России
Институт международных отношений и социально-политических наук
Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agureev Stanislav Alexandrovich

PhD (History)
Associate Professor of the Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Boltaevsky Andrey Andreevich

PhD (History)
Associate Professor of the Department of Humanities
Russian University of Cooperation

Sinchuk Yuri Vladimirovich

Doctor of political Sciences, Professor
Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	07.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Влияние идей панисламизма на внешнеполитические концепции Ирана (от излома ирано-иракской войны до современности)

И. Д. Баскаков

Институт научной информации по общественным наукам Российской академиии наук, Москва, Россия
ilya_baskakov00@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется внешнеполитические концепции Исламской Республики Иран с панисламской направленностью, разработанные и активно используемые Тегераном в период от излома ирано-иракской войны до современности. Рассматривается отводимое Ирану место в деле консолидации уммы в каждой из концепций с учетом внутри- и внешнеполитической обстановки в различные исторические периоды.

Ключевые слова: Иран, панисламизм, внешнеполитические концепции, транснационализм, лидерство, экспорт революции, исламское пробуждение, новая исламская цивилизация

Для цитирования: Баскаков И. Д. Влияние идей панисламизма на внешнеполитические концепции Ирана (от излома ирано-иракской войны до современности) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 47–54.

Original article

The Impact of Ideas of Panislamism Upon Foreign Policy Concepts of Iran (from the Turning Point of the Iran-Iraq War to the Current Stage)

Ilya D. Baskakov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ilya_baskakov00@mail.ru

Abstract. The article analyzes the foreign policy concepts of the Islamic Republic of Iran with pan-Islamic focus, which were developed and actively used by Tehran in the period from the turning point og the Iran-Iraq war and up to the current stage. The place assigned to Iran in the consolidation of the Islamic Ummah in each concept is considered, considering the domestic and international situation in different historical periods.

Keywords: Iran, panislamism, foreign policy concepts, transnationalism, leadership, export of revolution, Islamic awakening, New Islamic civilization

For citation: Baskakov, I. D. (2024). The impact of ideas of panislamism upon foreign policy concepts of Iran (from the turning point of the Iran-Iraq war to the current stage). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 47–54.

ВВЕДЕНИЕ

С момента исламской революции 1978–1979 годов в Иране основной внешнеполитической задачей стало формирование единой мусульманской уммы под эгидой Ирана. Эта задача – стержень иранской внешней политики, основа стратегии государства, т. е. его долгосрочной и целенаправленной деятельности [Belozerov, 2023]. С одной стороны, лидерство Ирана в рамках единой мусульманской уммы – это транснациональная цель для Ирана, ведь она не просто выходит за границы государства, но и мыслится вне государственных границ в принципе, а с другой – «достижение Ираном статуса лидирующего государства среди исламских стран». Достижение двуединой цели лидерства Ирана в рамках единой уммы может реализовываться двумя путями: отдача приоритета транснациональным задачам или национально-государственному развитию. В первом случае Иран посредством активного содействия сплочению мусульман мира мыслит укрепление собственного авторитета и мощи. Во втором – Иран, делая упор на поступательное национально-государственное развитие, предполагает доказать миру эффективность исламской модели развития по собственному образцу. Как отмечает В. И. Сажин, развитие Ирана по исламско-революционной модели – «большой “демонстрационный проект” не только для мусульман, но и для остального мирового сообщества в целом» [Сажин, 2015, с. 296].

В истории внешней политики Ирана после революции соседствует преследование транснациональных целей и национально-государственных интересов. В целом, транснациональные цели и национально-государственные интересы Ирана находятся в тесной взаимосвязи, и в значительной части внешнеполитических акций Тегерана проявляется их синтез. Однако в зависимости от внутриполитической обстановки, объема располагаемых материальных и нематериальных ресурсов, условий международной среды и т. д. в разные периоды делался упор на ту или иную часть двуединой цели достижения лидерства Ирана в рамках единой мусульманской уммы. Превалирующий акцент на транснациональное и национальное во внешней политике Исламской Республики Иран можно проследить через анализ господствовавших в разные моменты развития государства доктрины и концепции. Анализ концепций внешней политики разных периодов также позволит определить, насколько активную роль в формировании единой исламской цивилизации отводили Ирану руководящие лица страны.

В рамках данного исследования будут затронуты лишь те внешнеполитические концепции, которые были разработаны на изломе и после окончания ирано-иракской войны, ставшей определяющим фактором в истории современного Ирана. По этой причине анализу не будут подвергаться изначальная трактовка концепции «экспорта исламской революции», доктрина «ни Восток, ни Запад» и т. д., а внимание будет уделяться исключительно тем концепциям, в которых присутствует значимый панисламский компонент, поэтому вне исследования останется, к примеру, концепция «конструктивного взаимодействия» М. Ахмадинежада.

ПАНИСЛАМИЗМ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ИРАНА НА ИЗЛОМЕ И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ

Окончание ирано-иракской войны ознаменовало собой неудачу попытки реализации «силового варианта» экспорта исламской революции. Ресурсы постреволюционного Ирана оказались недостаточны для достижения широкомасштабных внешне-политических целей руководства страны. При этом война позволила сплотить иранский народ, пробудить в нем чувства патриотизма. В послевоенный период Ирану предстояло пройти сложный путь восстановления. Такие обстоятельства указывали на необходимость нахождения баланса компонентов диады «национальные интересы и транснациональные цели» Исламской Республики Иран. Транснациональные цели и стремление Ирана стать лидером исламского мира не могли полностью уйти из комплекса политического мышления и идеологии государства, однако их форме и методам предстояло измениться.

Во время ирано-иракской войны, в 1984 году Мохаммад-Джавад Лариджани, являвшийся на тот момент заместителем министра иностранных дел, сформулировал доктрину матери городов (также известна как концепция Умм аль-Кура). Концепция разрабатывалась в условиях продолжавшихся тягот войны, обострения внутренних экономических противоречий. На тот момент главным императивом для руководства страны стала защита суверенитета и сохранение режима исламской республики. В русле высказанного Р. Хомейни тезиса о первостепенной необходимости сохранения режима в Иране и была разработана доктрина Лариджани [Хани, 2014].

Разработанная Лариджани доктрина базировалась на религиозной концепции «матери городов», которую в исламе применяют по отношению к священному городу Мекка. Согласно задумке Лариджани, концепция переносилась на реалии мировой политической ситуации и предполагала, что одно из исламских государств может служить лидером всех стран исламского мира. После

Исламской революции таким государством, согласно Лариджани, стал Иран [Халили, Абасси Хошкар, 2015]. Становление Ирана как центра исламского мира предполагало, что Духовный лидер страны руководит не только иранским народом, но и всей мусульманской уммой; а все мусульмане, в свою очередь, должны принять попечительство руководителя Ирана. Победа или поражение Исламской Республики Иран в рамках концепции «матери городов» считалась победой или поражением всего исламского мира [Хани, 2014].

Важным аспектом представленной концепции было то, что в случае противоречий между интересами «матери городов» и интересами мусульманской уммы, интересы уммы первостепенны. Однако это исключало те случаи, когда существовала угроза исламскому режиму в Иране, т. е. доктрина «матери городов» не исключала экспорт революции как центральный элемент внешней политики Ирана, а дополняла его замечанием о приоритетной необходимости сохранения внутренней стабильности в самом Иране [Халили, Абасси Хошкар, 2015]. Руководство Исламской Республики Иран могло и дальше формировать свою внешнюю политику на основе экспорта революции (будь то ее экспорт в силовой или несиловой ипостаси), но получала возможность объяснять воздержание от более активных действий за рубежом потребностями сохранения существования и стабильности режима.

Доктрина МАТЕРИ ГОРОДОВ теоретически оформила транснациональные цели Тегерана в отношении исламской уммы [Хани, 2014]. По этой причине концепция вызвала подозрения у мирового сообщества, которое расценило ее как очередной пример концептуального объяснения интервенционистских амбиций Тегерана[1]. В реальности же на тот момент Иран был ограничен в своих ресурсах, и предложенная Лариджани доктрина, пусть и не исключая идеологически обоснованных внешнеполитических акций, смещала акцент в сторону жизненно важных интересов национального развития.

Доктрина МАТЕРИ ГОРОДОВ позволила найти баланс между двумя крайними позициями касательно курса внешней политики Ирана: «способствованием усилению борьбы за спасение угнетенных народов во всем мире» (данный тезис присутствует в преамбуле Конституции страны) и отказом от наступательного экспорта собственных идей во внешнюю среду. Два данных взгляда на методы осуществления экспорта исламской революции были выражены двумя основными идейными группами в среде иранского духовенства. Сторонники более радикального взгляда настаивали на необходимости широкой поддержки угнетенным народам. Более прагматичные представители истеблишмента выступали за невмешательство в дела прочих государств и мирную пропаганду идей исламской революции [Дунаева, Мамедова, 2011]. Внешне-политическая доктрина «матери городов» позволяла руководству Ирана занять нейтральную позицию между двумя крайними точками зрения. Новая концепция постулировала, что в краткосрочной перспективе национальные интересы и внутренние потребности императивны, а в долгосрочной перспективе превалируют всемирные цели ислама [Халили, Абасси Хошкар, 2015]. Характерно, что сам термин «национальные интересы» был добавлен в Конституцию Исламской Республики лишь после ее пересмотра в 1989 году, т. е. уже после окончания ирано-иракской войны [Хандогин, 2011].

Еще одним трендом во внешней политике Ирана после окончания войны с Ираком стал переход к *экспорту исламской культуры*. Он, в свою очередь, был значимой составляющей экспорта исламской революции. В культурные представительства при посольствах Ирана в странах мира направлялись проповедники исламской культуры, ключевым инструментом экспорта революции культурным путем также являлся хадж [Юртаев, 2018]. Влияние концепции МАТЕРИ ГОРОДОВ и акцент на экспорт исламской культуры нашли отражение в разработанном в 1993 году при президенте Рафсанджани плане внешней политики страны на 1994–2000 годы. Первые два принципа в плане были посвящены необходимости обеспечения безопасности и территориальной целостности Ирана, после которых следовал пункт о защите всех мусульман мира. Четвертым пунктом в плане шел упор на пропаганду исламской культуры за рубежом [Ушаков, 1999].

Формальная смена основной формы экспорта исламской революции с силового на несиловой и провозглашение концепции МАТЕРИ ГОРОДОВ подвели черту под ранним постреволюционным периодом иранской внешней политики. Подобно буржуазно-демократической революции во Франции XVIII века и социалистической революции в России в начале XX века, ранний этап существования исламистского режима в Иране характеризовался активными попытками трансформировать внешнюю среду, дабы сформировать более благоприятный политический ландшафт. В последующий период в Иране произошла переоценка собственных материальных и нематериальных ресурсов и последовал переход к более прагматичной внешней политике, нацеленной, в первую очередь, на национальное развитие.

[1] Oh Brother Where Art Thou?
URL: http://irdiplomacy.ir/en/news/1928474/oh-brother-where-art-thou-

Несмотря на общий дрейф в сторону прагматизации, Иран в 1990-е годы продолжал в отдельных случаях пытаться реализовывать экспорт исламской революции с вовлечением военно-политической сферы. Так, Тегеран предоставлял военную и финансовую помощь Судану, вставшему на путь исламизации. Видя в Судане перспективный форпост распространения идей исламской революции среди суннитов, Иран поставлял вооружения в данную страну, создавал тренировочные лагеря для проиранских сил. В духе идей *экспорта революции* действовал Иран также в ходе распада Югославии, создавая тренировочные центры и снабжая оружием боснийских мусульман [Хандогин, 2011]. Духовный лидер Ирана А. Хаменеи видел в появлении новых независимых мусульманских государств на территории бывшего СССР результат начатого в ходе иранской революции пути и призывал к единству всех последователей ислама в мире. В своей риторике иранское руководство, тем не менее, настаивало на использование инструментов исключительно «экспорта исламской культурной революции» [Ушаков, 1999].

ИДЕИ ПАНИСЛАМИЗМА В КОНЦЕПЦИЯХ ИРАНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Иран подошел к рубежу веков, выстраивая свою внешнюю политику на основе концепций несилового экспорта исламской революции и национального развития на основе исламской модели для демонстрации ее успешности окружающему миру. Международная среда также проходила через череду важнейших трансформаций. Мир перешел от состояния биполярной системы международных отношений в период однополярности. Данная метаморфоза характеризовалась существованием одного главного центра силы на глобальном уровне в лице США. В этих условиях сильный резонанс вызвала идея Сэмюэла Хантингтона о «столкновении цивилизаций» как ключевой черте миропорядка после окончания Холодной войны.

Ответом на теорию Хантингтона стала выдвинутая новым президентом Ирана Мохаммадом Хатами концепция ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ (*перс.* гофтогу-йе тамадонха). М. Хатами изложил свои взгляды на диалог цивилизаций в целом ряде письменных работ и выступлений, включая выступление на 53 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Комплексная концепция М. Хатами предполагала ряд последовательных элементов:

«1) диалог внутри мусульманского мира, 2) диалог мусульманского мира с западной (христианской) цивилизацией, 3) диалог с другими цивилизациями (конфессиями)» [Дружиловский, 2003, с. 37].

Таким образом, в концепции Хатами выделялось два основных направления – *сплочение исламской цивилизации* и *межцивилизационный диалог*.

Концепция ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ стала логичной эволюцией воплощения панисламских ценностей Ирана в условиях нового глобального баланса сил и прагматизации политики Тегерана. Выдвинув концепцию ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ, Иран вновь принимал на себя роль лидера всего мусульманского мира, формируя дискурсивное поле от лица всех стран исламской цивилизации. Поэтому новая концепция, хоть и имела гораздо более интернациональный посыл и была направлена на все страны мира, дополняла идею «матери городов». С. Б. Дружиловский подчеркивает, что в результате реализации концепции ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ Иран планировал добиться достижения цели «сближения и объединения всех мусульманских народов в единую мусульманскую умму», формирования «новой политической системы – "исламского гражданского общества"» [Дружиловский, 2003, с. 38].

Хатами пробыл на посту президента два срока, в период с 1997 по 2005 год. Выдвинутая Хатами концепция прошла лейтмотивом через весь его первый срок до 2001 года. Однако впоследствии данная концепция оказалась под сильным ударом в результате интервенций США в сопредельные Ирану страны. В 2001 году международная коалиция во главе с США начала операцию по борьбе с терроризмом в Афганистане. В 2003 году США и их союзники вторглись в Ирак. Несмотря на то что отношения Ирана как с руководством Исламского Эмирата Афганистан, так и с Саддамом Хуссейном были непростыми, вмешательство внерегиональных сил и расширение военного присутствия США по границам Исламской Республики оказали влияние как на стратегическое мышление Тегерана, так и на продвигаемые им концепции. В последующие годы концепция ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ постепенно перестала превалировать в дискурсе Ирана.

Избрание следующего президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в 2005 году представляло собой определенный разрыв с устоявшейся системой теократической государственности в стране. В отличие от предыдущих президентов Ахмадинежад не имел религиозного сана. Период двух сроков президентства Ахмадинежада (до 2013 года) отметился конфликтом представляемых президентом политических сил и института духовного лидера. Исследователи отмечают, что данный конфликт был выражением столкновения двух традиций в иранской политике: иранского национализма и шиитской исключительности [Лукоянов, 2011]. Данная тенденция указывает на то, что в устоявшейся формуле выражения диады

национальных и транснациональных интересов усиливалось напряжение. Стоявшие за Ахмадинежадом силы выступали за дальнейшее смещение акцента на национально-государственную сущность Исламской Республики Иран.

При Ахмадинежаде концепция экспорта исламской революции была относительно реанимирована [Хандогин, 2011]. Однако идея «всемирной исламской революции», не утратившая своего значения и в ранние постреволюционные годы, для иранских консерваторов в лице Ахмадинежада была утопична. Гораздо важнее в данный период для руководителей Ирана стало построение «сильного государства», выведение страны на уровень региональной сверхдержавы на пространстве Среднего и Ближнего Востока посредством опоры на шиитский фактор и экономическое сотрудничество [Краснов, 2011]. Транснациональные цели во внешней политике уступали место интересам национально-государственного развития, становились их инструментом.

ИДЕИ ПАНИСЛАМСКОГО ЕДИНСТВА В АКТУАЛЬНЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ИРАНА

В 2010–2011 годах страны Ближнего Востока и Северной Африки охватили массовые протесты и демонстрации, ставшие известными под названием «арабской весны». Высшее руководство Исламской Республики Иран представило свою трактовку процессов, происходивших в регионах ее непосредственных интересов. Так аятоллой Али Хаменеи была сформулирована концепция «исламского пробуждения» (*перс.* бидари-йе эслами), ставшая магистральной во внешнеполитической риторике Тегерана во втором десятилетии XXI века.

Основной целью процессов «исламского пробуждения», согласно А. Хаменеи, является существование ислама и норм шариата в качестве фундамента жизни людей [Баранов, 2014], прогресс в его исламском понимании [Баранов, 2013]. Вместе с тем успех «Исламского пробуждения» позволил бы положить конец вмешательству внерегиональных сил, в частности США, в дела стран Ближнего Востока и предоставил бы населению мусульманских стран подлинную независимость. В результате вновь по аналогии с предыдущими концепциями Исламской Республики Иран (ИРИ) было бы достигнуто единство всех мусульманских народов под эгидой Ирана [Баранов, 2014].

В отличие от концепции «экспорта революции», господствовавшей в дискурсе иранских руководителей в 1980–1990-е годы, идея «исламского пробуждения» не предполагает активную наступательную политику ИРИ по трансформации исламского мира, а скорее результат тех внутренних процессов, которые определены ходом развития мусульманских стран [Баранов, 2014]. В этом отношении концепция «Исламского пробуждения» развивает линию «матери городов», еще сильнее сокращая обязанности, которые в рамках глобальной исламской уммы несет руководство Ирана. Ведь Иран в рамках данной концепции уже успел сыграть ключевую роль в «исламском пробуждении», продемонстрировав Исламской революцией пример радикальной политической трансформации на основах ценностей ислама.

Исследователи подчеркивают заложенные в концепции ИСЛАМСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ» «идеи полицентричности возникновения данного феномена, а также естественного хода его развития без опоры на шиитский ислам» [Филин, Кокликов, Медушевский, 2019, с. 207]. Это был важный фактор не только в контексте общей тенденции к прагматизации внешней политики Ирана на протяжении 1990–2000-х годов, но и попытка препятствовать распространению опасений стремления Тегерана сплотить вокруг себя мусульман-шиитов и усилить раскол по конфессиональной линии шиизма-суннизма. Фактически «исламское пробуждение» вновь акцентировало внимание на глобальной общности мусульман в восприятии Ирана в противовес росту популярности идей «шиитского полумесяца», которые активно усилились в силу проводимой при М. Ахмадинежаде внешней политики с опорой на шиитский фактор.

Исламская Республика Иран продолжает стремиться стать лидером всей мусульманской уммы [Баранов, 2013], однако в рамках «исламского пробуждения» руководство ИРИ не ставит узкие рамки для политического развития прочих стран Ближнего Востока. Главное к ним требование – это следование нормам ислама. Сама же модель политико-религиозного развития вовсе не обязана быть идентичной режиму Исламской Республики в Иране. Иранский путь развития в данной концепции – «некий зримый пример для подражания и руководства» [Баранов, 2014, с. 5].

В программном заявлении А. Хаменеи касательно текущего состояния и перспектив развития иранского государства на протяжении следующих 40 лет под названием «Второй этап революции», выпущенном в 2019 году, Духовный лидер Ирана вернулся к идее «исламского пробуждения»[1]. В разделе, посвященном внешней политике государства, отмечено, что одной из важнейших особенностей развития современной мировой политики является новая волна движения

[1]URL: https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673

«Исламского пробуждения» на основе модели сопротивления доминированию США и Израиля.

Вместе с тем во «Втором этапе революции» присутствует упоминание еще одной ключевой концепции, несущей в себе печать идей панисламизма – речь о концепции «новой исламской цивилизации» (*перс.* тамадон-э новин-э эслами). В задачи революционного Ирана включается амбициозная цель цивилизационного строительства (*перс.* тамадонсази). Обращаясь в первую очередь к молодым поколениям иранцев, которым суждено реализовывать внешнеполитический курс Ирана в грядущие десятилетия, Духовный лидер указывает, что на них возлагается задача по приближению формирования «новой исламской цивилизации». Давая разъяснения по вопросу сущности концепции, А. Хаменеи в 2019 году выделял несколько этапов на пути к реализации «новой исламской цивилизации»[1]. Первым шагом является отсутствие взаимной агрессии между странами исламского мира. Второй шаг – объединение исламского мира против общего внешнего врага. Следующий шаг – сотрудничество мусульманских государств в различных областях, например, в сфере науки и безопасности. Наконец, финальная ступень – объединение всего мусульманского мира для формирования «новой исламской цивилизации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно выделить несколько важнейших особенностей эволюции внешнеполитических концепций Исламской Республики Иран. Наиболее важная из этих особенностей – тенденция к прагматизации. Не отказываясь от идеи «единой мусульманской уммы» или сплочения «исламской цивилизации», Иран всё чаще делает акцент на собственном национально-государственном развитии. Если в ранний постреволюционный период Иран стремился стать лидером исламского мира посредством активного воздействия на внешнюю среду, то сегодня руководство страны делает ставку на реализацию успешной модели развития по исламской модели, которая сможет вдохновить другие народы.

Другая важная особенность – значительное влияние глобальных и региональных событий на формулировку внешнеполитических концепций. Окончание ирано-иракской войны и снижение напряженности в отношении Ирана способствовали отходу от идеи о силовом варианте экспорта исламской революции и переходу к экспорту ее через культуру. Окончание холодной войны и ускорение процессов глобализации нашло отражение в концепции ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ с присущей ей идеей «исламского гражданского общества». Последующий же рост военно-политических угроз в отношении Ирана на пространстве Ближнего Востока вывел из обихода концепцию ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ и привел к короткому по времени возвращению Ирана к концепции ЭКСПОРТА ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, но уже как инструменту укрепления собственной национальной мощи. События «арабской весны», в свою очередь, вывели в центр дискурса идеологему «исламского пробуждения».

Стоит отметить также тот факт, что внешнеполитические концепции и доктрины в Иране выдвигаются представителями различных институций. Это может быть Духовный лидер (рахбар), как в случае с идеей «исламского пробуждения». Также ответственным лицом может быть представитель республиканской институции – президент или представитель министерства иностранных дел (как было с концепциями ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ и МАТЕРИ ГОРОДОВ соответственно).

Констатируем тот факт, что в основе всех панисламских концепций Тегерана лежит базовое представление о стремлении превратить Иран в лидера единой исламской уммы. В концепциях меняются формулировки данной идеи, закладываются разные посылы о том, насколько активную роль Иран должен играть в конкретный период в процессах консолидации исламского мира. Различаются указания относительно того, каким именно путем Иран способен реализовать свою амбициозную цель. Однако в сердцевине многочисленные внешнеполитические концепции схожи и лишь отражают непрерывный процесс адаптации идеологии Исламской Республики Иран к реалиям международной среды.

[1]URL: https://farsi.khamenei.ir/newspart-index?tid=2634#86264

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Belozerov V. K. Strategy as a Political Phenomenon and Concept // RUDN Journal of Political Science. 2023. № 2. P. 368–376.
2. Сажин В. И. Национально-психологические особенности населения Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. Вып. 9. С. 291–296.

3. Хани Х. Панисламский вектор во внешней политике Исламской Республики Иран; сравнение доктрин «Ум аль-Кора» и «усиленное взаимодействие» // Стратегические политические исследования. 2014. Вып. 3 (8). С. 9–30. (На перс.)
4. Халили М., Абасси Хошкар Э. Анализ триады внешнеполитических концепций Исламской Республики Иран – Ум аль-Кора, иранская цивилизация и коалиция. Политические и международные исследования. 2015. Вып. 6 (21). С. 183–218.
5. Дунаева Е. В., Мамедова Н. М. Особенности формирования внешней политики ИРИ // Институт Ближнего Востока. 2011. 14 февраля. URL: http://www.iimes.ru/?p=12154
6. Хандогин К. Ю. Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ 1990-х гг. // Власть. 2011. Вып. 11. С. 167–169.
7. Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018.
8. Ушаков В. А. Иран и мусульманский мир 1979–1998 гг. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.
9. Дружиловский С. Б. Мировое сообщество и новая внешнеполитическая концепция Ирана // Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции. 2003. С. 36–42.
10. Лукоянов А. Шиизм и великодержавность // Россия в глобальной политике. 2011. Вып. 3. С. 132–141.
11. Краснов К. «Дипломатия справедливости» во внешней политике Ирана // Россия и мусульманский мир. 2011. Вып. 12. С. 112–119.
12. Баранов А. В. «Исламское пробуждение» и «арабская весна»: внешнеполитическая доктрина исламской Республики Иран // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Вып. 3. С. 71–77.
13. Баранов А. В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. Вып. 9. С. 190–204.
14. Филин Н. А., Кокликов В. О., Медушевский Н. А. Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. Вып. 2. С. 98–109.

REFERENCES

1. Belozerov, V. K. (2023). Strategy as a Political Phenomenon and Concept. RUDN Journal of Political Science, 2, 368–376. (In Russ.)
2. Sazhin, V. I. (2015). National-psychological features of the population of Iran. Islam in the Near and Middle East, 9, 291–296. (In Russ.)
3. Hani, H. (2014). Pan-Islamic vector in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran; comparison of the doctrines of "Um al-Qora" and "enhanced interaction". Strategic Policy Studies, 3(8), 9–30. (In Persian)
4. Khalili, M., Abassi Khoshkar, E. (2015). Analysis of the triad of foreign policy concepts of the Islamic Republic of Iran – Um al-Qora, Iranian civilization and coalition. Political and international studies, 6(21), 183–218. (In Persian)
5. Dunayeva, E. V., Mamedova, N. M. (2011, February 14). Features of the formation of foreign policy of the IRI. Institute of Middle East. http://www.iimes.ru/?p=12154 (In Russ.)
6. Khandogin, K. Yu. (2011). Evolution of the concept of export of the Islamic Revolution in the context of foreign policy of IRI in the 1990s. Vlast, 11, 167–169. (In Russ.)
7. Yurtayev, V. I. (2018). Islamizacia kak faktor vneshney politiki irana = Islamization as a Factor of Iran's Foreign Policy. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
8. Ushakov, V. A. (1999). Iran i musulmanski mir 1979–1998 = Iran and the Muslim World 1979–1998. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East. (In Russ.)
9. Druzhilovsky, S. B. (2003). The world community and the new foreign policy concept of Iran. Iran: dialog civilizatsiy (pp. 36–42): conference materials. (In Russ.)
10. Lukoyanov, A. (2011). Shiism and Great Power. Russia in Global Politics, 3, 132–141. (In Russ.)
11. Krasnov, K. (2011). "Diplomacy of justice" in Iran's foreign policy. Russia and the Muslim World, 12, 112–119. (In Russ.)
12. Baranov, A. V. (2013). "Islamic Awakening" and "Arab Spring": foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran. Izvestia Saratov University. New series. Series: History. International relations, 3, 71–77. (In Russ.)
13. Baranov, A. V. (2014). The concept of "Islamic awakening" of Ayatollah Ali Khamenei. History and Historical Memory, 9, 190–204. (In Russ.)

14. Filin, N. A., Koklikov, V. O., Medushevsky, N. A. (2019). The concept of “Islamic awakening” as a foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran in the XXI century. Vestnik RSUH. Series: Political Science. History. International relations, 2, 98–109. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баскаков Илья Дмитриевич

младший научный сотрудник
Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baskakov Ilya Dmitrievich

Junior research fellow
at the Department of the Middle and Post-Soviet East
of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	24.10.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.11.2023	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 92

Герой и его эпохи: три жизни Н. М. Пржевальского

М. Д. Бухарин

Институт всеобщей истории Российской академии наук
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Москва, Россия
michabucha@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется жизнь и деятельность Н. М. Пржевальского (1839–1888) в эпоху развитии русской географической науки. В связи с деятельностью ученого рассматривается значительный объем документов, до сих пор не введенный в научный оборот, «каноническая» же биография не может рассматриваться как подлинно научная. Источником работы является книга М. К. Басханова об Н. М. Пржевальском. Книга вводит в научный оборот 281 документ, а также дает возможность реконструировать контекст, в котором Пржевальский формировался как ученый.

Ключевые слова: Н. М. Пржевальский, научная биография, история науки, история географии, центральноазиатские экспедиции, геополитика, военная стратегия, государственная научная политика

Для цитирования: Бухарин М. Д. Герой и его эпохи: три жизни Н. М. Пржевальского // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 55–65.

Original article

Hero and His Epochs: Three Lives Of N. M. Przhevalsky

Mikhail D. Bukharin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Russia

michabucha@gmail.com

Abstract. The article analyzes the life and work of N. M. Przhevalsky (1839-1888) in the era of the development of Russian geographical science. In connection with the activities of the scientist, a significant number of documents is being considered, which has not yet been introduced into scientific circulation, while the "canonical" biography cannot be considered as truly scientific. The source of the work is a book by M. K. Baskhanov about N. M. Przhevalsky. The book introduces 281 documents into scientific circulation, and also makes it possible to reconstruct the context in which Przhevalsky was formed as a scientist.

Keywords: N. M. Przhevalsky, scientific biography, history of science, history of geography, Central Asian expeditions, geopolitics, military strategy, state scientific politics

For citation: Bukharin, M. D. (2024). A Hero and his epochs: three lives of N. M. Przhevalsky. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 1(854), 55–65.

ВВЕДЕНИЕ

Каждая эпоха рождает своих героев и у каждой эпохи есть свои символы. Если это так, то кто творит эпохи, не сами ли герои? Герой и его эпоха – сюжет, во все времена занимавший умы историков самого широкого профиля. Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), был, безусловно героем своего времени. Привычный его образ связан с героическими путешествиями по Центральной Азии, преодолением трудностей, которые были бы непреодолимы для других героев, собиранием уникальных научных материалов (с не очень ясной целью), несомненным величием его подвига и преклонением современников и потомков. Немногочисленные герои, подобные Пржевальскому, проживают несколько жизней: реальную и образную. Потомки – писатели, ученые, «широкая общественность» – формируют образ героя, часто далеко не во всем соответствующий его носителю, даруя ему вторую жизнь. Впрочем, у образа и задача другая. В определенный момент это несоответствие становится слишком заметно, и тогда у героя начинается очередная – третья жизнь – десакрализация, приведение его биографии в соответствие с данными, которые доступны на тот или иной момент. Чем масштабнее личность, тем больше волн можно выделить в истории образов деятелей науки, политики, культуры, в том числе, таких как Н. М. Пржевальский. Конечно, он не единственный герой, чей образ требует переосмысления. Например, Карл Маркс, несмотря на призывы очеловечить и десакрализировать эту фигуру, раздающиеся уже более ста лет (см. недавний, отчаянный, призыв научиться читать «реального» Маркса [Жижек, Руда, Хамза, 2020]), так и не вернулся окончательно из метабытия к реальной жизни.

«ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ» ПРЖЕВАЛЬСКОГО: НАЧАЛО

С выходом в свет книги Михаила Казбековича Басханова «Посланники Цаган-хана. Н. М. Пржевальский, его ученики и последователи в Центральной Азии (1870–1909)» Пржевальский обрел новую дату рождения. Образ его, давно сложившийся, продолжает интенсивно формироваться [Сумароков, Сумарокова, 2019; Сластин, 2023; Погодина, 2023], но научная биография, поставленная в контекст эпохи и основанная на широком и глубоком знании источников, определенно, как выясняется, не написана. Удивительно, но после выхода на широкий экран в 1951 году фильма «Пржевальский» (в главной роли – Народный артист СССР (1958) С. И. Папов, дебютировавший с этой ролью в кино) отечественный кинематограф, столь активный в поисках положительных героев, более не обращался к этому образу. Впрочем, в некрологе С. И. Папова эта роль отмечена (*Советская культура. 24.10.1970, № 127 (4251), с. 4*).

На этом пути достигнуты немалые успехи, однако именно работа М. К. Басханова знаменует достижение принципиально нового уровня понимания сути деятельности Н. М. Пржевальского, его взаимодействия с эпохой: с системой образования, с государственным аппаратом, с внутри- и внешнеполитической обстановкой, с общественным мнением [Российские экспедиции в Центральную Азию, 2013].

Название первой части книги М. К. Басханова не должно вводить читателя в заблуждение. Автор слишком скоромно определил его место в издании, обозначив как вступительную статью. Цель введения состоит в представлении узловых вопросов, проблем и противоречий, которые возникают при ознакомлении с архивными документами. На самом деле перед читателем не просто представление «узловых вопросов, проблем и противоречий». Введение ориентировано на решение значительно более широкого круга вопросов и, как представляется, не только связанных с основной тематикой книги. В центре издания – фигура Н. М. Пржевальского, человека редкого масштаба, представления о личности которого, о его деятельности претерпели значительные искажения. С одной стороны, фигур масштаба Пржевальского не так много в отечественной географической науке, с другой – есть немало фигур, истинный облик которых сильно затуманен позднейшими наслоениями, намеренными лжеинтерпретациями. Стостраничное введение является как законченным исследовательским произведением, так и моделью насыщения реальной жизнью тех фигур, которые превратились в сакральные символы своей эпохи. Символ эпохи, как правило, превращается еще при жизни в бронзовую (или мраморную) статую, цель установки которой, как правило, никак не связана с целью реальной жизни символа.

Пересказывать ту или иную работу не имеет смысла: читатель должен сам составить представление о ней. Тем не менее до обидного малый тираж издания, возводящий его в ранг библиографической редкости сразу после опубликования, а также тот факт, что ознакомительный фрагмент, доступный на интернет-сайте издательства «Нестор-История» ограничен 18 страницами и даже не включает в себя содержание (а именно возможность ознакомиться с содержанием была бы лучшим способом заинтересовать читателя данным изданием), заставляет остановиться на структуре

и основных выводах вводной части несколько подробнее.

Введение состоит из шестнадцати основных параграфов и двух вспомогательных, представляющих части II и III введения. Подобная структура выглядит несколько запутанной. Возможно, части II и III можно было трансформировать в обычные параграфы, пусть и в смысловом отношении не продолжающие линию параграфов 1–16.

Часть I «Русский штурм Центральной Азии: личности, идеи и события в потоке истории» имеет собственное короткое введение и состоит из следующих подразделений:

1. «Россия на путях в Центральную Азию: внешнеполитические и стратегические предпосылки» (с. 10–11);
2. «Пути России на Восток идеология империи и изучение Центральной Азии» (с. 11–14);
3. «Термин Центральная Азия: традиционное и современное наполнение» (с. 14–15);
4. Место Тибета в программе русских центральноазиатских экспедиций. Были ли Н. М. Пржевальский и П. К. Козлов в Тибете?» (с. 15–24) (посреди этого параграфа обрывается ознакомительный фрагмент);
5. О практике названий географических объектов в период русских центральноазиатских экспедиций (с. 24–28);
6. Организация центральноазиатских экспедиций. Роль военного ведомства (с. 28–34);
7. «Проблема “умственной роскоши”: оппозиция центральноазиатским экспедициям в ИРГО, МИД и Военном министерстве» (с. 34–40);
8. «Организационный механизм русских центральноазиатских экспедиций: вопросы планирования и экспертизы» (с. 40–46);
9. «Экспедиционные технологии и направления исследований» (с. 46–48);
10. «Начальники центральноазиатских экспедиций: между образом и реальностью» (с. 48–64);
11. «Личный состав, оснащение и вооружение центральноазиатских экспедиций» (с. 64–71);
12. «Исследования и военные действия. Гибель местного населения» (с. 71–82);
13. «Пржевальский и Стэнли: путешественники эпохи империализма» (с. 82–83);
14. «Путешественники как военные эксперты» (с. 83–94);
15. «Конфликт экспертов: Пржевальский и русские востоковеды» (с. 94–104);
16. «Образ Пржевальского в западной историографии» (с. 104–115).

Каким же предстает Н. М. Пржевальский, среда его деятельности, ученики и последователи перед читателями? Пржевальский – не просто ученый, он – идеолог, проводник русской имперской политики на Востоке, в деятельности которого воплотились многочисленные иллюзии, плюсы и минусы этой политики. Экспедиции Пржевальского, прежде всего, – геополитический проект (пусть само понятие геополитика в ту пору еще и не существовало), призванный закрепить претензии Российской империи на контроль, пусть и подчас декларативный, над определенными территориями, выражавшийся в том числе в присвоении давно известным географическим объектам русских названий. Само присутствие «посланников Цаган-хана» в том или ином регионе могло бы обезопасить собственно российскую территорию от сторонних претензий. Экспедиции Пржевальского – это и престиж самой империи, причем престиж не абстрактный, а имеющий вполне материальной воплощение, это и претензии на передовой характер ее достижений, в том числе научных, это и развитие определенной образовательной линии, которой volens-nolens следовали востоковеды второй половины XIX века.

Основной целью Пржевальского было проникновение в Тибет и в его столицу Лхасу. Тибет был мало изучен, и считалось, что это terra incognita для европейской науки. Пржевальский активно использовал миф о Тибете как о сказочной стране, богатой золотом, и эти спекуляции давали ему возможность получать всё новые субсидии на проведение экспедиций.

Еще один аспект важности экспедиций для Пржевальского (не только утверждение его личного престижа) – оказание давления на военные, дипломатические и научные круги с целью признания правильности его взглядов (а, как показывает М. К. Басханов, у него хватало как оппонентов не только в военном и дипломатическом ведомствах, но и в научных кругах, так и прямых противников, исповедовавших совершенно противоположные взгляды). Экспедиции Пржевальского представляли собой также и личный проект, позволявший ему обеспечить высокий уровень благосостояния, значительно превосходящий уровень армейских коллег равного положения. М. К. Басханов филигранно показывает шаткость, двусмысленность положения Пржевальского, который, будучи высокопоставленным военным (офицером Генерального штаба), фактически не служил в армии и безнадежно отстал от «последних слов» военной науки. Однако и в научной среде он не был полностью «своим»: результаты его экспедиций нельзя назвать прорывными. Многие из них или не имели серьезного научного значения, или были повторением уже пройденного (с. 24, 48–64).

Военная сторона экспедиций также выглядела сомнительной. Военное ведомство было одним из

активных «акционеров» Пржевальского, выделяя до половины нужных средств на его экспедиции. Однако каких-либо серьезных данных военно-стратегического характера ни одна из экспедиций Пржевальского не принесла. Его идеи и взгляды на тактику потенциальных боевых действий в регионах, отдаленных от центров снабжения, оказались не просто вводящими в заблуждение, отставшими от жизни, но опасными для государства, прогнозы и оценки военного потенциала Китая – в корне неверными. Однако реноме Пржевальского позволяло ему вплоть до начала 1880-х годов считаться экспертом-универсалом по всем вопросам центральноазиатской и дальневосточной политики России (с. 85, 90). Как показывает М. К. Басханов, у руководителей военного ведомства хватило ума не пойти на поводу у своего protégé по вопросам как выбора генеральной линии в отношении Китая, так и по ряду более частных проблем. Впрочем, неудача в русско-японской войне в определенной степени объясняется именно влиянием военно-стратегических идей Пржевальского (с. 88).

Тем не менее тот факт, что экспедиции санкционировались лично Императором, гарантировал и само их проведение, и обеспечивал бесполезность вмешательства экспертов, мнение которых, в конечном итоге, не имело значения.

Впрочем, ситуация менялась, периоды спада интереса к центральноазиатскому региону сменялись периодами его подъема, однако давление внешнеполитического фактора, англо-российское сближение в начале XX века привели к тому, что Тибет и ближайшие прилегающие области уже не представляли практического интереса ни для военного, ни для дипломатического ведомств (с. 37–39).

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ КАК ОРГАНИЗАТОР ЭКСПЕДИЦИЙ

С другой стороны, экспедиции Пржевальского стали важнейшей вехой в истории организации самих экспедиционных исследований. Если сравнить их оснащение с возможностями, которыми обладал, например, позднее Д. А. Клеменц или С. Ф. Ольденбург (кстати, сам – генеральский сын, привыкший не только к уютному кабинету, но и к тяготам походной жизни), то можно признать, что экспедиции Пржевальского были организованы образцово. Да, они в значительной степени напоминали географический «спецназ», однако сама модель, тщательность подбора спутников (со-путь-ников), внимание к каждой мелочи и, прежде всего, к вопросам безопасности, выводят экспедиции Пржевальского на совершенно особый уровень решения организационных вопросов, требовавших, правда, неслыханного по меркам своего времени финансирования. Возможно, кстати, что траты на экспедиции Пржевальского, были той скрытой причиной, по которой С. Ф. Ольденбург в первые полторы декады XX века не мог получить и сотой доли средств на Восточно-Туркестанские экспедиции, которыми «ворочал» Пржевальский.

Как показал М. К. Басханов, Пржевальский ввел в практику целый ряд приемов, которые значительно расширили арсенал исследовательских инструментов участников экспедиций (создание промежуточных лагерей, радиальные экскурсии, использование фототехники и плавсредств).

В организационных вопросах избыточная принципиальность Пржевальского имела и негативное влияние: нежелание брать в поход гражданских специалистов приводила к сужению исследовательских возможностей всего предприятия, слабым было знание восточных языков, а значит и письменных источников. Впрочем, уже при П. К. Козлове организация центрально-азиатских экспедиций претерпевает новый виток эволюции. Однако сам подход «силового» изучения региона, исследований его при помощи оружия – инновация лично Пржевальского (с. 79). Нелишним будет указать на контраст с исследовательским подходом С. Ф. Ольденбурга, имевшего в своем арсенале только мирные средства (единственный револьвер в ходе экспедиции 1909–1910 годов по Восточному Туркестану был утерян или украден, а история с угрозами открыть огонь из ружья М. М. Березовского в адрес А. фон Лекока больше напугал самого Ольденбурга).

Однако планирование экспедиции осталось слабым, реальный маршрут экспедиций и самого Пржевальского и его последователей редко совпадал с запланированным (при этом одни и те же районы посещались по несколько раз), а Императорское Русское географическое общество (ИРГО) по разным причинам не отваживалось закрыть неудачные проекты и попросту отозвать экспедицию, которая не оправдывала надежд.

Принимая во внимание новизну базы источников и, соответственно, выводов, глубину их аргументации, каждый параграф введения мог бы претендовать на многократно больший объем. Для этого, однако, пришлось бы пожертвовать второй частью издания, публикацией документов.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Архивные документы, опубликованные М. К. Басхановым (281 документ), в том числе и в переводе, происходят из российских, британских, индийских архивов, фотоматериалы – из Франции. Анализировать отдельные документы в рамках краткой

статьи не имеет смысла. Они представляют собой подлинный кладезь сведений для реконструкции многих глобальных вопросов истории внешней и внутренней политики Российской империи и научного изучения Центральной Азии. Конечно, подборка не исчерпывает всего обилия материалов о жизни и деятельности Н. М. Пржевальского, однако научная общественность, несомненно, должна поблагодарить М. К. Басханова, за ту работу, которую он проделал для выявления документов и подготовки их к публикации.

Изучая издание, нельзя не отметить обстоятельство, которое характеризует в целом работы М. К. Басханова по истории востоковедения. Это исключительный иллюстративный ряд, погружающий читателя в атмосферу эпохи, дающий возможность лично взглянуть на документы, пейзажи, портреты, перенестись во времени на 150 лет назад. Следует отдельно выделить и высокое качество полиграфического исполнения и всего издания, и публикации старых фотографий (не говоря уже о новых). Весьма вероятно, что их обработка заняла немало времени. Тем не менее достигнуто исключительное качество цветопередачи. Высочайший уровень проработки материала, тщательность и основательность в подготовки книги видны и из того, что публикация каждого документа предваряется изысканным неповторяющимся орнаментом, каждый выдержан в одной стилистике. В конечном итоге вывод, который мог бы завершать не только введение, но и всю книгу, и предпослан всему изданию (с. 9) – «История русских географических экспедиций в Центральную Азию еще не написана», выглядит совершенно аргументированным. Перспективы дальнейших исследований связаны с частью работы по обобщению итогов деятельности 10 экспедиций за 40 лет. Они изложены в примечании 4 (с. 8). Несмотря на краткость изложения, очевидно, что работы для исследователей в этом направлении еще «непочатый край», и индивидуальные усилия исследователей едва ли могут принести желаемый результат.

Попытки найти и выделить какие-либо «недочеты» в работе М. К. Басханова выглядели бы странно на фоне очевидных и многочисленных достоинств его работы. Это не значит, что книга «идеальна». Таких работ не бывает. Анализ той или иной работы состоит не в том, чтобы непременно найти какое-то упущение, и не в том, чтобы непременно воспеть осанну: эти две крайности, увы, составляют основу значительной части обзоров и рецензий. Основная задача при обращении к новому исследованию состоит в определении места анализируемой работы в истории той или иной дисциплины и, по возможности, в выявлении тех ее особенностей, которые или читаются «между строк», или получили меньше внимания, чем заслуживали бы. Таким образом, могли бы быть обозначены новые пути развертывания той или иной научной темы. Следует принимать во внимание «возможности» печатного труда: уместить в него ссылки на все доступные данные потому или иному вопросу просто невозможно. По этой причине указания на те или иные источники, не задействованные (или якобы не задействованные) М. К. Басхановым, останутся вне рамок анализа его работы, а отсутствие полноценного (охватывающего русскоязычную литературу) «традиционного» историографического раздела следует объяснять ограниченным объемом книги, в которой решались в основном источниковедческие задачи, и возможностью сосредоточиться на тех аспектах истории вопроса, которые не могли быть рассмотрены в других работах. Хотя обозначить, пусть самым кратким образом, те работы на русском языке, которые составляют в настоящий момент научную основу анализа жизни и деятельности Н. М. Пржевальского, прежде всего для того, чтобы у читателя не сложилось превратного представления об исследовательской традиции, точнее, ее отсутствия, вероятно, стоило бы.

В этой связи можно выделить одно обстоятельство, рассмотрение которого вызывает некоторые вопросы. Главный из них заключается в том, каков собственно научный вклад М. Н. Пржевальского в изучение Внутренней (Центральной) Азии (вклад геополитический выявлен максимально полно и не требует дополнительных комментариев). М. К. Басханов ни в малейшей степени не пытается представить деятельность Пржевальского как лишенную научного смысла. Тем не менее в работах, критическое начало в которых доминирует, следует заранее предотвратить «сползание» читателя в ту или иную крайность, которую автор вовсе не имел в виду. В анализируемом случае, стремясь реконструировать деятельность Н. М. Пржевальского (в данном случае речь идет не только о нем самом, но и о широком круге его учеников и последователей) максимально объективно, избавить его образ от позднейших наслоений (и очень глубоких), можно невольно породить у читателя, даже хорошо подготовленного, желание перейти от объективного восприятия, от десакрализации образа, к другой крайности.

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ И НЕМЕЦКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА (К. РИТТЕР, О. ПЕШЕЛЬ, Х. ЛАССЕН)

Структура книги определила возможность присутствия в ней аналитической части, скромно названной автором «Введением». Безусловно, увеличение объема введения неизбежно превратило

бы книгу в еще более *весомый* (в прямом смысле слова) фолиант, и без того, принимая во внимание количество опубликованных в нем. Тем не менее несколько общих слов о мире идей, в которых Пржевальский мог сформироваться как мыслитель и стратег, были бы в высшей степени желательны.

Середина и вторая половина XIX века – это время бурного развития географии, появления новых ее разделов, в частности, географии политической и выделения геополитики как самостоятельной научной дисциплины. Формирование Пржевальского как ученого проходило в период, когда базовые идеи геополитики уже были обозначены в трудах ученых германской географической школы. На этом основании полезно было бы сопоставить мир политико-географических представлений Н. М. Пржевальского с теми идеями, которые развивались в рамках современной ему науки и могли быть им почерпнуты из научной литературы. М. К. Басханов совершенно прав, утверждая, что историку, который претендует на создание обобщающей картины в области изучения Центральной Азии, придется иметь дело не с историей государственных институтов, а с историей личностей и ментальностей (с. 9). В этой связи имеет смысл обратиться к истории тех идей, которые «витали в воздухе» в пору формирования Пржевальского как ученого и мыслителя. М. К. Басханов выделяет один из краеугольных камней русской имперской политики – осознание особой миссии России на Востоке, подчеркивает вклад М. Н. Карамзина в развитие этой идеологической схемы (с. 12). Тем не менее в основе агрессивного имперского мировоззрения Пржевальского (отсюда, вероятно, и та легкость, с которой он относился к убийствам представителей местного населения. М. К. Басханов показывает, что «достоверно известно о 87 убитых и раненых в трех вооруженных инцидентах» (с. 75)) лежали взгляды не только Карамзина, но и немецких географов, труды которых должны были быть настольными книгами Пржевальского в пору его ученичества.

В 1856 году в переводе на русский язык в издательстве ИРГО вышла первая часть книги К. Риттера «Землеведение» – «Общее введение и восточная окраина Азии», которую перевел и дополнил на тот момент действительный член (но еще не президент) ИРГО П. Семенов. В книге были сформулированы базовые положения геополитики о влиянии географического фактора на ход истории обществ. В частности, Риттер формулирует суть «прогресса рода человеческого», когда в нем «…найдены будут искусственные средства для побеждения препятствий и импульсов природы и освобождения рода человеческого и отечественных границ; так как уже наутика победила морские пустыни и морские разделения, сила паров совершенно изменила пространственные различия, а колонизация и плантаторство принесло дары природы и населения с одной стороны земного шара на другую» [Риттер, 1856, с. 159]. Это издание не могло пройти мимо студента Н. М. Пржевальского, а идеи Риттера о прогрессе рода человеческого вполне соответствуют дальнейшим воззрениям Пржевальского.

Сама работа Карла Риттера обозначила некоторую предопределенность, «запрограммированность» противостояния России с Китаем и Британской империей. Так, Риттер обращает особое внимание на так называемую Бухарскую низменность – территорию между Аральским и Каспийским морями, с одной стороны, Амударьей и Сырдарьей, с другой – граничащую с плоскогорьями Тибета и Ирана и составляющую «физическую переходную форму от Азии к Европе» [там же, с. 90]. Природные богатства территории возможно получить только благодаря «прилежанию образованных народов» [там же, с. 90]. Коротко очерчивая историю Центральной Азии между Тибетом и Кавказом, указывая на многочисленные миграции как растений, так и уподобленных им народов, Риттер приходит к следующему выводу: «Здесь, за Каспийским и Аральским морями, вследствие той же физической причины, т. е. строения земли, должны были остаться в конфликте политики всех больших азиатских государств, как ныне: Китайской, Русской и Индо-Британской империй, и Афганского и Персидского царства, разделенных между собой только равнодушием вероломных бухарцев…» [там же, с. 92].

Эта часть работы наполнена протогеополитическими рассуждениями о влиянии физико-географического фактора на историю народов, населявших азиатские просторы. Ссылка на постоянные столкновения за контроль над территорией между Кавказом и Тибетом выглядит у Риттера как детерминированная самой природой [там же, с. 93–97]. С полной уверенностью говорить о влиянии идей Карла Риттера на формирование политико-географических представлений Н. М. Пржевальского мы не можем, однако это влияние представляется более чем правдоподобным.

В 1870-е годы всё активнее в научный оборот входит понятие Lebensraum («жизненное пространство»). Дата его появления как политико-географической категории – вопрос спорный. Считается (по неуказанным причинам), что оно было введено в оборот в геополитическом отношении географом Ф. Ратцелем, одним из отцов геополитики [Ачкасов, Ланцов 2011, с. 38]. В научной периодике этот термин используется как минимум с середины XVIII века, но без каких-либо дополнительных смысловых оттенков, т. е. в обычном его значении – «место проживания». Так, в «Göttingische Anzeigen

von gelehrten Sachen» еще от 11 января 1757 года опубликовано стихотворение Фридриха Карла Казимира фон Крейца, в котором есть такая строка:

Wer seinen Lebensraum nur nach den Stunden misst…[1]

Немногочисленные примеры использования этого оборота следуют той же простой логике: Lebensraum означает «жилище» и ничего более. Ситуация начинает меняться после выхода в свет в 1859 году эпохальной работы Ч. Дарвина «On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life». Именно с этого момента постепенно понятие *Lebensraum* приобретает дополнительный смысл, как «место обитания (в условиях конкуренции за жизненное пространство)».

В журнале «Das Ausland: Wochenschrift für Erd- und Völkerkunde» (№ 43 за 22 октября 1870 г.), выходившем в Аугсбурге под редакцией Оскара Пешеля, была опубликована статья «Das neue geographische Jahrbuch», в которой, он же (статья не подписана) на с. 1012 пишет: «Der Anthropolog Waitz, ein äußerst sorgsamer Erforscher, war dagegen zu der Erkenntniß gelangt daß wenn auch der Einfluß des irdischen Lebensraumes auf ein bestimmtes Volk und eine bestimmte Gesellschaft nie aufhöre, seine Herrschaft doch mit dem Wachsthum der Gesittung immer schwächer werde». (*Антрополог Вайц, очень внимательный исследователь, с другой стороны, понял, что, хотя влияние земной среды обитания на определенный народ и общество никогда не прекращается, его власть ослабевает с ростом культурного развития*[2]).

В этом же журнале 4 марта 1872 года на страницах 217–221 (№ 10) вышла статья О. Пешеля «О научной ценности измерения черепов» («Ueber den wissenschaftlichen Werth der Schädelmessungen»), в которой автор дважды прибегает к этому термину, описывая образ жизни самоанцев (с. 219), а также влияние жизненного пространства на эволюцию «праформ» (с. 220).

В монографии «Völkerkunde» (1874) тот же Пешель указывал: «Zuchtwürdige Thiere und nahrungspendende Pflanzen waren also vorhanden oder konnten sich frühzeitig in China einstellen. Diess aber, sowie die oben geschilderte Begünstigung des Ackerbaues und vorhandenen Schätze an Erden sind alles was der Lebensraum zur Entfaltung der chinesischen Cultur freiwillig beigetragen hat» [Peschel, 1874, c. 397] (*Таким образом, одомашненные животные и культурные растения присутствовали или могли заранее возникнуть в Китае. Однако это, а также указанное выше развитие земледелия и наличие полезных ископаемых, – именно тот вклад, который жизненное пространство внесло в развитие китайской культуры*).

Трудно сказать, знакомился ли Пржевальский с новинками германской географической и этнографической мысли, в частности, со статьями О. Пешеля. Однако и в данном случае можно наблюдать определенное соответствие мира представлений Пржевальского тому комплексу идей о конкуренции за место под солнцем, которое развивалось в географической науке, чуть позднее получившей дополнительное обозначение политической географии и геополитики.

Заслуживает внимания и такой аспект деятельности Пржевальского, затронутый М. К. Басхановым, как сведения о тибетском золоте (в географическом смысле), которыми путешественник активно пользовался для аргументации необходимости дальнейшей поддержки его экспедиций государством. Сведения о богатстве золотом тех или иных труднодоступных регионов нередки в мировой истории. Один из классических примеров – царство Саба: царица Савская, якобы преподнесла в дар царю Соломону ароматы и золото (3я Царств. X. 2), запасов которого в Южной Аравии практически нет [Бухарин, 2009, с. 32–39]. Сведения о тибетском золоте также имеют запутанную историю.

Середина XIX столетия – время бурного прогресса индологии. Как всякая научная дисциплина в начальной фазе развития, индология на тот момент еще не претерпела разделения на более частные направления и развивалась комплексно, т. е. один и тот же специалист мог выступать экспертом практически по всем вопросам. Одним из эпохальных трудов того времени стало четырехтомное издание «Indische Altertumskunde» норвежского индолога (так и не побывавшего в Индии) Христиана Лассена. Тома «Индийских древностей» выходили в 1847, 1849, 1857 и 1861 годах, причем каждый том неоднократно переиздавался в дополненном формате. Н. М. Пржевальский не мог не знать об этих работах, не мог ими не пользоваться при подготовке к изучению Центральной (Внутренней) Азии в целом и Тибета в частности.

Так, в первом томе труда, посвященного географии региона, Лассен со ссылкой на К. Риттера пишет о Северных Гималаях: «das Land ist reich an goldhaltiger Erde» [Lassen, 1847, c. 37] (*Страна богата золотоносной землей*). Здесь же Лассен со ссылкой на французского зоолога Ф. Герара говорит и о том, что «все реки в Ладакхе богаты золотом». Чуть далее Лассен пересказывает данные местной и античной традиции о золоте, которым якобы богаты народы Северной Индии,

[1]URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/view/bsb10538802_00069_u001/8?cq=Lebensraum

[2]Здесь и далее перевод автора.

в частности, дарды [Lassen, 1847, с. 37], привлекает гидронимы Хираньяваха и Суварнабхуми для той же цели – привести дополнительные аргументы в пользу богатства золотом горной Индии [там же, с. 57–58, Amn. 3]. В целом, ссылок на богатство Индии золотом – от северных горных районов до Шри Ланки – в первом томе работы Лассена более 200, анализировать их все в заданных рамках рецензии не имеет смысла.

Несколько контрастирует с этими высказываниями, следующее заявление Лассена: «An edlen Metallen ist Indien glücklicherweise arm. Nur an Gold ist der Himalaja zum Theil reich. Es findet sich in den Strömen dieses Gebirges, doch nur weniges auf der Südseite, wie in Nepal und in dem oberen Gangeszuflusse, der Alakānandā; dagegen führen alle Flüsse Ladakhs Gold und die von Iskardo sind reich daran» [там же, с. 237–238] (*К счастью, Индия бедна благородными металлами. Только часть Гималаев богата золотом. Оно встречается в реках этого горного хребта, но только с южной стороны, как, например, в Непале и в верхнем притоке Ганга, Алакананды; с другой стороны, все реки Ладаха золотоносны, а река Искардо богата им*). Здесь же (с. 238, Anm. 2) и далее (с. 389, 437) Лассен приводит ссылки на сочинения античных авторов, упоминали богатство Индии, в частности, Северной, золотом и прочими драгоценными металлами. Анализируя далее данные античной традиции о Северной Индии, Лассен все же приходит к следующему выводу: «Der Goldreichthum, der sie berühmt machte, wird durch neuere Nachrichten hinreichend bestätigt» [там же, с. 419] (*Богатство золотом, сделавшее ее* (Индию. – *М. Б.*) *знаменитой, подтверждается новейшими сведениями*).

Лассен анализирует далее положение соседних регионов, т. е. тех, которые граничили с золотоносными регионами Индии на Гиндукуше [там же, с. 433]. Гиндукушское золото в древности, как полагает Лассен (анализ источников с сегодняшней точки зрения не выдерживает критики, но для середины XIX в. выводы «не резали глаз»), вывозилось из Индии сначала вниз по Инду, затем морем в Средиземноморье [там же, с. 539].

Далее Лассен приводит сведения (легендарные, конечно) о богатстве золотом царей «по ту сторону Гималаев в горах на востоке», причем среди составляющих богатство этих царей приводится не только золото, но и многие другие продукты (драгоценные камни, благовония и пр.). Сами названия горных цепей в интерпретации Лассена должны были указать на богатство Северных Гималаев и прилегающих регионов, например, Амударьи, золотом [Lassen, 1847, с. 554, Amn 1, 555, 583–584]. Эти данные уже практически недвусмысленно указывали на регион, соответствующий Тибету в его географических пределах. И здесь же Лассен рассуждает о вывозе всех этих богатств неарийской Индии в качестве дани в пользу индоарийских царей. Сами данные индийской мифологии и географической традиции, в частности, названия гор, приводимые Лассеном, говорят в пользу того, что «север», т. е. район Гималаев и далее в сторону Тибета, богат золотом [там же, с. 772, 814].

Пересказ сведений древних источников о серах – народе, богатом шелком и золотом, о контактах жителей Индии с серами, жившими на северо-востоке от Индии, могли окончательно убедить читателя работы Лассена в том, что этот регион действительно «Страна чудес», богатая золотом [там же, с. 848].

Конечно, предположение о том, что сведения о богатстве золотом Тибета и Внутренней Азии в целом Пржевальский мог почерпнуть в «Индийских древностях» Х. Лассена остаются лишь гипотезой, требующей документального подтверждения. Впрочем, если это и так, то Пржевальский был бы не одинок в поисках золота на просторах Центральной Азии. Так, Д. А. Клеменц, судя по его полевому дневнику, лишь недавно полностью опубликованному, определенно искал в Монголии и в Восточном Туркестане в 1899 году отнюдь не только, а, может быть, и не столько памятники буддийской живописи, сколько следы присутствия золотоносных руд [Клеменц 2018, с. 207–274].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пржевальский был героем своего времени. Причем, героем, скорее, в печоринском смысле, собранием не только достоинств, но и пороков, свойственных его собственной эпохе, – эпохе в образовании, функционировании и структуре государственного аппарата, государственной политики, внешней и внутренней, научной. В этом отношении анализируемая книга М. К. Басханова является образцовой. Это не значит, что она состоит только из достоинств в их максимально доступной форме, но и преуменьшать их вес в исследовании не следует. В качестве финального вывода важно подчеркнуть другое: работа М. К. Басханова может и должна служить одним из образцов реконструкции биографий таких масштабных личностей, какой был Н. М. Пржевальский. Глубокое знание истории центральноазиатских экспедиций и не только круга Пржевальского, владение источниками и литературой на высочайшем уровне, понимание стратегических оборонных задач, часто ввиду отсутствия соответствующего образования и опыта, недоступное для «гражданских» исследователей, сочетание глубокого личного

уважения перед свершениями Пржевальского и его учеников (в широком смысле слова) со смелостью в выявлении принципиальных моментов, определяющих оценку его деятельности (в виде отсутствия боязни «испортить» канонический образ) дали возможность М. К. Басханову создать работу, ценность которой сумеют распознать специалисты по самому широкому кругу дисциплин в сфере истории, географии, военного дела.

В очередной раз можно констатировать и еще один факт, выделяющий М. К. Басханова в ряду историков-востоковедов. Его работы, сюжетно обращенные в прошлое, в конечном итоге, адресованы (в том числе) и тем, кто принимает политические решения в день сегодняшний и завтрашний. Рецензируя одну из предыдущих его работ («История изучения восточных языков в русской императорской армии» [Бухарин, 2020, с. 1197–1198], кстати реальный уровень владения Пржевальским и его младшими коллегами восточными языками так же не вполне соответствует образу научного «светила» (с. 66–67)) нельзя было не отметить один из наиболее явных «посылов» этой книги: изучение частного вопроса (системы образования военных востоковедов) в состоянии выявить ряд особенностей функционирования государственного механизма в целом, в том числе негативных. Их своевременное устранение могло придать рассматриваемому направлению государственной политики значительно бóльшую эффективность. Книга о деятельности Н. М. Пржевальского, его учеников и последователей, в конечном итоге, нацелена на решение этой же задачи: выявление недостатков государственной политики, привлечение к ним внимания и выявление возможностей «не наступать на те же грабли». В этом заключается главный практический, прикладной характер исследований по истории науки: архивные материалы не представляют собой запыленную музейную витрину, интересную только для немногочисленных знатоков той или иной частной проблематики. История науки представляет собой ту призму, проходя через которую луч света в состоянии осветить многие проблемы, не видимые без дополнительного светового импульса – работы исследователя. Само название книги указывает на то, что в центре исследования стоит именно государственная политика, ее максимально эффективная организация, тем более по такому вопросу как стратегические инициативы во внешней и оборонной политике.

В очередной раз, обращаясь к работам М. К. Басханова, приходится констатировать прискорбный факт современной научной политики: отсутствие поддержки со стороны государства для издания таких работ нужным тиражом. Не просто достойным (тираж в 200 экземпляров вызывает недоумение), а именно нужным для охвата максимально широкой аудитории, распространения книги не среди немногочисленных случайных покупателей и ближайшего круга автора, счастливцев, которым достанутся подарочные экземпляры, а целенаправленного распространения книги среди целевой аудитории, прежде всего, среди тех, чья деятельность связана с принятием стратегически важных политических решений. «Схлопывание» аудитории не просто ведет к регрессу науки в целом, к фрагментаризации научной среды, в которой те или иные работы, принципиально важные для развития научной мысли, доступны только в узком ее фрагменте. При таком подходе научная мысль теряет свое прикладное значение, стремительно превращаясь в антиквариат.

Работа М. К. Басханова нацелена на решение деликатной, благородной с общечеловеческой точки зрения, задачи – освободить образ Н. М. Пржевальского, его учеников и последователей от позднейших наслоений, в которых они не нуждаются. Не менее важна и благородна и другая задача – продолжить наполнение этого образа реальным и, что особенно важно, актуальным для сегодняшнего дня содержанием. Обе эти задачи с блеском решены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Неожиданные воссоединения // Читать Маркса / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издат. дом «Высшей школы экономики», 2020.
2. Сумароков Л. И., Сумарокова О. Л. Евразийские хроники Н. М. Пржевальского. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2019.
3. Сластин А. В. Николай Пржевальский – военный разведчик Российской империи. М.: Родина, 2023.
4. Погодина О. К. Пржевальский. М.: Молодая Гвардия, 2023. (Жизнь замечательных людей)
5. Российские экспедиции в Центральную Азию. Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг.: сборник ст. / под ред. А. И. Андреев. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013.
6. Риттер К. Землеведение Азии. Часть I. Общее введение и восточная окраина Азии / пер. и доп. П. Семенов. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1856.

7. Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. М.: Аспент-пресс, 2011.
8. Peschel O. Völkerkunde. Leipzig: Duncker und Humboldt, 1874.
9. Бухарин М. Д. Южная Аравия, Средиземноморье и Восточная Африка: торговые и историко-культурные связи. М.: Восточная литература, 2009.
10. Lassen Chr. Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographie und die ältere Geschichte. Bonn: H. B. Koenig, 1847.
11. Клеменц Д. А. Путевой дневник // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX вв. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Киргизской Республики). М.: Памятники исторической мысли, 2018. С. 207–274.
12. Бухарин М. Д. Военные востоковедные школы в контексте внешней и военной политики российского государства в конце XIX – начале XX века. Рец на: М. К. Басханов. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-история, 2018 // Ориенталистика. 2020. № 4. С. 1189–1200.

REFERENCES

1. Zhizhek, S., Ruda, F., Hamza, A. (2020). Neozhidannye vossoedineniya = Unexpected reunions. Chitat' Marksa / transl. D. Kralechkin. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 7–25. (In Russa)
2. Sumarokov, L. I., Sumarokova, O. L. (2019). Evrazijskie hroniki N. M. Przheval'skogo = Eurasian chronicles of N. M. Przhevalsky. Bishkek: Kyrgyzsko-Rossijskij Slavyanskij universitet.
3. Slastin, A. V. (2023) Nikolaj Przheval'skij – voennyj razvedchik Rossijskoj imperii = Nikolai Przhevalsky – military intelligence officer of the Russian Empire. Moscow: Rodina.
4. Pogodina, O. K. (2023). Przheval'skij. Moscow: Molodaya Gvardiya.
5. Andreev, A. I. (ed.) (2013). Rossijskie ekspedicii v Central'nuyu Aziyu. Organizaciya, polevye issledovaniya, kollekcii. 1870–1920-e gg. Sbornik statej = Russian expeditions to Central Asia. (2013). Organization, field research, collections. 1870–1920. Collection of Articles. Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya.
6. Ritter, K. (1856). Zemlevedenie Azii. Chast' I. Obshchee vvedenie i vostochnaya okraina Azii = Asian Land Science. Part I. General introduction and eastern margin of Asia / transl. and enlarged by P. Semenov. Sankt-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk.
7. Achkasov, V. A., Lancov, S. A. (2011). Mirovaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Politics and International Relations. Moscow: Aspent-press, 2011.
8. Peschel, O. (1874). Völkerkunde. Leipzig: Duncker und Humboldt.
9. Bukharin, M. D. (2009). Yuzhnaya Araviya, Sredizemnomor'e i Vostochnaya Afrika: torgovye i istoriko-kul'turnye svyazi = South Arabia, the Mediterranean and East Africa: Trade and Historical-Cultural Ties. Moscow: Vostochnaya literatura.
10. Lassen, Chr. (1847). Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographie und die ältere Geschichte. Bonn: H. B. Koenig.
11. Klemenz, D. A. (2018). Putevoj dnevnik = Travel Diary / ed. M. D. Bukharin, N. V. Inkina. Vostochnyj Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v konce XIX – pervoj treti XX vv. Vol. 2: Geograficheskie, arheologicheskie i istoricheskie issledovaniya (Arhivy Rossijskoj akademii nauk i Nacional'noj akademii nauk Kyrgyzskoj respubliki) = East Turkestan and Mongolia. History of study in the late XIX – first third of the XX centuries (vol. 2: Geographical, archaeological and historical research. Archives of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, pp. 207–274). Moscow: Pamyatniki istoricheskoj mysli.
12. Bukharin, M. D. (2020). Voennye vostokovednye shkoly v kontekste vneshnej i voennoj politiki rossijskogo gosudarstva v konce XIX – nachale XX veka. Rets na: M. K. Baskhanov. Istoriya izucheniya vostochnyh yazykov v russkoj imperatorskoj armii = Military Orientalist Schools in the Context of the Foreign and Military Policy of the Russian state in the late XIX – early XX centuries. Rec on M. K. Baskhanov History of the study of oriental languages in the Russian imperial army. Sankt-Petersburg: Nestor-istoriya, 2018. Orientalistika, 4, 1189–1200.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бухарин Михаил Дмитриевич

академик Российской академии наук, доктор исторических наук
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории Российской академии наук
профессор факультета политологии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bukharin Mikhail Dmitrievich

Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History (Dr. habil), Professor
Chief Researcher
Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
Professor, Department of Political Science
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	15.01.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 94 (970)

Молодежные жилые комплексы в СССР в 1970–1980-е годы как один из путей решения жилищной проблемы молодых семей

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается решение проблемы недостатка жилья появлением движения молодежных жилых комплексов в 1970–1980-е годы. В этом движении были задействованы частная инициатива трудящихся и экономические возможности предприятий, на которых они работали. Анализируется специфика молодежных жилых комплексов, которая способствовала концентрации на одной территории населения одной возрастной группы, а также основные принципы организации, противоречия в их деятельности.

Ключевые слова: молодежный жилой комплекс, коллективистский быт, социальная сфера жилого района, социальная активность

Для цитирования: Горлов В. Н. Молодежные жилые комплексы в СССР в 1970–1980-е годы как один из путей решения жилищной проблемы молодых семей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 66–73.

Original article

Youth Residential Complexes in the USSR In The 1970–1980s as One of the Ways to Solution the Housing Problem of Young Families

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. The article considers the solution to the problem of housing shortage by the emergence of the movement of youth housing complexes in the 1970–1980s. This movement involved the private initiative of the workers and the economic opportunities of the enterprises where they worked. The article analyzes the specifics of youth housing complexes, which contributed to the concentration of the population of one age group on one territory, as well as the basic principles of organization, contradictions in their activities.

Keywords: youth residential complex, collectivist life, social sphere of a residential area, social activity

For citation: Gorlov, V. N. (2024). Youth Residential Complexes in the USSR in the 1970–1980s. as one of the Ways to Solution the Housing Problem of Young Families. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sceinces, 1(854), 66–73.

ВВЕДЕНИЕ

К началу 1970-х годов в СССР всё больше обострялась проблема недостатка жилья для молодых семей. В этот период возникло движение по строительству молодежных жилых комплексов (*далее* МЖК). Это была комсомольская программа для улучшения жилищных и культурно-бытовых условий молодых семей. Строителями комплексов становились, в первую очередь, те молодые граждане, которые не хотели годами ждать очереди на получение отдельной квартиры, и тем более те, кто не имел никакой возможности получить квартиру от государства или своего предприятия. Одной из причин образования МЖК были бытовые перегрузки молодых семей.

Многие молодые семьи продолжительное время ютились в студенческих общежитиях или в общежитиях рабочей молодежи, арендовали жилье или проживали в тесноте в квартире вместе с родителями. Такие семьи с радостью поддержали идею МЖК, потому что перспектива самостоятельно справиться с решением жилищных проблем для многих молодых семей была единственной возможностью улучшить жилищное положение. Необходимость решения проблемы жилья была не только у государства, поэтому движение МЖК получило популярность и большое распространение.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ МЖК

Одним из путей решения проблемы недостатка жилья становится движение МЖК, в котором были задействованы частная инициатива трудящихся совместно с экономическими возможностями предприятий, на которых они работали. Молодые люди сами строили жилье и объекты культурно-бытового назначения. Этот эксперимент отражал потребность советских граждан в собственном жилье и в нем по-другому осуществлялось расселение семей.

Вдохновляющим примером развития этого движения стал успешный эксперимент в г. Калининград Московской области. Молодые ученые будущего наукограда вместе с рабочей молодежью решили построить жилищный комплекс с помещениями для коллективистского быта. Их не устраивали условия перенаселенных общежитий и коммуналок. Строительный отряд молодых энтузиастов стал инициатором создания первого в СССР МЖК, который строился пять лет и был завершен в 1976 году. Власти города поддержали не только строительство жилых корпусов, но и социальные проекты. В трех корпусах комплекса были предусмотрены помещения общественного обслуживания: для продленного дня школьников, ясли, детский сад, спортивные залы, библиотека и т. п. [Биргер, 1984]. Социальная активность жителей МЖК проявлялась в совместном осваивании территорий вокруг комплекса. Такая деятельность отвечала интересам городских властей, так как способствовала повышению сознательности граждан и сокращению числа правонарушений.

Калининградский МЖК в 1976 году наградили «Премией Ленинского комсомола». Более того, этим экспериментом заинтересовались в ЦК КПСС, где по теме МЖК специально было проведено совещание. Эксперимент молодых калининградцев стал пропагандироваться в печати. В Калининград приезжали делегации из других советских городов для изучения опыта МЖК. Ученые Уральского научного центра и Уральского политехнического института после командировки в Калининград в 1980 году организовали первый МЖК в Свердловске. Достижения первых МЖК были одобрены на XIX съезде ВЛКСМ в 1982 году. Социальный эксперимент был поддержан на самом верху – в Политбюро ЦК КПСС.

Пример калининградского МЖК вдохновил молодежь и других советских городов тем более, что советское правительство с готовностью поддержало данное социальное движение. Когда председателя МЖК «Измайлово» С. И. Коротоножкина спросили о причинах организации их комплекса, он, не задумываясь, объяснил: «Перспектив получить в ближайшие годы жилья не было. Люди стояли в очереди более десяти лет. Тогда мне помог МЖК. Вместе с ребятами, у которых были те же трудности, стали строить жилье»[1]. Благодаря строительству МЖК, за очень короткий срок в течение 1980-х годов жилищное положение улучшили четыре млн человек[2]. Такое внимательное отношение к социально-экономическому эксперименту способствовало широкому распространению идей МЖК в начале 1980-х годов. Успешным опытом Калининградского и Свердловского МЖК заинтересовались во многих городах СССР – Ленинграде, Новосибирске, Архангельске, Томске, где были созданы оргкомитеты МЖК.

Следует отметить, что специфического архитектурного воплощения данное движение не получило. Архитекторы ЦНИИЭП жилища планировали создать индивидуальные архитектурно-планировочные решения для московских МЖК. Однако вышестоящие организации такой инициативы не поддержали в силу того, что московские предприятия стройиндустрии не были способны предоставить

[1]Коротоножкин С. И. В доме на Преображенке будут жить участники программы // Квартирный ряд, 2021, 11 апр. С. 2.

[2]Воронин А. И. Комплексно планировать, проектировать, строить // Московская правда. 19.02.2004, С. 3.

первому московскому МЖК в 70-м квартале Хорошево-Мневников индивидуальные детали и материалы. 17 жилых корпусов первого московского МЖК стали возводиться по типовым проектам. В МЖК вошли школа, детсад, ясли, спортклуб, клуб по интересам и т. д. Координацию по организации московских МЖК осуществлял МГК ВЛКСМ, который также организовывал формирование строительных отрядов. В последующие годы в Москве построили МЖК «Измайлово», «Якиманка», «Сабурово» [Ольхова, Глятман, 1987].

КОНЦЕПЦИИ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА БЫТА»

В СССР стремились на разных этапах развития советского общества создать жилые дома, приспособленные для общения людей между собой. Стремление советских граждан к созданию коллективов, группируемых по месту жительства, во многом стимулировало развитие МЖК. Следует отметить, что идеи коллективизации быта, принципы самоуправления, комплексного строительства не были новыми в советском государстве. Некоторые концепции МЖК сходны с концепциями «коммунистического переустройства быта» 1920-х годов и Домом нового быта (*далее* ДНБ) советского архитектора Н. Остермана, построенного в 1966–1971 годах с его идеей развивать навыки коллективизма.

В домах-коммунах пытались создать коллективных быт, механически объединяя большое количество разнородных граждан в одном жилом доме. В ДНБ рассчитывали, что коллективный опыт решения проблемы жилья установится в силу того, что жители объединятся общей системой обобществленного обслуживания, в первую очередь, общими столовыми. Главное место в ДНБ выделили корпусу обслуживания, разместив в нем столовую и кухню. В ДНБ было достаточно помещений для творчества как детей, так и взрослых (детские игровые, помещения для самодеятельности, творческих кружков, спортзалы и т. п.). С другой стороны, в самих квартирах кухонь не было, а были лишь ниши. Вопреки ожиданиям «семьи, которым предлагалось поселиться в этом доме, отказывались въезжать в него». Проводя анализ этого явления, социолог А. Кирюшин вынужден был отметить, что в ДНБ сработал синдром, связанный с опытом жизни граждан в коммунальных квартирах, боязнь повторения нравов коммунальной кухни. Следует отметить, что опасения новоселов были обоснованны, учитывая, что молодые семьи в своих квартирах не имели ни кухни, ни даже плиты. Все эти удобства были общими[1]. Хотя Дом нового быта и МЖК имели немало общего и, в первую очередь, общественное обслуживание, эксперимент с ДНБ не удался.

Идеи МЖК отличались как от домов-коммун 1920-х годов, так и от идей ДНБ. МЖК создавался гражданами, работающими на одном предприятии, принадлежащем одному трудовому коллективу.. Напротив, и дома-коммуны, и ДНБ были построены советским государством. Поэтому не было проблем с передачей ДНБ на баланс совершенно другой организации – Московского государственного университета. ДНБ стал общежитием стажеров и аспирантов МГУ. С МЖК такое действие совершить было бы нельзя.

Проект МЖК имел общие черты с предшествующими проектами. Идея МЖК была вызвана жилищной проблемой для молодых советских семей, отвечала реалиям времени. Каждая концепция отвечала своему времени, своей исторической эпохе. Во времена домов-коммун 1920-х годов властвовала идея форсированного развития социализма. В хрущевский период, когда господствовала идея развернутого строительства коммунизма в СССР, возникла концепция ДНБ. МЖК создавались в начале 1980-х годов, когда главенствовала идея «развитого социализма». Идеи каждой эпохи не могли не влиять на данные социальные проекты, в первую очередь, на объяснение и доказательство целей конкретного эксперимента, а также методов достижения этих целей.

В разные эпохи целью этих проектов было образовать по месту жительства коллектив «друзей-единомышленников, добрых соседей». Авторы идеи МЖК мечтали о создании по месту жительства «новой общности с качественно новой структурой отношений, уровнем бытия, соответствующим… представлениям о продвижении социалистического общества по пути к коммунизму» [Карелова, Аулов, 1987, с. 29–33].

Проанализируем модели общественного самоуправления МЖК, ДНБ и домов-коммун. В «Типовом положении о доме-коммуне» устанавливалось, что высшим органом самоуправления является общее собрание членов дома-коммуны и руководящий Совет [Хазанова, 1980]. Программа самоуправления ДНБ предполагала, что «в период между конференциями членов Союза руководство осуществляет Совет Дома нового быта, исполнительный и контрольный комитет» [Остерман, Петрушкова, 1965, с. 32]. Устав МЖК предполагает, что управление совершает Совет МЖК, который избирается членами Советов корпусов. Совет корпуса осуществляет самоуправление, а в подъезде корпуса – актив подъезда. Согласно Уставу МЖК и Положению о МЖК основной задачей Совета МЖК, который был органом совещательно-законодательного характера, стала координация

[1]Архитектура Москвы на новом этапе // Советская Россия. 15.03.1985.

деятельности на территории комплекса [Положение о молодежном жилом комплексе, 1986, с. 63–67].

Каждый эксперимент, с помощью которого решалась социальная задача, предполагал создание новых архитектурных форм. Дома-коммуны 1920–1930-х годов попытались средствами архитектуры полностью обобществить быт, досуг и воспитание проживающих с целью развития личности коллективиста, новых коммунистических форм общения. В ДНБ общественные формы быта сочетались с индивидуальными. В МЖК задачей этого эксперимента было создание единого коллектива по месту жительства. Конкретные социальнодемографические группы, коллективы трудящихся со своими интересами осуществляли в МЖК преобразовательскую деятельность.

Дома-коммуны 1920–1930 годов в отличие от других советских экспериментов не подразумевали отбор жильцов. Автор проекта Н. Остерман предполагал осуществлять отбор кандидатов для заселения в ДНБ. В МЖК отбор кандидатов постепенно становился всё более строгим. Теперь уже было недостаточно стремления стать членом строительного отряда МЖК. Надо было участвовать в социалистическом соревновании, пройти предварительный отбор, чтобы стать будущим жителем МЖК. Принцип отбора через соцсоревнование становится ведущим в данном эксперименте. Эксперимент с МЖК стал значительным градостроительным явлением 1980-х годов. Приблизительно такая же ситуация складывалась в 1920-х годах, когда стали образовываться в СССР дома-коммуны.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ МЖК

Стимулом к организации МЖК по всему Советскому Союзу явилось известное постановление № 628 Совмина СССР от 5 июля 1985 г. «О дополнительных мерах по строительству молодежных жилых комплексов и кооперативных жилых домов для молодежи»[1]. Только в одном 1985 году более тридцати советских городов приступили к организации МЖК. В столице в 1985 году принимают решение об образовании в Москве пятидесяти МЖК. Исполком Моссовета в сентябре 1985 года постановил, что с 1986 года в каждом административном районе Москвы и в Зеленограде следовало приступить к образованию МЖК [В повестке дня – МЖК, 1986].

В данном эксперименте не всегда мощность стройиндустрии, возможности финансирования, кадровая поддержка соответствовали фактическим условиям развития МЖК. Повсеместному развитию МЖК препятствовали нерешенные юридические, организационные, финансовые вопросы. И это было не удивительно, так как эксперимент был достаточно специфичным: желающие приобрести жилье были непосредственными участниками и проектирования, и строительства этого жилья. Возраст участников строительства МЖК в первоначальный период не должен был превышать 33 лет. Только в 1985 году отменили возрастное ограничение для кандидатов, вступающих в МЖК [Приходько, Силантьев, 1988].

На XIX партийной конференции КПСС было указано, что ситуация в жилищном строительстве меняется к лучшему несмотря на то, что проблема получения жилья остается очень острой[2]. МЖК становятся с середины 1980-х годов очень популярным местом проживания, постепенно распространяясь по всем регионам страны. Через четыре года в СССР функционировали уже более 700 МЖК, в сферу деятельности которых вошли спортивные объекты, детские учреждения, базы отдыха и т. п., строившиеся по самостоятельным проектам. В столице за несколько лет возвели более 1 млн кв м^2 жилья в МЖК[3].

Отличительной чертой МЖК было финансирование их строительства предприятиями-«дольщиками», которые были заинтересованы в разрешении бытовых проблем своих сотрудников, так как это способствовало снижению текучести кадров. Экономический потенциал предприятий-«дольщиков» был различным. Поэтому и численность населения комплексов была неодинаковой. Наилучшим вариантом было формирование МЖК на основе одного предприятия-«дольщика», при котором появлялась возможность создания территориально-производственной общности, взаимосвязанной как административно, так и экономически, когда «коллектив сам определял, на каких направлениях хозяйственной деятельности ему работать» [Молодежный жилой комплекс: опыт, проблемы, перспективы, 1987, с. 24].

Пройти отбор в МЖК было не так просто. Необходимо было заработать баллы для того, чтобы стать членом строительного отряда МЖК. Поэтому они активно участвовали в соцсоревновании, трудились в свободное от основной работы время на стройках города. Проблем с мотивацией всеобщей социальной активности участников эксперимента у таких предприятий не было. Среди счастливчиков, в первую очередь, оказывались победители соцсоревнований, рационализаторы и т. п.

Специфический состав жителей МЖК с его до некоторой степени однородной социально-демографической группой населения был характерной

[1]Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1988. Т. 16. Ч. I. С. 93–94.

[2]Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28.06–1.07.1988 г. С. 78.

[3]Строим МЖК // Комсомольская правда. 01.08.1989. С. 2.

его особенностью, что в значительной мере отличало его от простого микрорайона города. Цель МЖК как социального проекта состояла в организации молодежного жилого комплекса, в котором преобладала нуклеарная молодая семья. Такая семья предполагает довольно высокую трудовую занятость молодых родителей и отсутствие пожилых людей. В этом как раз и состояла специфика МЖК. Они способствовали концентрации на одной территории и в данный период времени населения одной возрастной группы с детьми тоже приблизительно одного возраста. Таким образом, в МЖК образовывалась своеобразная социально-демографическая структура населения.

Те МЖК, которые учитывали демографическое развитие населения и создавали условия для проживания подрастающего поколения, имели уровень деторождения существенно выше, нежели в простых микрорайонах. Однако были МЖК, жилой фонд которых был представлен одно- или двухкомнатными квартирами, т. е. не учитывалась рождаемость детей, что неизбежно привело в будущем к перенаселению квартир комплексов и к увеличению миграции жителей комплексов с разменом квартир в другие районы городов.

При заселении корпусов МЖК соблюдался поотрядный принцип: в подъезд корпуса заселялись члены одного стройотряда. Таким образом, в отличие от простых новостроек, в МЖК соседи были хорошо знакомы до новоселья, работая довольно длительное время в одном строительном отряде.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЕДИНСТВА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

МЖК стали градостроительными объектами многофункционального назначения. В главном документе по образованию МЖК («Положение о МЖК») подчеркивалось, что «основной задачей коллектива является повышение трудовой и общественной активности молодежи, проведение широкого круга мероприятий по усилению политико-воспитательной, культурно-массовой и спортивно-оздоровительной работы по месту жительства» [Бабкин, Приходько, Силантьев, 1990, с. 19]. Таким образом, комплекс должен был функционировать за счет непосредственного участия в коллективной деятельности его жителей. Так, задачу сохранности жилого фонда МЖК решало жилищно-эксплуатационное управление МЖК. Работниками таких управлений служб МЖК были непосредственно жители МЖК. В этом была специфика служб социального обеспечения комплексов. Вопросами строительства детских площадок, мест отдыха, спортивных площадок, а также вопросами озеленения стали заниматься сами жители МЖК, которые входили в общественные комиссии по благоустройству территории.

По замыслу авторов данного эксперимента, молодые семьи помимо решения жилищного вопроса будут удовлетворять свои потребности и в строительстве объектов общественного пользования. Коллективная совместная деятельность при строительстве жилья должна была создать предпосылки для такой же коллективной деятельности и в процессе жизнедеятельности МЖК. У коллектива единомышленников должен быть и общий интерес в создании социально-культурных объектов (в первую очередь, объектов детского и взрослого досугов) на территории комплекса. Построив комплекс, его жители, как считали организаторы МЖК, должны сформировать неотчуждаемое отношение и к территории, принадлежащей МЖК, сформировать коллективный субъект управления своей территорией, на которой помимо строительства объектов соцкультбыта должна была осуществляться организационная работа с участием жителей МЖК. Таким образом, на территории должна была сформироваться благоустроенная социально-пространственная среда. В МЖК должны были создаваться «жилища квартирного типа с центрами общения» и формировании на базе стандартных жилых домов «нестандартной жилой среды» [Карелова, Аулов, 1987, с. 7].

Для достижения главной цели эксперимента – создания коллектива по месту жительства – требовалось, чтобы принцип коллективизма действовал во всех областях деятельности жителя МЖК, чтобы было «участие в нем каждого, другими словами этот успех всецело зависит от готовности субъекта действия» [Молодежный жилой комплекс … 1987, с. 57]. Снижение социальной активности участников эксперимента становилось головной болью руководства МЖК. Как только цель была достигнута и счастливый строитель МЖК получал ключи от квартиры, мотивация к активной общественной работе часто пропадала. Молодые семьи пытались переориентировать активную общественную позицию на решение своих семейных проблем.

Строились и такие МЖК, в которых не планировалось строительство объектов общественного пользования, которые ориентировались исключительно на строительство жилых домов. Обычно данные факты объясняли отсутствием финансовых и материальных ресурсов. Соответственно, жильцы МЖК лишались таких форм жизни и деятельности, как организация досуга, коммунально-бытовая, спортивно-оздоровительная, социально-педагогическая.

Нередко возникавшие трудности приводили к тому, что первоначальный коллектив единомышленников спустя несколько лет рушился, перестав

существовать как единое целое. Ориентация многих комплексов на строительство исключительно жилых объектов и строительство объектов общественного пользования в очень ограниченном объеме неизбежно вела к индивидуализации досуга и ограничивала развитие различных форм общения среди их жителей.

Таким образом, возникала весьма противоречивая ситуация. Одной из главных целей образования МЖК было создание социально-активного творческого коллектива. На практике часто имела место обратная тенденция. Доля общественно активных жителей комплекса всё время понижалась. Коллектив в МЖК складывался в процессе работы будущих жильцов на стройке комплекса. С получением заветных квартир в построенных МЖК коллектив постепенно рассеивался. Коллективизм должен был проявляться в участии каждого жителя комплекса в общественной жизни МЖК. Однако создать коллектив по месту жительства, что было главной целью инициаторов создания МЖК, часто не удавалось.

Другой проблемой для инициаторов этого эксперимента стало изменение возраста жителей комплекса, что вызывало определенные сложности. С началом строительства МЖК большинству будущих его жителей было меньше тридцати лет. Однако неизбежно происходили определенные демографические процессы. Необходимо было учитывать, что участникам данного эксперимента в дальнейшем исполнится 50 и более лет. В связи с этим неизбежно возникнут проблемы пожилого возраста. Также необходимо было учитывать, что состав комплекса не может постоянно быть однородным. Дети жителей МЖК взрослели, семьи могли соединиться со своими родителями, жильцы МЖК разводились и заводили новые семьи. Поэтому неизбежно происходили жилищные обмены, а значит разрушался однородный состав жителей комплекса. Объективность данного явления не подлежала сомнению. Микрорайон МЖК со временем становился обыкновенным микрорайоном города с привычной структурой его жителей. Организаторы эксперимента столкнулись с трудновыполнимыми проблемами, а имено: с возрастом жителей МЖК и с сохранения единства территориальной общности, которая предполагала преемственность сложившихся традиций жизни МЖК.

ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЖК

Следует остановиться на противоречиях в деятельности МЖК. В первую очередь это касается ведомственной несогласованности объектов МЖК. Главным показателем работы ведомства было выполнение производственного плана. Для того чтобы как можно меньше нести расходов на социальную сферу, которые снижали выполнение производственного плана, предприятия ведомственной подчиненности старались возложить-создание социальной инфраструктуры на территориальные органы. Деятельность МЖК еще раз доказала, что экономика и социальная сфера на конкретной территории должны тесно взаимодействовать, что социальные вопросы не должны откладываться на неопределенный срок.

Другой проблемой МЖК становилась специализация молодых участников строительства МЖК по строительной специальности. Часто специалисты с высшим образованием направлялись обучаться строительным специальностям с отрывом от основного производства, работали в течение нескольких лет на стройках в качестве рабочих, теряя свое профессиональное мастерство, занимаясь малоквалифицированным трудом. Большинство участников строительства своего жилья в МЖК депрофессионализировалось по основному месту работы. Но в структуре ценностей получение отдельной квартиры для молодой семьи было приоритетным и перекрывало все лишения и невзгоды. Например, в МЖК «Сретенка» в 1988 году молодые рабочие получали копеечную зарплату за свою очень тяжелую работу. Несмотря на это, со стройки МЖК не только никто не ушел, но даже жалоб не было, так как решение жилищной проблемы никто не хотел откладывать [Левинтов, 2000]. Для молодежи появился шанс отойти от постоянной надежды на помощь государства в улучшении жилищных условий и самим решать свои проблемы в жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Строительство МЖК позволило молодежи планировать увеличение семьи. Возможность собственными силами улучшить свои жилищные условия интенсифицировала воспроизводственную активность молодых семей. Это был один из важнейших позитивных факторов в деятельности МЖК. Так как, в основном, молодые семьи способствовали воспроизводству населения, то появилась возможность координировать демографическую политику государства с политикой предоставления жилья молодым семьям. Понятно, что семьи, получившие квартиру в возрасте 40 и более лет, в вопросе деторождения особую активность не проявляли.

В МЖК жители знали друг друга еще до новоселья, так как работали в одном отряде и на одном предприятии. К тому же их дети ходили в школу или детский сад, которые находились на территории МЖК. Означенные факторы определяли различие коммуникативной ситуации в МЖК и в других микрорайонах. Постепенно после заселения

МЖК в них распространялась межсемейная соседская взаимопомощь. Соседи помогали друг другу в оборудовании балконов, установке телевизионных антенн, в бытовом обслуживании жителей комплекса и т. п.

Особенная коммуникационная ситуация в МЖК создавала условия для распространения на их территории специфической зоны социального контроля. В результате на территории МЖК был до крайности низкий уровень правонарушений да и процент разводов в семьях был ниже среднего.

Специфику молодежных жилых комплексов составляли особый принцип заселения в комплексы, совместное участие в строительстве своего комплекса, формирование инфраструктуры МЖК. Отличительная черта МЖК состояла в социальной основе их образования. В отличие от обычного жилищного строительства, сами жильцы комплекса участвовали как в процессе проектирования, так и в строительстве и эксплуатации МЖК, который образовывался для конкретных (а не анонимных) жителей. Это выражалось не только в инициативе «снизу» самих жителей МЖК, но и в принципах самоуправления коллективом, который создавался по ходу формирования и строительства комплекса. Власти стимулировали молодежь к общественной деятельности, к коллективному труду по месту жительства. Создавалась социально активная форма деятельности молодых граждан, что устраивало власть. Движение МЖК решало проблемы демографического и социокультурного развития молодежи, проблемы управления жилой средой и т. д. Такие отличительные черты МЖК не могли быть распространены на другие микрорайоны.

Довольное быстрое предоставление благоустроенного жилья наиболее энергичной и здоровой группе населения (25–30 лет) содействовало сокращению текучести кадров на предприятиях, укреплению семей. Ряд показателей и норм МЖК (ограниченное население с заранее известным составом, наличие организационной структуры, первичное культурно-бытовое обслуживание) могли стать своеобразной моделью новых жилых районов советских городов. По сравнению с простыми микрорайонами, в МЖК практически все жители имели квартиры улучшенной планировки, т. е. имели благоустроенные жилищно-бытовые условия. Были образцово-показательные комплексы (особенно следует отметить МЖК «Сабурово» в Москве), где были воплощены самые новые социальные программы.

Эксперимент с МЖК стал в 1970–1980-е годы в СССР значительным явлением не только в жилищной политике, но и в социальной жизни городов. В МЖК создавалась специфическая социокультурная общность по месту жительства с благоустроенными условиями жизни и соседской взаимопомощью. Всё перечисленное и было главным показателем и достижением этого социального эксперимента. МЖК можно считать довольно успешным опытом разрешения острых проблем противоречий городского образа жизни в СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Биргер А. П. Экспериментальное строительство в Москве // Архитектура СССР. 1984. № 11–12. С. 63.
2. Ольхова А. П., Глятман Я. Н. Молодежные жилые комплексы в Москве // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 2. С. 6.
3. Карелова Г. Н., Аулов А. П. МЖК – социальное творчество молодых. М.: Молодая гвардия, 1987.
4. Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980.
5. Остерман Н., Петрушкова А. Жилой дом-комплекс с общественным обслуживанием // Архитектура СССР. 1965. № 7. С. 32.
6. Положение о молодежном жилом комплексе // Молодой коммунист. 1986. № С. 63–67.
7. В повестке дня – МЖК // Строительство и архитектура Москвы. 1986. № 3. С. 12.
8. Приходько И. А., Силантьев А. Н. Молодежные жилые комплексы. Правовые вопросы. М.: Юридическая литература, 1988.
9. Бабкин С. К., Приходько И. А., Силантьев А. Н. Организатору МЖК: Новое в законодательстве. М.: Молодая Гвардия, 1990.
10. Левинтов А. Из Америки о России. М.: Полиграфикс, 2000.
11. Молодежный жилой комплекс: опыт, проблемы, перспективы / состав. Г. Н. Карелова. М.: Молодая гвардия, 1987.

REFERENCES

1. Birger, A. P. (1984). Experimental construction in Moscow. Architecture of the USSR, 11–12, 63. (In Russ.)

2. Olkhova, A. P. Glyatman, Y. N. (1987). Youth residential complexes in Moscow. Architecture and construction of Moscow, No. 2, 6. (In Russ.)
3. Karelova, G. N., Aulov, A. P. (1987). MZHK – social'noe tvorchestvo molodyh = YRC – social creativity of young people. Moscow. (In Russ.)
4. Hazanova, V. E. (1980). Sovetskaya arhitektura pervoj pyatiletki. Problemy goroda budushchego = Soviet architecture of the first five-year plan. Problems of the city of the future. Moscow, Nauka (In Russ.)
5. Osterman, N., Petrushkova, A. (1965). Residential building complex with public services. Architecture of the USSR, 7, 32. (In Russ.)
6. Regulations on the youth residential complex. (1986). Young Communist, 4, 63–67. (In Russ.)
7. On the agenda is MZhK (1986). Construction and architecture of Moscow, 3, 12. (In Russ.)
8. Prikhodko, I. A., Silantyev, A. N. (1988). Molodezhnye zhilye kompleksy. Pravovye voprosy = Youth residential complexes. Legal issues. Moscow, Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
9. Babkin, S. K., Prikhodko, I. A., Silantyev, A. N. (1990). Organizatoru MZHK: Novoe v zakonodatel'stve = To the organizer of the IWC: New in legislation. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
10. Levintov, A. (2000). Iz Ameriki o Rossii = From America about Russia. Moscow: Poligrafiks. (In Russ.)
11. Karelova G. N. (Comp.). (1987). Molodezhnyj zhiloj kompleks: opyt, problemy, perspektivy = Youth residential complex: experience, problems, prospects. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies
of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.10.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Реализация Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза в 2021–2022 годах: первые политические шаги и результаты

Р. В. Китаев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
romankita43@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается вопрос практической реализации положений Стратегии Европейского союза по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе в период 2021–2022 годов. Анализируются события внешней политики ЕС в Азии в период 2021–2022 годов, с учетом особенностей конкретно-исторического метода. Анализ выстроен на основе стратегических документов Евросоюза, заявлений официальных лиц ЕС, данных профильных структур Европейской комиссии, работ отечественных и европейских политологов.

Ключевые слова: Европейский союз, Индо-Тихоокеанская стратегия, реализация, стратегические документы

Для цитирования: Реализация Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза в 2021–2022 годах: первые политические шаги и результаты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 74–80.

Original article

The Implementation the EU Indo-Pacific Strategy at 2021–2022: the First Political Steps and Results

Roman V. Kitaev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
romankita43@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the matter of implementation of the EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific within the timeframe of 2021–2022.The article is founded upon the analysis of the EU foreign policy in Asia within the timeframe of 2021–2022. The framework of the analysis is based on strategic documents of the European Union, official statements as well as analytic studies of Russian and European political scientists.

Keywords: European Union, Indo–Pacific Strategy, implementation, strategic documents

For citation: Kitaev, R. V. (2024). The implementation the EU Indo-Pacific strategy at 2021–2022. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 74–80.

ВВЕДЕНИЕ

Вступление в силу Стратегии Европейского союза по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) от 16 сентября 2021 года окончательно закрепило индо-тихоокеанскую парадигму в качестве основы европейской внешней политики в Азии. Данное событие не только обозначило принятие нарастающей популярности идеи ИТР в западном политическом дискурсе, но также стало очередным подтверждением критической важности отношений с Азией для позиционирования ЕС как полноценного актора мировой политики. Этот вызов был обозначен еще в ходе первичной выработки Брюсселем комплексной стратегии отношений с Азией[1]. Индо-Тихоокеанская стратегия ЕС была также призвана укрепить самостоятельность ЕС в рамках идеи так называемой стратегической автономии, понимаемой как возможность отстаивания союзом собственных интересов в различных областях без встраивания в орбиту США или Китая[2] [Bermann, 2021].

С началом Специальной военной операции на Украине внимание к индо-тихоокеанской политике Брюсселя снизилось, в том числе и внутри самого союза. Этому способствовал как пересмотр приоритетов из-за ухудшения отношений с Россией, так и усугубившаяся экономическая ситуация внутри ЕС. Вместе с тем европейские политики начали работу по достижению основных приоритетов Стратегии. Исследование их действий приобретает актуальность в условиях нарастающей напряженности в американо-китайских отношениях и все более очевидных рисков эскалации конфликта вокруг Тайваня. Развитие политики ЕС в ИТР также представляет интерес для отечественной науки, исходя из интересов России в Азии как динамично развивающегося региона с нарастающим конфликтогенным потенциалом.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЕС 2021 ГОДА – ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Индо-Тихоокеанская стратегия ЕС являлась плодом оживленных дискуссий, исходящих из различных взглядов на суть ИТР как концепции регионального развития Азии. Страны – участницы ЕС различались не только в позициях относительно географических рамок Индо-Пацифики, но и во взглядах по вопросам приоритетных направлений политики союза и выбора основных партнеров в регионе и степени скоординированности усилий европейских элит[3]. Результаты этих дискуссий, отраженные в действующей стратегии, вкратце можно обозначить следующим образом:

1) уточнены географические рамки Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС – от восточного побережья Африки до Тихоокеанских островов;

2) обозначены основные партнеры ЕС в рамках Индо-Пацифики – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Япония, Индия, Китай, Великобритания, Австралия;

3) установлены приоритетные направления для развития – поддерживаемое и инклюзивное процветание, переход к зеленой энергетике, лидерство в океане, преобладание и выстраивание партнерств в электронной сфере, региональная связанность, безопасность и оборона, сохранность человека[4].

К числу первоочередных шагов, предполагавшихся к реализации в рамках стратегии, европейские политики относили:

1) завершение процессов оформления соглашений о торговле с Австралией, Индонезией и Новой Зеландией, возобновление переговоров о торговле с Индией, оформление Соглашения об экономическом партнерстве с Восточноафриканским сообществом; инициирование переговоров о межрегиональном торговом соглашении с АСЕАН;

2) заключение соглашений о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с Малайзией и Таиландом; инициирование переговоров о заключении СПС с Мальдивскими островами и завершение переговоров о Соглашении, о партнерстве со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ);

3) усиление морского присутствия ЕС в регионе по линиям систем управления и контроля рыболовства в Индо-Тихоокеанских странах, борьбы с незаконным, несообщаемым и нерегулируемым промыслом рыбы и имплементации Соглашений о партнерстве в области устойчивого рыболовства;

4) расширение сети цифровых партнерств с акторами в Индо-Тихоокеанском регионе путем заключения Соглашений о цифровом партнерстве с Японией, Южной Кореей и Сингапуром;

5) завершение имплементации Соглашений о связанности с Японией и Индией; поддержка партнеров в установлении надлежащей

[1]Towards a new Asia strategy Brussels 1994 June 13. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC0314&from=EN

[2]Heiwig N. EU strategic autonomy a reality check for Europe's global agenda // Finnish institute of international affairs, 2020, October. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2020/10/wp119_strategic_autonomy-2.pdf

[3]Graire F., Reuter M. Moving closer: European views of the Indo-Pacific // European Council on Foreign Relations, 2021, September, 13. URL: https://ecfr.eu/special/moving-closer-european-views-of-the-indo-pacific

[4]The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific // EUROPEAN COMMISSION Brussels, 16.9.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-indo-pacific_en

нормативно-правовой базы и содействие привлечению необходимого финансирования для улучшения связанности между Европой и Индо-Тихоокеанским регионом;

6) расширение сотрудничества в области исследований и инноваций в рамках программы «Horizon Europe»[1], ведение работы по присоединению к этой программе Австралии, Японии, Республики Корея, Новой Зеландии и Сингапура, развитие совместных исследований в области инфекционных заболеваний и поддержки систем здравоохранения и готовности к пандемии в наименее развитых странах ИТР[2].

В вопросах практического воплощения обозначенных целей составители стратегии делали упор на развитие уже сформированных европейских инициатив в ИТР, а также взаимных проектов ЕС и региональных акторов, в формате всеобъемлющих торговых соглашений, «зеленых союзов» по климатическим вопросам, двусторонних диалогов по развитию связанности, сотрудничества с оборонными структурами стран ИТР [Мельникова, 2021].

2021 ГОД: ПЕРВЫЕ ШАГИ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ

Одним из первых шагов, воплощающих новую стратегию, стало проведение Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррелем 28 сентября 2021 года 11-й встречи с министром иностранных дел Китая Ван И в рамках Стратегического диалога ЕС – Китай. Стороны обсудили вопросы защиты окружающей среды и климата, обеспечения развивающихся стран вакцинами, уделили внимание Индо-Тихоокеанской стратегии. Вместе с тем подтверждая приверженность Брюсселя принципам единства Китая, Ж. Боррель обратил внимание на заинтересованность государств-участников в развитии сотрудничества с Тайванем в качестве «единомышленника и важного экономического партнера в регионе».

Последующие действия ЕС продолжили линию на развитие отношений с Тайванем. Так, 21 октября 2021 года Европейский парламент рекомендовал Европейской комиссии проработать вопросы сотрудничества со странами – участницами ЕС с целью укрепления политических отношений с Тайванем при условии соблюдения территориальной целостности Китая. Рекомендации депутатов также содержали запрос на проработку возможности заключения двустороннего инвестиционного соглашения с Тайванем. В период с 3 по 5 ноября того же года прошел первый в истории официальный визит в Тайбей делегации Европарламента. Целью посещения было изучение тайваньского опыта борьбы с иностранным вмешательством во внутреннюю политику и кампаниями по дезинформации со стороны, главным образом, Китая. Упомянутый визит вызвал осуждение со стороны КНР как «серьезное нарушение приверженности Европейского Союза принципу “одного Китая”, которое вредит интересам КНР и подрывает здоровое развитие европейско-китайских отношений» [Чижевская, 2021а, с. 181].

К числу других конфронтационных шагов ЕС по отношению к КНР можно отнести открытие 18 ноября 2021 года представительства Тайваня в Литве (*Lithuanian National Radio and Television. 18.11.2021*) и осуждение 21 ноября того же года Европейской внешнеполитической службой действий Китая по отношению к филиппинским рыболовным судам в Южно-Китайском море (*European External Action Service. 21.11.2021*). Ответным шагом Пекина стал пересмотр отношений с Литвой и исключение страны из списка-государств импортеров, в результате чего Вильнюс утратил доступ к китайскому рынку [Чижевская, 2022а].

Более конструктивно развивались отношения с Японией, позитивно воспринявшей новую стратегию. Поддержка ЕС со стороны Токио была продемонстрирована в ходе военно-морских учений 16 октября в слиянии Аденского залива и Аравийского моря. Учения состоялись с участием европейских моряков, действующих под мандатом операции «Аталанта»[3] и Военно-морских сил самообороны Японии. В ходе учений стороны обменивались информацией с Центром военно-морской безопасности Омана. Стороны отрабатывали сценарий освобождения судна, захваченного пиратами, проводили тактические маневры и осуществляли совместное патрулирование в открытом море.

Вместе с тем экономическая проблематика по-прежнему во многом определяла отношения

[1]Horizon Europe – инициатива ЕС, призванная содействовать развитию научно-исследовательских разработок силами стран Союза. Основные направления исследований – развитие стратегической автономности ЕС в ключевых секторах, сохранение экологии и биологического разнообразия ЕС, превращение ЕС в самоподдерживаемую информатизированную экономику, создание устойчивого, инклюзивного демократического общества. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_1122 (дата обращения: 04.09.2023).

[2]The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific // EUROPEAN COMMISSION Brussels, 16.9.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-indo-pacific_en

[3]Операция Аталанта – программа военно-морских сил ЕС (EU NAVFOR) по противодействию пиратству в Аденском заливе, позднее охватившая акватории Аравийского моря и Индийского океана. Включает в себя действия по сопровождению судов, их освобождению в случае захвата, борьбе с наркоперевозками. Проводится с 2008 г. по настоящее время. URL: https://eunavfor.eu/ (дата обращения: 04.09.2023).

Японии и ЕС. Так, 29.09.2021 года Европейский суд общей юрисдикции подтвердил взыскание штрафа в размере 254 млн евро с девяти японских компаний, наложенного еще в 2018 году. Причиной штрафа стал картельный сговор в период с 1998 по 2012 год в отношении европейского рынка электролитических конденсаторов [Чижевская, 2021б]. Вместе с тем стороны продолжили конструктивную работу по устранению трений в отношениях. Одним из проявлений этой работы стал 23-й Японско-европейский круглый стол, где обсуждались вопросы сотрудничества стран в сфере экологии, торговли и регулирования. (Круглый стол состоялся 4 ноября 2021 года в Брюсселе.) Рекомендации по итогам заседания содержали пожелания по совместной поддержке предприятий малого и среднего бизнеса, инвестиций в страны «третьего мира» в ИТР, Африке и других регионах, скоординированности действий ЕС и Японии в рамках реформирования ВТО. Представители ЕС выдвинули предложения относительно упрощения японского законодательства по гармоничному соотношению японских стандартов качества с общемировыми. Также обсуждались вопросы возобновления выдачи виз европейским бизнесменам и использования принципов ретроспективного применения[1] к европейским товарам в рамках соглашения об экономическом партнерстве между ЕС и Японией.

В свою очередь, японская сторона призывала к более четкой структуризации стандартов ЕС в вопросах химических полимеров, нанотехнологий, доработки системы Таксономии ЕС, упрощения системы налогообложения стран-участниц (*Recommendations of the EU-Japan Business Round Table to the Leaders of the European Union and Japan. 04.11.2021*). Прочная база для подобного диалога подтверждается данными отчета Европейской комиссии о ходе реализации 37 торговых соглашений ЕС от 27 октября 2021 года. В отчете говорится о том, что к 2020 году Европейской комиссии удалось устранить 33 из 462 (малую толику) существующих торговых барьеров в основном в сфере санитарных и фитосанитарных мер. В качестве примера можно привести открытие японского рынка для экспортеров крупного рогатого скота из ЕС и сближение европейских и японских стандартов винного рынка [Чижевская, 2021б].

Столь же важным для индо-тихоокеанской стратегии ЕС являлось развитие отношений с АСЕАН. Сотрудничество по этой линии во второй половине 2021 года преимущественно сосредотачивалось вокруг проблематики так называемой *зеленой экономики*, научной дипломатии и региональных вопросов. К числу значимых мероприятий в рамках отношений ЕС – АСЕАН этого периода можно отнести проведение третьего диалога на высшем уровне по вопросам окружающей среды и климатических изменений 16.09.2021 года в Брунее (*European External Action Service. 16.09.2021*), решение о выделении странам АСЕАН 783 млн евро на развитие «зеленых» инфраструктурных проектов, (*European External Action Service. 02.11.2021*), проведение Дней исследований и инноваций ЕС в АСЕАН в период с 01.11.2021 по 14.12.2021 (*European External Action Service. 16.11.2021*).

В сходном ключе развивались отношения ЕС и Индии, при этом приоритеты сместились в сторону экономических вопросов. Проведенные после принятия стратегии мероприятия продолжали линию, обозначенную в дорожной карте, составленной по итогам 16-го саммита ЕС – Индия в мае 2021 года. 19 октября состоялась встреча на высоком уровне, посвященная конкретизации Стратегического партнерства ЕС – Индия, в рамках которой стороны прорабатывали практическую реализацию партнерства по связанности[2] ЕС и Индии (*European External Action Service. 02.12.2021*). В том же ключе прошла встреча ЕС – Индия по энергетике, состоявшаяся 1 декабря. На ней рассматривались вопросы взаимоотношений ЕС и Международного солнечного Альянса, взаимодействия Брюсселя и Нью-Дели в сфере торговли и инвестирования в проекты, связанные с ветровой энергией и «умными» электросетями. Также состоялся форум ЕС – Индия по водородной энергетике (*European External Action Service. 02.12.2021*).

Таким образом, первые шаги в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС были направлены скорее на отладку уже ранее сложившихся форматов взаимодействия с основными акторами региона, нежели на строительство новых структур. По-прежнему отдавая предпочтение экономическому сотрудничеству, Европейский союз сфокусировался на расширении взаимоотношений с Индией, Японией и странами АСЕАН. Брюссель продолжил поддерживать отношения с КНР, начав при этом постепенное смещение в сторону Тайваня, тем самым преумножив напряженность в отношениях Китай – ЕС.

[1]Ретроспективное применение – принцип исполнения договоров, согласно которому их положения исполняются в ситуациях, как если бы они действовали всегда.

[2]Связанность (connectivity) – один из основополагающих элементов современной политики ЕС. Определяется, как многоуровневые связи между людьми и территориями, выстраивающиеся вокруг взаимоотношений в сферах транспорта, энергетики, информатизации и межчеловеческих связей. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu-asian_connectivity_factsheet_september_2019.pdf_final.pdf (дата обращения: 04.09.2023).

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕС В 2022 ГОДУ

В 2022 году Евросоюз продолжил работу по дальнейшему совершенствованию Индо-Тихоокеанской стратегии. Особую активность в этом процессе проявила Франция, принявшая председательство в Европейском Совете в начале года. При активном участии Франции был проведен первый Индо-Тихоокеанский министерский форум по сотрудничеству. В рамках форума обсуждались преимущественно вопросы безопасности, связанности и информатизации, а также вопросы сотрудничества в сфере окружающей среды. Мероприятие активно использовалось для презентации инициированной в декабре программы Global Gateway[1], в рамках которой значительная роль уделялась сотрудничеству со странами ИТР (*European External Action Service. 22.02.2022*). Индо-Пацифике также было уделено внимание в основном стратегическом документе, регламентирующим общую политику союза по вопросам обороны – Стратегическом компасе по политике и безопасности[2] от 23 марта 2022 года. Связанные с ней положения развивали идеи, высказанные непосредственно в Стратегии, характеризуя нарастание конкуренции в ИТР как главный вызов экономическим и геополитическим интересам ЕС. Вместе с тем составители Компаса отказались от определения КНР как вызова собственным интересам (*Council of the European Union. 23.03.2022*).

В числе региональных приоритетов ЕС в ИТР взаимоотношения с КНР сохранили свою первостепенность. Напряженное начало года, осложненное взаимными претензиями из-за ситуации с представительством Тайваня в Литве, не воспрепятствовало продолжению сторонами диалога по актуальным проблемам. Одним из наиболее значимых событий стало проведение 1 апреля 2022 года саммита ЕС – Китай. В фокусе внимания сторон были: реакция на украинский кризис, консультации по ранее произошедшему торговому спору в рамках ВТО, вопросы прав человека и другие проблемные сферы. Несмотря на активные усилия европейских дипломатов, китайская сторона фактически отказалась пойти навстречу почти всем требованиям Брюсселя. Единственной уступкой со стороны КНР стало восстановление деятельности европейско-китайского Диалога по правам человека [Чижевская, 2022б].

Подобная реакция Пекина спровоцировала начало оживленной политической дискуссии внутри ЕС относительно принципов дальнейшего выстраивания взаимоотношений с КНР. Пик обсуждений пришелся на осень 2022 года. Руководство ЕС оказалось перед необходимостью налаживаний отношений, отталкиваясь от признания непосредственной экономической зависимости от Китая. Оживленное обсуждение было развернуто вокруг визита в КНР канцлера ФРГ Олафа Шольца 3–5 ноября 2022 года, посвященного развитию экономических взаимоотношений с КНР. Несмотря на критику со стороны некоторых фракций Европарламента, действия Шольца были одобрены Европейской внешнеполитической службой. Чуть менее активно шла дискуссия относительно позиции по отношениям с Тайванем. На фоне сдержанной реакции Еврокомиссии Европарламент недвусмысленно выразил неприятие политики Китайской Народной Республики по отношению к Тайбею и более активному развитию экономического взаимодействия с последним. При этом обе стороны проявили солидарность в вопросах сохранения статуса-кво, признания Тайваня частью Китая и способствованию деэскалации конфликта. 3 ноября 2022 года состоялся визит 10 членов Межпарламентского альянса по Китаю в Тайбэй. В ходе встречи с президентом Цай Инвэнь делегаты заявили о необходимости дальнейшего развития экономического сотрудничества и межпарламентского взаимодействия [Чижевская, 2022в]. Однако к значительным подвижкам в отношениях стран-участниц переговоров эти шаги не привели.

В свою очередь, отношения с Японией развивались весьма гармонично. В феврале 2022 года стороны смогли договориться о поставках Японией в страны ЕС сжиженного природного газа с целью облегчения энергетической зависимости ЕС от российских энергоносителей. Еще одной тенденцией к сближению послужило начало Специальной военной операции. С 24 февраля того же года Япония так же, как и Евросоюз, ввела санкции против России, включавшие в себя как заморозку активов, так и отключение от системы SWIFT. Вопросы, связанные с противодействием России, обсуждались и на 28-м саммите ЕС – Япония 12 мая 2022 года в Токио. Однако куда более важным событием в рамках саммита стало инициирование японо-европейского Цифрового партнерства, направленного на развитие взаимоотношений

[1]Инициатива Global Gateway – глобальный инфраструктурный проект ЕС, нацеленный на развитие устойчивых надежных взаимосвязей на благо людей и планеты для преодоления наиболее актуальных глобальных вызовов, начиная с изменения климата и защиты окружающей среды до повышения безопасности здоровья, стимулирования конкурентоспособности и развития глобальных цепочек поставок. Для реализации целей инициативы планируется направить до 300 млрд евро инвестиций в период с 2021 до 2027 год. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/инициатива-global-gateway-—-стратегия-ес-по-развитию-устойчивых-связей-во-всем_ru?s=177 (дата обращения: 04.09.2023).

[2]A Strategic Compass of Security and Defence. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en

в сферах свободного обмена данными, использования искусственного интеллекта, развития технологий 5G и 6G, разработки механизмов регулирования и технологических стандартов. Стороны также выразили солидарность в своих позициях относительно проблемы ядерных испытаний, проводимых Северной Кореей и действий китайского флота в Южно-Китайском море, которые, по их мнению, представляют угрозу для стабильности ИТР [Чижевская, 2022в].

Вторая половина 2022 года оказалась не менее результативной для японо-европейских отношений. Стороны продолжили диалог по взаимодействию в областях энергетики, экономики и политического взаимодействия. В числе событий, способствовавших развитию в этих областях, стало проведение Диалога на высшем уровне по вопросам экономики в Брюсселе (*European External Action Service. 25.10.2023*), проведение 40-й сессии Межпарламентского диалога в Токио (*European External Action Service. 01.11.2022*), подписание Меморандума о сотрудничестве в области водородной энергетики (*European External Action Service. 02.12.2022*).

В 2022 году ЕС продолжил политику активизации отношений с Индией. Одним из наиболее значимых событий этого периода стал официальный визит главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен в Нью-Дели 24–25 апреля того же года. В рамках визита было объявлено о создании Совета ЕС – Индия по торговле и технологиям (ТТС), в задачи которого были включены укрепление сотрудничества в области торговли и существующих в ней взаимных претензий, новых технологий и безопасности. Также стороны подтвердили свое намерение продолжить переговоры о заключении всеобъемлющих торговых и инвестиционных соглашений, аннонсированных еще на саммите Индия – ЕС в 2021 году. В начале мая Нарендра Моди нанес ответные визиты в страны ЕС, в рамках которых обсуждались вопросы торговли и энергетической безопасности, а также «структурирование и укрепление двусторонних партнерских отношений в целом ряде областей». По итогу визитов было подписано Всеобъемлющее соглашение по миграции между Индией и Германией, а также 14 деклараций о намерениях, включая сотрудничество в использовании «зеленого» водорода. Вместе с тем неоднократные попытки глав стран – участниц ЕС заручиться поддержкой Индии в осуждении действий России на Украине не возымели успеха [Грачева, 2022].

Работа по налаживанию отношений продолжилась летом 2022 года. К числу шагов ЕС и Индии отнесем официальное возобновление переговоров сторон 17 июня по заключению Соглашения о свободной торговле, выделение Еврокомиссией субсидии в размере 2 млн евро для поддержки страдающих от наводнений в Индии и Бангладеше (*European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations. 24.06.2022*), а также проведение 15 июля 10-го диалога по правам человека. Позиция Нью-Дели в отношении пересмотра отношений к России осталась неизменной, несмотря на усилия ЕС. На протяжении осени велась работа в сферах экономического и экологического сотрудничества. 27 октября 2022 года в Брюсселе состоялся 6-й Диалог высокого уровня по миграции и мобильности, на котором был затронут широкий круг вопросов, связанных с содействием безопасной, упорядоченной и законной миграции. Стороны обсудили области взаимовыгодного сотрудничества и облегчения мобильности талантливых специалистов, студентов и квалифицированной рабочей силы к взаимной выгоде обоих партнеров. Также разрабатывалась и экологическая повестка в ходе первого форума ЕС – Индия по зеленому водороду, в рамках которого обсуждались вопросы сотрудничества бизнеса двух сторон.

Таким образом, реализация Индо-Тихоокеанской стратегии в 2022 году отметилась значительными успехами в вопросах сотрудничества с крупнейшими акторами ИТР по вопросам экономики, информатизации, защиты окружающей среды. Вместе с тем индо-тихоокеанская политика ЕС, допустившая возможность открытого давления на КНР, в том числе по вопросу Тайваня, привела к нарастанию политической напряженности в отношениях с Китаем. Также стоит отметить относительно небольшие подвижки в политических взаимоотношениях с акторами ИТР, яркой демонстрацией которых служит показательная неудача в попытках заручиться их поддержкой в противодействии политике России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование процессов реализации Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза в 2021–2022 годов позволяет выделить следующие основные результаты:

1. Курс на стабильное последовательное укрепление отношений с Индией, Японией, странами АСЕАН по вопросам экономического сотрудничества, экологии, высоких технологий.

2. Провал ЕС в стремлениях солидаризировать основные страны ИТР со своей позицией относительно специальной военной операции, за исключением Японии.

3. Сохраняющееся преобладание к продвижению на экономическом и культурном треках при минимальных усилиях по политической линии.

Несмотря на некоторые попытки создания общерегиональных форматов сотрудничества в ИТР,

Европейский союз сохранил приверженность к двусторонним механизмам взаимодействия и развития уже запущенных инициатив в ИТР. Таким образом, Индо-Тихоокеанская стратегия ЕС на практике показала свою состоятельность, как цельная система стратегического позиционирования ЕС в ИТР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bermann S. European Strategic Autonomy and the US-China Rivalry: Can the EU "Prefer not to Choose"? // Istituto Affari Internazionali (IAI). 2021, July, 26. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep33644
2. Мельникова Ю. Ю. Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 12. № 2. С. 31–37.
3. Чижевская М. П. ЕС – Китай: новая стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021а. № 106. С. 115–120.
4. Чижевская М. П. ЕС – Китай: открытие представительства Тайваня в Вильнюсе привело к торговому конфликту // Европейский Союз: факты и комментарии. 2022а. № 107. С. 104–109.
5. Чижевская М. П. ЕС – Япония: сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе призвано сдержать Китай // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021б. № 106. С. 112–115.
6. Чижевская М. П. ЕС работает над общей стратегией в отношении Китая // Европейский Союз: факты и комментарии. 2022б. № 110. С. 102–105.
7. Чижевская М. П. ЕС – Япония: украинский кризис стал главной темой Саммита 2022 г. // Европейский Союз: факты и комментарии. 2022в. № 108. С. 129–132.
8. Грачева М. Л. Европейский союз-Индия // Европейский Союз: факты и комментарии. 2022. № 108. С. 136–140.

REFERENCES

1. Bermann, S. (2021, July 26). European Strategic Autonomy and the US-China Rivalry: Can the EU "Prefer not to Choose"? Istituto Affari Internazionali (IAI).
2. Melnikova, Yu. Yu. (2021). EU Strategy in the Indo-Pacific region: Domestic drivers and the Chinese factor. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 12(2), 31–37. (In Russ.)
3. Chizhevskaya, M. P. (2021). EU – China, the new strategy of the EU in the Indo-Pacific region. The European Union: facts and comments, 106, 115–120. (In Russ.)
4. Chizhevskaya, M. P. (2021). EU – China, the establishment of the Taiwan embassy led to the trade conflict. The European Union: facts and comments, 107, 104–109. (In Russ.)
5. Chizhevskaya, M. P. (2021). EU – Japan, the partnership in the Indo-Pacific region aimed at the deterrence of China. The European Union: facts and comments, 106, 112–115. (In Russ.)
6. Chizhevskaya, M. P. (2021). EU is working over a new strategy towards China. The European Union: facts and comments, 110, 102–105. (In Russ.)
7. Chizhevskaya, M. P. (2021). EU – Japan, the Ukraine crisis became the chief topic of 2022 summit. The European Union: facts and comments, 108, 129–132. (In Russ.)
8. Gracheva, M. L (2022). EU – India. The European Union: facts and comments, 108, 136–140. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Китаев Роман Викторович

аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kitaev Roman Viktorovich

Postgraduate Student of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.10.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Из истории отношений СССР / России с Организацией Североатлантического договора

И. В. Михайлин

доктор исторических наук
свободный исследователь
Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва
mikhailin.igor@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется открытый доклад Службы внешней разведки РФ «Перспективы расширения НАТО и интересы России». Благодаря четкой артикуляции и наглядному показу того, как расширение НАТО в восточном направлении ущемляет интересы России, удалось замедлить присоединение стран Центральной и Восточной Европы к альянсу и сопутствующее приближение его военной инфраструктуры к границам нашей страны.

Ключевые слова: партнерство во имя мира, расширение НАТО, экспансионистская политика НАТО, атлантическая солидарность и дисциплина, основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора

Для цитирования: Михайлин И. В. Из истории отношений СССР / России с Организацией Североатлантического договора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 81–90.

Original article

From the History of Relations Between USSR / Russia and the North Alliance Treaty Organization

Igor V. Mikhailin

Doctor of History (Dr. habil), Prof.
Free Researcher
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mikhailin.igor@mail.ru

Abstract. The article deals with analysis of RF Foreign Intelligence Service open report «NATO s Expansion Perspectives and Russia's Interests» (1993). Due to exact articulation and obvious demonstration how NATO eastwards expansion infringes Russia s interests it became possible to slow down adhesion of Central and Eastern European countries to the alliance as well as concomitant approaching of its war machinery to the borders of our country.

Keywords: Partnership for Peace, NATO eastwards expansion, NATO expansionist policy, Atlantic solidarity and discipline, Basic Act on mutual relations, cooperation and security between Russian Federation and North Atlantic Treaty Organization

For citation: Mikhailin, I. V. (2024). From the history of relations between USSR / Russia and the North Alliance Treaty Organization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 1(854), 81–90.

ВВЕДЕНИЕ

Из всей суммы противостояний, возникших в мире после окончания Второй мировой войны, едва ли не самыми критичными для международной стабильности по причине наличия у сторон ядерного оружия были и остаются отношения СССР / России и стран – членов НАТО. Дважды в наиболее острых фазах это противостояние перерастало в опасное для мира противоборство. В первом случае это было военное противоборство во время «ракетного кризиса» (1983–1984). Тогда советское руководство в ответ на начавшееся в соответствии с так называемым «двойным решением» Совета НАТО о размещении в пяти странах Западной Европы американских ракет «Першинг-2» дало указание подвести к обоим океанским побережьям США подводные лодки с ядерным оружием на борту. Во втором случае противоборство вылилось в вооруженный конфликт, начавшийся после инициированной Россией в феврале 2022 года Специальной военной операции. По ходу конфликта страны НАТО вооружают киевский режим, а натовские военачальники руководят боевыми действиями вооруженных сил Украины против российских войск. Приступая к осуществлению СВО Россия стремилась защитить подвергавшееся в течение восьми лет артиллерийским обстрелам население Донбасса, добиться демилитаризации и денацификации Украины. Еще одна цель СВО, как неоднократно заявлял российский президент, – не допустить вступления Украины в НАТО, потому что это создает угрозу безопасности России.

Нынешние события вокруг Украины связаны с настойчивым стремлением киевского режима по аналогии со вступлением на рубеже 2000-х годов в НАТО государств Центральной и Восточной Европы присоединиться к этому агрессивному Альянсу. В этой связи есть основания вспомнить об обнародованном в 1993 году Службой внешней разведки РФ открытом докладе «Перспективы расширения НАТО и интересы России». Обращение к этому докладу представляет интерес потому, что и сам документ и достигнутые благодаря его появлению результаты, судя по появившимся во второй половине 1990-х годов и в «нулевые» XXI века научным публикациям, выпали из поля зрения отечественных исследователей и находятся в ожидании их оценок.

Почему именно СВР? Потому, что Служба внешней разведки представляет собой важнейший институт государства, призванный способствовать обеспечению безопасности и защите интересов России. Преимущество разведки состоит в ее многократно доказанной способности добывать секретную упреждающую информацию, позволяющую вскрывать и, в большинстве случаев, срывать тайные замыслы враждебных России сил. Именно своевременно добытые сведения позволили развертыванием Специальной военной операции опередить планировавшееся нападение ВС Украины на российский Крым. В российский период своей истории СВР, благодаря подготовке и обнародованию открытых докладов по ключевым вопросам международной стабильности (нераспространение ядерного оружия, европейская безопасность в условиях расширения НАТО), заняла достойное место среди аналитико-прогностических центров России.

НЕСКОЛЬКО ФАКТОВ ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ СССР И НАТО

18 марта 1949 года был обнародован проект Североатлантического договора, и уже 4 апреля объявлено о создании Организации Североатлантического договора в составе США, Бельгии, Великобритании, Дании, Исландии, Италии, Люксембурга, Канады, Нидерландов, Норвегии, Португалии и Франции (НАТО). Советское правительство в своем меморандуме от 31 марта 1949 года отметило: «Североатлантический договор направлен против СССР, а также стран народной демократии» (Меморандум правительства СССР о Североатлантическом договоре. 31.03.1949). За 75 лет своего существования блок НАТО проявил себя как инструмент геополитической экспансии и военно-политического доминирования Запада во главе с США над государствами Центральной и Восточной Европы, отдельными странами Балканского полуострова. Формирующийся ныне при инициативной роли ведущих стран НАТО, США и Великобритании военный альянс АУКУС с участием также Австралии способствует переносу блоковой динамики и на Азиатско-Тихоокеанский регион. СССР / Россия – единственная страна, которая все эти годы сдерживала НАТО, препятствовала расширению и последующему умножению мощи Альянса, невоенными средствами (до февраля 2022 года), защищала свое право на проведение самостоятельной внутренней и внешней политики.

Обретение в лице блока НАТО противника с совокупным военным потенциалом дюжины западных государств побудило руководство СССР к противодействию оппоненту в различных формах. В феврале 1954 года советское правительство направило заявку на вступление в НАТО, полагая, что участием в альянсе удастся нейтрализовать

его антисоветскую направленность. Руководство Североатлантического альянса ответило отказом. Позднее в начале 1990-х и в начале 2000-х годов предпринимались попытки прозондировать реакцию ведущих стран НАТО на вступление РФ в Североатлантический союз, ответ был тот же.

Экспансионистская сущность НАТО проявилась в политике атлантического руководства по расширению членского состава блока, при этом вступление каждого нового государства (поочередно ФРГ, Греции и Турции) умножало на величину их участия в милитаристских приготовлениях его совокупную военную мощь. Когда летом 1981 года стала вырисовываться перспектива скорой реализации планов атлантического руководства по втягиванию в блок Испании, занимающей выгодное для НАТО геостратегическое положение, посольство СССР в Мадриде направило местному внешнеполитическому ведомству Памятную записку (*Известия. 09.09.1981*). Этот документ не был, как его представляли многие испанские газеты «ультиматумом», он скорее носил характер напоминания местным властям о негативных внутренних (ограничение самостоятельности в принятии внешнеполитических решений из-за необходимости подчиняться принципам атлантической солидарности и дисциплины) и международных (нарушение баланса сил в Европе вследствие умножения Организацией Варшавского договора своего боевого потенциала для компенсации прибавления военной мощи НАТО за счет Испании) последствиях. Власти, однако, не сочли возможным прислушаться к советским напоминаниям, и Испания в 1982 году стала 16-м членом НАТО.

Следующее упоминание об СССР и НАТО последовало в связи с переговорами (1990–1991) об окончательном урегулировании международного статуса Германии. Переговоры проходили на фоне демократических революций в странах Центральной и Восточной Европы. Освободившись от якобы «неравноправных», по мнению новых руководителей этих стран, отношений с бывшим СССР, они взяли курс на интеграцию в западные структуры, в первую очередь в НАТО. При таких обстоятельствах возник вопрос не просто о расширении, но, в свете эвентуального присоединения к блоку стран ЦВЕ, расширении НАТО в восточном направлении к российским границам. Лидеры ведущих стран Запада во время своих визитов в Москву, где проходили основные переговоры об объединении Германии, заверяли советское руководство, что у них нет планов расширения на Восток. Документальные подтверждения заверений западных лидеров содержатся в рассекреченных в мае 2006 года записях бесед президента М. Горбачева с государственным секретарем США Дж. Бейкером от 9 февраля 1990 года, с канцлером ФРГ Г. Колем от 10 февраля 1990 года, президентом Франции Ф. Миттераном от 6 мая 1991 года [Примаков, 1999]. Упомянутые заверения лидеров западных стран необходимо было оформить в договорно-правовом порядке, как М. Горбачеву и советовали руководители российских внешнеполитических ведомств, однако этого сделано не было.

РОССИЯ ВЫХОДИТ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ АРЕНУ

Россия как новый международно-правовой субъект вышла на мировую арену (декабрь 1991 года) существенно ослабленной. Распад СССР лишил Россию 26 млн жителей, без малого 30 % территории, 40 % экономики. Кавказский и чеченский разновидности сепаратизма подрывали территориальную целостность страны. Взаимное противостояние президента и парламента в лице тогда еще существовавшего Верховного Совета РФ ослабляло управляемость России. Массовое обнищание, широко распространенные среди населения настроения фрустрации и разочарования, становились факторами роста внутренней напряженности. Изменились, правда, как оказалось, только на словах, отношения ее прежних главных оппонентов США и НАТО с Россией. Официальный Вашингтон заявлял о поддержке демократических преобразований в России. В НАТО заговорили о трансформации в будущем Альянса в миротворческую и стабилизирующую силу. Когда же новое руководство страны в начале 1990-х годов прозондировало вопрос об отношении ведущих стран Запада к возможности вступления обновленной России в НАТО, то вновь получило отказ. И стало ясно, что характер НАТО как враждебной России силы не изменился. Поняли это, однако, не все. Выдвинувшиеся в новой России на первые роли в вопросах управления экономикой и госимуществом «младореформаторы», как называли в 1990-е годы инициаторов быстрых и болезненных реформ, были уверены сами и убедили президента Б. Ельцина и его окружение в том, что курс на модернизацию страны в духе западных либеральных реформ и отказ от коммунистической идеологии станут своего рода «пропуском» в клуб европейских демократий и вот тогда-то «заграница нам поможет».

Одним из проявлений этих заблуждений в сфере международной политики стало документально оформленное заявление в Варшаве во время официального визита (август 1993 год) президента Б. Ельцина, что намерение вступить в НАТО «это решение суверенной Польши … не противоречит интересам других государств, в том числе России»

(*United Press International. 25.08.1993*), которое после возвращения в Москву он поспешил дезавуировать. Подобная двойственность (то согласие на присоединение Польши к Альянсу, то его отзыв) свидетельствовала о том, что еще в августе у России не было консолидированной позиции по расширению НАТО в восточном направлении, поскольку в противном случае Б. Ельцин ее бы озвучил.

К этому времени руководство Службы внешней разведки РФ утвердилось во мнении, что планы расширения НАТО за счет стран Центральной и Восточной Европы прямо затрагивают жизненно важные интересы России. Исходя из ясного понимания этих интересов была четко определена цель – воспрепятствовать или, по меньшей мере, затормозить осуществление этих планов. Поскольку иных рычагов давления (экономических, военных, информационных и др.) у России тогда не было, планировалось сделать это посредством подготовки и обнародования открытого доклада СВР с четкой артикуляцией того, каким образом распространение географической зоны ответственности НАТО до российских границ угрожает интересам страны.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОТКРЫТОГО ДОКЛАДА СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

25 ноября 1993 года Директор Службы внешней разведки Е. Примаков представил открытый доклад «Перспективы расширения НАТО и интересы России», и уже на следующий день с согласия ознакомившегося с его содержанием президента РФ, в газете «Известия» появилась статья с изложением основных положений данного документа. Доклад представлял собой аналитико-прогностический взгляд СВР на позиции основных международных игроков, вовлеченных в этот процесс – НАТО, США и остальных государств – членов Североатлантического союза, претендентов на вступление в Альянс стран Центральной и Восточной Европы, и на последствия расширения состава Альянса для России, оцененные через призму ее национальных интересов.

Касательно руководства НАТО в докладе заявлено, что реальностью является устойчивость стереотипов блокового мышления. Один из стереотипов связан с СССР, ядро которого составляла Россия, долгие годы рассматривался как главный источник угрозы существованию западной цивилизации. Отмечено, что трансформация НАТО в универсальную миротворческую и стабилизирующую силу может затянуться. Существует опасность того, что данный процесс и расширение состава Альянса пойдут несинхронно. В этом, считали авторы доклада, заложена опасность для интересов России, так как подобная асинхронность может привести к рецидивам блоковой политики, причем в условиях приближения зоны ответственности НАТО непосредственно к границам РФ. И далее следует прогноз, будто списанный с сегодняшней ситуации. «Вступление в Североатлантический союз стран ЦВЕ побуждает и другие государства выразить аналогичные пожелания, а в случае согласия на прием, например, Украины в НАТО без России, возникнет новая геополитическая ситуация, способная вызвать противодействие со стороны Москвы»[1].

США, по оценке аналитиков СВР, по состоянию на ноябрь 1993 года еще не сформулировали свою окончательную позицию. Главные ее параметры определены в выдвинутой в октябре 1993 года программе «Партнерство во имя мира», которая предусматривала налаживание сотрудничества в области безопасности с заинтересованными европейскими странами.

Позиции остальных стран-членов существенно разнились. Полностью поддерживали расширение НАТО за счет стран ЦВЕ Великобритания, Германия, Франция и Нидерланды. Канада на момент составления доклада еще не по всем направлениям определилась в отношении американской инициативы. Италия и Испания, по имевшимся в СВР сведениям, придерживались мнения, что на нынешнем этапе не следует идти дальше предварительного рассмотрения вопроса о расширении Североатлантического союза ввиду болезненной реакции России. Турция, Греция и Португалия настороженно относились к идее расширения НАТО, опасаясь, что, став членами НАТО, государства ЦВЕ могут превратиться в их конкурентов за получение помощи от партнеров по блоку.

Страны ЦВЕ (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария) названы в докладе «главной движущей силой процесса расширения НАТО». Вместе с тем, как отмечали аналитики СВР, параллельно курсу, нацеленному на вступление в НАТО, страны ЦВЕ отрабатывают линию на развитие многосторонних связей с Россией.

И сам доклад, и форма, в какой он был представлен, вызывали немало вопросов. В советское время внешняя разведка никогда открыто не излагала свои оценки, а за первые четыре года своей российской истории обнародовала сразу несколько открытых докладов. Объяснение, по-видимому, следует искать в их тематике. «Новый вызов после холодной войны: нераспространение оружия массового уничтожения» (1993), «Договор

[1]Перспективы расширения НАТО и интересы России / Служба внешней разведки Российской Федерации. М., 1993. Зд. и далее выдержи из открытого доклада СВР.

о нераспространении ядерного оружия: проблемы продления» (1995), также как и «Перспективы расширения НАТО и интересы России» посвящены ключевым вопросам, затрагивающим основы существования человеческой цивилизации и международной стабильности. Открыто формулируя свои озабоченности, СВР адресовала их политическим и парламентским кругам, но также «через головы» правящих элит и структурам гражданского общества и общественности в странах Запада, реализуя такую важную составляющую арсенала форм своей деятельности, как функция влияния.

Добавляли убедительности приведенным в докладе СВР аргументам и умело выбранный момент для его представления, а также использование расхождений в подходах главных международных акторов как по расширению НАТО по существу, так и по срокам его реализации. Велика вероятность того, отмечается в докладе, что принципиальное решение, обозначающее перспективу расширения НАТО, будет принято уже на предстоявшей в январе 1994 года встрече глав государств и правительств стран-участниц. Действительно, решение о включении этого вопроса в повестку дня январского (1994) заседания Совета НАТО на уровне первых лиц государств-членов руководство Альянса приняло сразу после озвучивания российским президентом опрометчивого заявления по Польше. В данном случае натовцы действовали по известной русской пословице «куй железо пока горячо».

Различия в подходах между странами и даже в рамках одного государства были очевидны. В докладе СВР сказано, что позиция США по расширению НАТО строилась на инициативе «партнерство во имя мира». Отношение к ней в американских политикоформирующих кругах было неоднозначным. Помощник президента США по национальной безопасности Э. Лэйк при представлении в сентябре 1993 года новой внешнеполитической стратегии США для администрации Б. Клинтона обозначил одним из главных ее приоритетов скорейшее подключение бывших социалистических стран к трансатлантическим структурам, включая НАТО (*ИноСМИ. 07.10.2022*). Было, однако, и другое мнение. Советник президента Б. Клинтона по России С. Тэлбот высказывался за придание этому процессу постепенного характера, обосновывая свою позицию заинтересованностью США в оказании содействия демократическим преобразованиям в России и в сохранении сотрудничества с Москвой в вопросе вывода стратегического ядерного оружия из Украины (*ИноСМИ. 07.10.2022*). Еще более наглядно расхождения в подходах проявились среди стран – членов НАТО. Почти половина из них по разным основаниям сочла включение государств ЦВЕ в состав Североатлантического союза неприоритетным вопросом. Что касается самих стран ЦВЕ, то их заинтересованность в сохранении связей с Россией объяснялась, в первую очередь, опасениями потерять емкий рынок для сбыта своей неконкурентоспособной на Западе продукции. Таким образом, анализ собранной информации о позициях основных заинтересованных сторон давал основание аналитикам СВР для вывода, что необходимый консенсус для принятия Советом НАТО уже в 1994 году решения об официальном приглашении странам ЦВЕ к осени 1993 года не сложился. Это оставляло России небольшое поле для маневра, чтобы хорошо выстроенными аргументами о негативном влиянии расширения НАТО на свои интересы усилить ситуацию неготовности к использованию ускоренной процедуры и, тем самым, подтолкнуть к решению задействовать имевшуюся в дипломатическом багаже США инициативу «партнерство во имя мира».

В ЧЕМ РАСШИРЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК УЩЕМЛЯЕТ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ?

Значительное место в докладе уделено раскрытию опасных последствий расширения НАТО для российских интересов. В их числе:

Ослабление обороноспособности России

Тот факт, считают эксперты СВР, что «крупнейшая в мире военная группировка с колоссальным наступательным потенциалом выходит на рубежи в непосредственной близости от российских границ требует коренного переосмысления всех оборонительных концепций переформирования вооруженных сил, развертывания дополнительной инфраструктуры, изменения оперативных планов и характера учебно-боевой подготовки». Авторы доклада ясно понимали, что «осуществление перечисленных мер в сжатые сроки, несомненно, повлечет за собой перенапряжение государственного бюджета и снижение обороноспособности России. Отставание в этой сфере чревато качественным сокращением боевого потенциала ВС России по сравнению с уровнем ведущих военных держав». В условиях относительной слабости России это отставание приобрело в 1990-е годы критический характер.

Приближение НАТО к границам России придает импульс антизападным силам в плане снабжения их аргументами для дискредитации правительственного курса реформ.

Поскольку доклад СВР был рассчитан главным образом на трансляцию в странах НАТО, под антизападными силами в нем тактично подразумевались партии левой и патриотической ориентации. На Западе особенно опасались перспективы возвращения коммунистов во власть. Действительно, все они расценили упомянутое опрометчивое заявление Б. Ельцина как согласие России на прием в НАТО не только Польши, но и других стран ЦВЕ и усилили критику правительственного курса по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. КПРФ стала еще более активно выступать за проведение планово-рыночной социально ориентированной экономической политики. Тульская область, где губернатор-коммунист В. Стародубцев руководствовался, помимо прочего, и хозяйственными установками КПРФ, с конца 1990-х годов едва ли не единственная в России вышла на невысокие, но устойчивые темпы экономического роста. Близкая к КПРФ Аграрная партия в своих программных установках требовала, чтобы государство оказывало более действенную поддержку сельхозпроизводителям. Эти требования были включены в представленную весной 1993 года Программу корректировки экономического курса правительства. В апреле 1997 года группа депутатов выступила с призывом к президенту Б. Ельцину представить в Государственную Думу «комплексную национальную программу противодействия экспансии НАТО на Востоке», однако, он оставил этот призыв без внимания. Усиливая критику по наиболее близким в силу их партийной философии вопросам КПРФ и АП, также, как и Российский общенародный союз выступали с консолидированной антинатовской платформы. Такой платформой стал представленный в марте 1999 года лидером РОС С. Бабуриным Меморандум «Почему расширение НАТО представляет угрозу для России» (*Информационное агентство PRAVDA.RU. 15.03.1999*), который по всем значимым аспектам перекликался с открытым докладом СВР. Несмотря на давление оппозиции, каких-либо заметных коррективов во внутреннюю и внешнюю политику РФ власти не внесли.

В условиях приближения НАТО к рубежам России может произойти возрождение идей «осажденного лагеря» и изоляционистских тенденций с вытекающими негативными последствиями для осуществления курса реформ. По мнению аналитиков СВР, нельзя игнорировать неблагоприятное воздействие расширения НАТО на психологическое состояние россиян.

В самом общем плане понятие «осажденного лагеря» означает состояние государства, где власть и большинство населения убеждены во враждебных намерениях окружающего мира. Осенью 1993 года Россия действительно оказалась в положении, которое по некоторым признакам напоминало «осажденный лагерь». В их числе утрата прежних союзников, осознание значительной частью общества того, что НАТО, США не изменили своей природы враждебной силы и ждут момента, чтобы, воспользовавшись ее слабостью, расчленить Россию и получить доступ к ее природным богатствам. Негативно влиял на психологический настрой россиян и фактор «потерянной страны». Многие россияне восприняли возможное расширение НАТО как приближение опасности к родным домам. Предчувствие опасности стало еще одним штрихом к картине социально-экономической неустроенности и депрессивного психологического климата в России в начале 1990-х годов. Вместе с тем оно и дало импульс к усилению антинатовских настроений в обществе. Россия, однако, не распалась на части, как к тому ее усиленно подталкивали внутренние недоброжелатели и внешние враги, не впала в международную изоляцию. С начала 2000-х годов психологический настрой россиян резко повышался по мере того, как новое руководство во главе с В. Путиным стало планомерно осуществлять программу экономического возрождения и обретения Россией статуса одного из центров политического влияния в мире.

НЕГАТИВНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСШИРЕНИЯ НАТО

Обратили внимание эксперты СВР и на некоторые неблагоприятные международные последствия расширения НАТО в восточном направлении за счет стран ЦВЕ. Отмечено, что многие эксперты увязывают «расширительную эволюцию» Североатлантического союза с возрастанием значимости ФРГ в НАТО и в Европе в целом. При этом определенные круги в самой Германии рассматривают этот процесс с точки зрения дальнейшего развития геополитического конфликта вокруг послевоенных границ. Авторы доклада сформулировали мысль об усилении Германии и послевоенных границах подчеркнуто аккуратно. Освобожденный от необходимости соблюдать дипломатический политес С. Бабурин, автор ранее упомянутого Меморандума, высказался более определенно: «это вызывает обеспокоенность многих стран, хорошо помнящих, к чему приводит усиление Германии» (*Информационное агентство PRAVDA.RU. 15.03.1999*).

Изменение состава государств – участников НАТО, отмечается в докладе, неминуемо приведет к подрыву ряда международных обязательств

Альянса, в частности по Договору об обычных вооруженных силах в Европе. В случае расширения НАТО за счет стран бывшей Организации Варшавского договора нарушится принцип баланса сил. Сохранение ДОВСЕ, говорится в докладе, способствует стабильности и безопасности на европейском континенте.

На основе проведенного анализа эксперты СВР пришли к определенным выводам. Главные из них с учетом заявленной темы следующие:

– в условиях отсутствия блоковой дисциплины, существовавшей до ликвидации ОВД, Россия не вправе диктовать суверенным государствам Центральной и Восточной Европы вступать ли им в НАТО, либо в другие международные объединения;

– процесс вхождения государств ЦВЕ в НАТО, его характер, сроки, обязательства и права новых членов должны формироваться с учетом мнения всех заинтересованных сторон, в том числе России, перспектив укрепления основ коллективной безопасности на континенте, развития общеевропейского сотрудничества.

РЕАКЦИЯ В МИРЕ НА ОТКРЫТЫЙ ДОКЛАД СВР

Доклад СВР, и главное, четкая артикуляция национальных интересов России и создаваемые угрозы в результате расширения НАТО в восточном направлении вызвали заметный интерес, особенно в европейских странах, не определившихся со своей окончательной позицией. По сообщениям из заслуживающих доверия источников, после ознакомления с докладом официальные представители Италии в контактах с коллегами из стран-членов отмечали, что форсированное расширение НАТО может быть расценено Москвой как акция, направленная на ее изоляцию, и отмечали целесообразность проведения предварительных консультаций с Россией.

Не остался незамеченным доклад СВР и для ведущих средств массовой информации на Западе. Выдержки из доклада были опубликованы в ведущих СМИ США («Нью-Йорк таймс», агентство Ассошиэйтед пресс, Юнайтед пресс интернейшнл) и Англии («Дейли телеграф»). Большинство из них воспроизвело ключевой тезис доклада о том, что расширение НАТО на Восток создает угрозу интересам России. Агентство АП расценило доклад СВР как «самый сильный ответ на планы по приему в блок новых членов»[1]. Влиятельный французский журнал «Дефанс националь» в ноябрьском номере (1993), вышедшем после обнародования доклада СВР, воспроизвел некоторые из изложенных в нем аргументов – неспровоцированный характер планов расширения НАТО за счет бывших союзников России по Варшавскому договору, несовместимость этих планов с интересами безопасности в европейском регионе[2]

После обнародования доклада СВР события развивались следующим образом. Январская сессия (1994) Совета НАТО инициировала развертывание программы «Партнерство во имя мира» как составной части предназначенного для всех стран ЦВЕ процесса присоединения к НАТО. На своем заседании в Мадриде (1997) Совет НАТО одобрил направление официальных приглашений Венгрии, Польше и Чехии вступить в Североатлантический союз. В апреле 1999 года под аккомпанемент бомбардировок Югославии авиацией государств – членов агрессивного блока НАТО (что весьма символично) состоялся прием этих стран в состав Альянса.

КАКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДАЛО ОБНАРОДОВАНИЕ ДОКЛАДА СВР

Как задумывало руководство СВР, удалось затормозить расширение НАТО в восточном направлении и сопутствующее ему продвижение военной инфраструктуры альянса к российским пределам. Из факторов, которые в наибольшей степени мотивировали Запад к учету сформулированных в докладе озабоченностей, следует назвать его острую заинтересованность в сохранении внутренней стабильности в России. Стабильность в РФ, по оценкам западных аналитиков, осенью 1993 года подтачивалась противостоянием законодательной и исполнительной ветвей власти с сопутствующим ослаблением управляемости в стране, усилением социальной напряженности, ростом влияния сил оппозиции, активизацией террористических группировок и др. Ввиду неустойчивости российской внутриполитической сцены на Западе с тревогой задавались вопросом – надежно ли обеспечено хранение огромного ядерного арсенала, особенно с учетом переноса в РФ для утилизации ядерных боеголовок ракет, дислоцированных в советское время в Белоруссии, Казахстане, Украине?

Усилия разведки, как можно понять из выступлений руководителей СВР, постоянно были нацелены на содействие созданию максимально благоприятных условий для решения острых внутриполитических проблем РФ. Первоочередной среди них была экономика. Открытый доклад помог получить отсрочку (как выяснилось позднее,

[1]Компас: Вестник международно-аналитической информации. 1993. № 199.

[2]Атлас: Вестник иностранной информации. 1993. № 45.

продолжительностью почти в 6 лет) военной экспансии альянса к российским пределам. Это обеспечило России относительно спокойный период без давления внешних сил и санкций, чтобы разобраться в причинах ухудшения экономического положения страны. Предстояло, по сути, решить две задачи: перезапустить почти остановившееся экономическое развитие и попытаться сформулировать действенную экономическую стратегию, способную стать основой хозяйственного механизма на рыночных принципах. Недостатка в идеях с претензией на стратегию не было: предложения за явным и скрытым авторством «советников» из США, Швеции, от МВФ, авантюрная программа Г. Явлинского «500 дней», прочие здравые и не очень мысли. Ни одна из них, как говорится, «не пришлась ко двору». Не лучше обстояло дело и с перезапуском экономического развития. Кабинет В. Черномырдина, по мнению большинства экспертов, действовал недостаточно решительно и последовательно. В какой-то момент он утратил контроль за экономикой, что выразилось в обесценении рубля, гиперинфляции и др. 17 августа 1998 года было объявлено о неспособности правительства платить по долгам в текущий момент («технический дефолт»). При решении других вопросов содействие разведки проявлялось в добывании упреждающей информации, качественном анализе информации, включающей общедоступные данные и сведения закрытого характера.

В начале 1990-х годов некоторые влиятельные СМИ убаюкивали российскую общественность нарративами об обещанной руководством трансформации альянса в миротворческую и стабилизирующуюся силу, чем, по сути, обрекали большие массы людей на пассивное ожидание. Доклад СВР открыл глаза многим людям на прямую связь между расширением альянса на восток и возрастанием военной угрозы их домашним очагам в условиях ослабления обороноспособности вооруженных сил РФ. Наряду с левыми и патриотическими силами доклад СВР с его доходчивой аргументацией также способствовал тому, что все больше россиян стали постепенно освобождаться от социальной апатии и осознанно поддерживать антинатовские лозунги.

Открытый доклад СВР содействовал тому, что основные институты государственной власти изменили или скорректировали свои позиции в отношении расширения НАТО. Это утверждение не относилось к военному сообществу, которое заявило о своей полной поддержке доклада СВР, поскольку и до его обнародования оценивало возможное расширение НАТО как проявление агрессивных намерений Альянса в отношении России. После ознакомления с докладом российский президент скорректировал свое прежнее двойственное отношение к расширению НАТО и допустил вступление стран ЦВЕ в НАТО только через программу ПИМ (Россия присоединилась к Программе «Партнерство во имя мира» в июне 1994 года). Большинство из нескольких десятков вновь созданных политических партий, общественных движений, а также профсоюзов, которые в начале 1990-х годов акцентировали внимание почти исключительно на вопросах внутренней политики и взаимном соперничестве за привлечение новых сторонников, после ознакомления в российских СМИ с тезисами доклада впервые включили в свои программы положения антинатовской направленности.

Доклад СВР в немалой степени повлиял на усиление антинатовских настроений не только в России, но и в Европе в целом, а также способствовал зарождению новой организационной формы их выражения. В составе Государственной Думы II созыва (1996–1999) оформилось внефракционное депутатское объединение «Анти-НАТО» в составе немногим более 300 человек. В каком-то смысле им оппонировали 33 объединившихся в «Атлантическую депутатскую группу» парламентариев от партии «Яблоко», регионов, деловых кругов (К. Боровой и др.), маскировавших свои пронатовские симпатии словами о заинтересованности в налаживании атлантического диалога. В целях «содействия деятельности» объединения «Анти-НАТО» и «повышения роли ГД в разработке мер по противодействию процессу расширения НАТО на Восток» Постановлением ГД от 2 апреля 1997 года была учреждена одноименная комиссия нижней палаты российского парламента. За период функционирования «Анти-НАТО» в 1997–1999 годов были проведены парламентские слушания и конференции на темы «Угрозы европейской безопасности в связи с расширением НАТО», «Военные и иные угрозы безопасности России в связи с расширением НАТО», «Новый мировой порядок и будущее Европы». Аналогичное объединение было создано и в Совете Федерации, его участниками стали около 60 сенаторов. Объединение устраивало митинги и пикеты в связи с событиями вокруг Югославии. В 1997 году заявление о создании неформального внепарламентского объединения европарламентариев «Анти-расширение НАТО» было подписано 23 депутатами ПАСЕ. В 1998 году в Верховной Раде Украины было создано объединение «Украина вне НАТО», в которое вошли около 180 членов ВР. Аналогичные объединения создавались в Латвии, Молдавии и Белорусии. В ГД 4 июля 2004 года после окончания депутатских полномочий у части членов внутрифракционное объединение «Анти-НАТО» было реорганизовано. Участники объединения заявили, что

его практическая деятельность будет нацелена на содействие разработке общей позиции депутатского корпуса по вопросу о пространственном расширении НАТО.

Почин депутатов Госдумы был подхвачен в ряде российских регионов, где возникли местные организации «Анти-НАТО». Активисты этих организаций провели на рубеже 2000-х годов немало манифестаций, других публичных мероприятий антинатовской направленности во многих регионах России (*Информационное агентство Регнум. 04.07.2004*).

Среди государственных структур РФ наиболее остро вопрос об уточнении подхода к планам расширения блока стоял перед МИДом. В первой трети 1990-х годов отличная от СВР линия внешнеполитического ведомства выстраивалась с учетом персонального умозаключения (правильнее было бы сказать «умоотключения», поскольку преобразуемые в государственную политику определенные высказывания чиновника такого ранга шли вразрез с интересами России – примечание автора) министра иностранных дел А. Козырева «Я… не против расширения [НАТО] в принципе, против этого выступать абсурдно»[1] (*Военное обозрение. 22.03.2013*). Именно с подачи министра президент Б. Ельцин сделал свое опрометчивое заявление в Варшаве. После обнародования доклада СВР, а также под влиянием роста в России антинатовских настроений в политических и парламентских кругах, обществе в целом линия МИДа стала постепенно меняться, а с приходом на пост министра иностранных дел Е. Примакова (январь 1996 года) ведомство стало твердо отстаивать интересы России в отношениях с НАТО. Перед новым руководством МИДа встала важная задача – в преддверии вступления в НАТО новых государств – Венгрии, Польши и Чехии обговорить с руководством Альянса вопрос о недопущении наиболее реальных угроз безопасности России. По итогам переговоров 27 мая 1997 года был подписан «Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора». Руководство НАТО брало на себя обязательство воздерживаться от размещения на территории новых государств ядерного оружия, крупных воинских контингентов и не использовать оставленные после вывода российских войск сооружения. Включение этих важных пунктов в Основополагающий Акт стало серьезным успехом российской дипломатии. Существенный недостаток этого документа, однако, состоит в том, что он носит рекомендательный, но не обязательный для выполнения характер. В 1990-е годы и в «нулевые» XXI веке руководство НАТО эти обязательства в основном соблюдало, но затем перестало с ними считаться.

Таким образом, в 1990-е годы удалось подтолкнуть руководство НАТО к использованию растянутого по времени процесса расширения Альянса за счет подключения всех стран ЦВЕ к ПИМ и закрепить в Основополагающем Акте три запрета, в первую очередь на размещение ядерного оружия на новых территориях. Ограничение территориальных полномочий НАТО составляло максимум того, что ослабленная Россия, ее внешнеполитические ведомства смогли добиться от превосходившего ее Запада для обеспечения национальной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аналитики СВР работали над подготовкой открытого доклада в условиях большой неопределенности в мире. Выбранная руководством США после дезинтеграции СССР, хотя и не сразу, линия на жесткую конфронтацию с Россией, истинные масштабы которой в начале 1990-х годов никто не мог даже представить, началась именно с планов расширения НАТО на восток за счет стран ЦВЕ. Тем не менее уже тогда аналитики разведки, применив логико-интуитивные методы исследования, смогли предвидеть опасные последствия их реализации. Руководство СВР посчитало изложенные в докладе аналитические суждения и прогнозные оценки полностью обоснованными и достаточными для того, чтобы каждый непредвзято настроенный человек после ознакомления с ним мог сделать вывод, что расширение НАТО на восток идет вразрез с интересами безопасности России, развития ее экономики даже при всей неоднозначности проводившегося в те годы курса реформ и сопряжено с изменением в ущерб нашей стране баланса сил в Европе и мире в целом. Можно сказать, что открытый доклад СВР способствовал концептуальному обоснованию официально заявленной позднее позиции неприятия Россией расширения НАТО по восточному и по остальным пространственным направлениям.

Особое место в этой конфронтации с середины 2010-х годов занимает «гибридная война» против России, инициированная США, стремительно теряющими длившееся около 30 лет тотальное доминирование в мире. Подстрекаемая США Украина в конфликте с РФ использует поставляемые Западом вооружения, применяет приемы диверсионной борьбы, что создает прямые угрозы безопасности России. Коллективный Запад ввел более 18 тыс. торгово-экономических санкций, полагая, что, уж

1Это высказывание А. Козырева также приведено в мемуарах С. Тэлбота. См.: Talbott, S. (2002). The Russia Hand: a memoir of presidential diplomacy. New York.: Random House.

коль скоро ему не удалось порвать в клочья российскую экономику, то нужно замедлить ее развитие. «Демонизация» России и ее руководства стала мэйнстримом в информационно-психологической обработке западными СМИ российской и международной общественности. Кроме того, всячески потакая атлантическим амбициям лидеров Украины и Грузии, Вашингтон взял на себя роль основного лоббиста их приема в Североатлантический союз ради достижения главной цели – усилить военное и политическое давление на Россию с восточного фланга.

В сложившихся международных реалиях МИД РФ 17 декабря 2021 года представил проекты договора между Российской Федерацией и США о гарантиях безопасности и аналогичного соглашения со странами – членами НАТО. Россия предложила руководству НАТО взять на себя обязательство исключить дальнейшее расширение НАТО, в том числе присоединение Украины, а также других государств. Вашингтону Москва предложила взять на себя обязательство исключить дальнейшее расширение НАТО в восточном направлении и отказаться от принятия в альянс государств, ранее входивших в СССР. Однако и после высказанных Россией в их адрес настоятельных предложений США и НАТО не только не отказались от перспективы вовлечения в блок Украины, но и уже добились включения в атлантическую орбиту Финляндии и, вероятно, в ближайшее время Швеции. Судя по их быстрой реакции в виде «боевых рефлексов», выдержанных в духе холодной войны, США и коллективный Запад готовы до последнего отстаивать свои ускользающие господствующие позиции в мире и поэтому укрепляют НАТО как главный военный инструмент их защиты. В январе 2024 года глава военного комитета НАТО Р. Бауэр сказал, что власти и общественность стран-членов должны быть готовы к полномасштабной войне против России в течение ближайших 20 лет.

Стартовой площадкой для налаживания отношений СССР / РФ – НАТО, как уже отмечалось, служили обещания западных политиков «ни на дюйм» не распространять юрисдикцию Альянса на Восток. Удержание НАТО на обещанной позиции не расширения было одной из главных задач МИДа, отечественных дипломатов. Тон этой работе задавали М. Горбачев и Б. Ельцин. Первый без объяснения причин просто поверил западным лидерам на слово. Второй, ввиду самороспуска Организации Варшавского договора и особенно после подписания Хартии российско-американского партнерства и дружбы (июнь 1992 года), рисовавшей радужные перспективы отношений Москвы и Вашингтона, похоже, уверовал, правда, еще до ознакомления с докладом СВР, что НАТО в будущем может трансформироваться в миротворческую стабилизирующую силу. В ответ Запад, упивавшийся своей победой в холодной войне, совершил шесть, с учетом Финляндии и Швеции, волн расширения, сохранив изначальную агрессивную природу НАТО. Самообман обоих лидеров в своих ожиданиях проистекал из отсутствия собственной критической оценки западных стран как исторических недругов России и почти безграничной веры в порядочность Запада. В этой связи недавно высказанные президентом В. Путиным предостережения о «наивности» и «избыточной доверчивости» должны послужить своего рода «прививкой» от веры на слово так называемым западным партнерам. Стиль общения России со странами коллективного Запада стал более жестким. Изменилась и сама Россия. Сегодня внутренне окрепшая и многократно усилившаяся в экономическом и военном отношении, а также в информационно-пропагандистском плане Россия полна решимости сорвать вынашиваемые командованием НАТО и коллективным Западом замыслы вовлечь в Альянс новые страны, в том числе ранее входившие в состав СССР.

Ничего еще не было сказано о том, какими соображениями руководствовались руководители СССР и России при выстраивании в 1990-е годы отношений с НАТО. М. Горбачев просто поверил без каких-либо внятных объяснений обещаниям лидеров стран НАТО, что альянс «ни на дюйм» (выражение госсекретаря США Дж. Бейкера) не расширит свою юрисдикцию на восток. Б. Ельцин исходил из ложных посылок о завершении политического соперничества между правопреемницей СССР Россией и США и установлении таких отношений, какими они названы в документе «Хартия российско-американского партнерства и дружбы» (1992), а также об окончании блокового противостояния НАТО и ОВД после самороспуска последнего. При такой идеализированной картине почти бесконфликтного мира Б. Ельцин еще до ознакомления с докладом СВР вполне мог уверовать в возможность трансформации НАТО в будущем в миролюбивую стабилизирующую силу.

Коллективный Запад ответил на эти ожидания шестью, начиная с 1990-х годов, волнами расширения НАТО, последней из них стал прием в состав Альянса Швеции и Финляндии. Крушение надежд М. Горбачева и Б. Ельцина на соблюдение обещаний о не расширении НАТО и

изменение роли Альянса связано, с одной стороны, с другой – с почти безграничной верой в порядочность коллективного Запада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Примаков Е. М. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999

REFERENCES

1. Primakov, E. M. (1999). Godi v bolshoy politike = Years in the grand politics. Moscow. Collection “Top secret” 1999. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлин Игорь Викторович
доктор исторических наук, профессор

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailin Igor Viktorovich
Doctor of History (Dr. habil), professor

Статья поступила в редакцию	24.10.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.11.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.3

Организационное доверие в органах внутренних дел: теоретический и эмпирический анализ

О. В. Зуева

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия
olgazueva-l@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется теоретический и эмпирический концепт «организационного доверия» в контексте полицейских организаций, позволяющий выделить его структуру и оценить уровень. Используются общенаучные методы (анализ, синтез) и частно научный метод (социологический опрос в форме анкетирования). Результаты эмпирического анализа указывает на необходимость повышения доверия в полицейских организациях на трех уровнях: транзакционном, горизонтальном и вертикальном.

Ключевые слова: организационное доверие, органы внутренних дел, руководители, подчиненные, сотрудники полиции

Для цитирования: Зуева О. В. Организационное доверие в органах внутренних дел: теоретический и эмпирический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 91–98.

Original article

Organizational Trust in the Internal Affairs Bodies: Theoretical and Empirical Analysis

Olga V. Zueva

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
olgazueva-l@rambler.ru

Abstract. The article analyses the theoretical and empirical concept of "organisational trust" in the context of police organisations, which allows us to identify its structure and assess its level. General scientific methods (analysis, synthesis) and private scientific method (sociological survey in the form of questionnaires) are used. The results of the empirical analysis indicate the need to increase trust in police organisations at three levels: transactional, horizontal and vertical.

Keywords: Organizational trust, internal affairs agencies, managers, subordinates, police officers

For citation: Zueva, O. V. (2024). Organizational trust in the internal affairs bodies: theoretical and empirical analysis. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 91–98.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних десятилетий тема доверия находится в центре научных исследований в области управления организациями. Становление доверия в качестве основного направления исследований в области организационных наук в немалой степени отражает большое количество фактических данных, документирующих существенные и разнообразные выгоды, которые возникают при установлении доверия в рамках организации.

Укрепление доверия является ключевым компонентом эффективности функционирования организации. Доверие необходимо в отношениях любого рода. Для его создания требуется время, а вот разрушить его можно за считанные секунды. Отсутствие доверия в подразделениях порождает подозрительность, недоверие и увеличивает возможности для недопонимания. Опытные управленцы отмечают, что им требуется значительно больше времени для реализации задач, когда возникает недопонимание. И даже после того, как задачи решены и цели достигнуты, потраченные впустую время и энергия заставляют чувствовать себя опустошенными и неудовлетворенными.

В сочетании с этим убедительным доказательством преимуществ доверия мы остро осознаем проблематичный характер организационного доверия в полицейских организациях. В настоящий момент активно изучается проблема общественного доверия органам внутренних дел и не уделяется внимание исследованию организационного доверия в полицейских организациях. Вместе с тем зарубежные авторы считают, что доверие сотрудников полиции к гражданам будет мотивировать полицию к оперативному реагированию и сотрудничеству с гражданами (например, в той или иной форме поддержания общественного порядка) [Kraig, Harrison, Zak, 2021]. Исследования, проведенные среди государственных служащих, работающих в различных функциональных областях, показали важность доверия к гражданам. Отмечено, что уровень доверия государственных служащих к гражданам влияет на степень их приверженности к участию граждан в административном процессе. Было обнаружено, что чиновники с высоким уровнем доверия к гражданам более склонны поощрять участие граждан, чем чиновники с низким доверием к ним. Подкрепляет мнение о том, что доверие способствует поддерживающему поведению (в отношениях между должностными лицами и руководителями), современная теория социального обмена. Таким образом, исследование организационного доверия является актуальным не только с точки зрения улучшения социально-психологического климата в полицейских коллективах, но и в аспекте формирования отношений сотрудничества должностных лиц с гражданами, в основе которых лежит взаимное доверие.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ДОВЕРИЯ

Интерес к доверию как важному аспекту функционирования организации первоначально был стимулирован рядом значительных работ по социальному доверию, в том числе исследованиями Р. Патнэма, в которых доверие рассматривается как критический фактор в объяснении истоков гражданской активности и развития демократических режимов в итальянских сообществах. В своей работе «Политическая наука» он написал о доверии следующее: «Общество, которое полагается на всеобщую взаимность, более эффективно, чем недоверчивое общество, по той же причине, по которой деньги более эффективны, чем бартер. Честность и доверие сглаживают неизбежные трения социальной жизни» [Putnam, 2020, с. 135].

Аргумент Р. Патнэма привлек широкое внимание, и за ним последовал сравнительный обзор доказательств того, что доверие играет решающую роль в функционировании общества, проведенный Ф. Фукуямой. [Фукуяма, 2006]. Ф. Фукуяма определяет доверие как социальный капитал, который может накапливаться или размываться с течением времени. Он обсуждает концепцию социального капитала и его взаимосвязь с доверием, подчеркивая важность сильных социальных сетей и гражданской активности в построении доверия. Ф. Фукуяма также исследует последствия обществ с низким уровнем доверия.Он утверждает, что общества с низким уровнем доверия сталкиваются с многочисленными проблемами, включая коррупцию, политическую нестабильность и экономический застой. Он исследует тематические исследования из разных стран, чтобы проиллюстрировать эти проблемы и потенциальные пути их решения.

Социолог Дж. Коулман заметил, что «…группа, члены которой проявляют надежность и полностью доверяют друг другу, сможет достичь гораздо больше, чем у сопоставимой группы, лишенной такой надежности и доверительности… В фермерском сообществе… где один фермер получает тюки сена от другого и где сельскохозяйственные инструменты широко одалживаются, доверие позволяет каждому фермеру выполнять свою работу с меньшими затратами физического капитала в виде инструментов и оборудования» [Coleman,

1990, с. 304]. Аналогичным образом, экономист К. Эрроу, как известно, заявил, что «практически каждая коммерческая транзакция содержит в себе элемент доверия, безусловно, любая транзакция, проводимая в течение определенного периода времени. Можно убедительно утверждать, что большая часть экономической отсталости в мире может быть объяснена отсутствием взаимного доверия» [Arrow, 1972, с. 357].

В последующие годы фонд исследований проблемы доверия пополнился взглядами исследований Е. Усланера, Р. Хардина, П. Штомпки и др. Первый рассматривает доверие как интернализованную ценность. Она отражает то, как индивид должен воспринимать окружающих и должен вести себя по отношению к другим. Доверие, как правило, наследуется посредством культурной преемственности и зависит от индивидуальной психологической предрасположенности, а не от ожиданий взаимности, личного опыта или предполагаемых мотиваций [Uslaner, 2003]. Для Р. Хардина также, как и для Дж. Коулмана, доверие концептуализируется как вера или ожидание, построенное на личном опыте общения с другими людьми и зависящее от их надежности. Здесь доверие рассматривается как оценка человеком другого человека, основанная на социальном познании [Hardin, 2002]. Польский социолог П. Штомпка считает, что «доверие – «залог» (уверенность и опирающиеся на нее действия), свидетельствующий о том, что неопределенные будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны» [Штомпка, 2012, с. 112].

Рассматриваемые в совокупности, материалы исследователей в области доверия, сводятся к выводу о том, что доверие часто представляет собой важный ресурс в рамках социальных систем. Оно имеет важное значение для межличностных отношений, групповой динамики, гражданской вовлеченности и общество в целом. И всё же доверие – это не абстрактное социологическое понятие, подобное габитусу (Бурдье) или институциональному изоморфизму (Димаджио и Пауэлл), которое существует за пределами осознания людей в их повседневных делах. Напротив, это эмерджентное свойство социальной жизни, встроенное в социальные отношения и лично переживаемое обычными людьми. Доверие способствует сотрудничеству и облегчает социальное взаимодействие – независимо от целей или того, что поставлено на карту – в социальной жизни. С доверием возможен социальный порядок; без доверия вероятен социальный конфликт.

Хотя большая часть первоначальных свидетельств о преимуществах доверия как социального ресурса относилась, строго говоря, к социальным системам в целом, организационные последствия этих аргументов и эмпирических выводы не остались незамеченными. К. Диркс и Д. Скарлицки исследуют важность доверия в отношениях между руководителями и подчиненными. В частности, они исследуют, как доверие к руководителям способствует эффективному функционированию внутри групп и организаций. К. Диркс и Д. Скарлицки отмечают, что большая часть существующих на сегодняшний день теорий и исследований о доверии к руководителям, как правило, основана на взаимоотношениях или на характере [Dirikx, van den Bulck, 2014]. Перспективы доверия, основанные на взаимоотношениях, подчеркивают важность того, как подчиненные интерпретируют свои отношения с руководителем. Отношения или социальная связь между руководителями и подчиненными включает в себя такие компоненты, как осознание общей идентичности, признание общего происхождения и истории совместного взаимодействия.

Перспективы, основанные на характере, неотделимы от человеческого фактора. Они фокусируются на характеристиках руководителей. Уровень доверия к ним напрямую зависит от их характеристик. Согласно этой точке зрения, доверие подчиненных к руководителям зависит от их восприятия справедливости, надежности или компетентности руководителей. К. Диркс и Д. Скарлицки отмечают, что с точки зрения взаимоотношений, руководители и подчиненные существуют в отношениях обмена. Если у субъектов этих взаимоотношений формируется позитивное настроение, это со временем приводит к укреплению взаимного доверия. Показательна характерологическая точка зрения на профессиональную деятельность. Подчиненные действуют в соответствии с предпочтениями руководителя в той мере, в какой характеристики, которые они приписывают руководителям, оправдывают такие действия. Таким образом, подчиненные будут готовы реализовать модели поведения, которые подвергают их риску, когда они приписывают своим руководителям компетентность и доброжелательность.

Роль доверия в эффективности и успехе организации рассматривается в статье Джона Дарли [Ashkanasy, 2006]. Чтобы выполнять работу организации, отмечает Дарли, сотрудники должны быть готовы соблюдать организационные правила и директивы. Они должны выполнять свою роль. Однако успех зависит не только от этого. Он также зависит от добровольных усилий работников, включая готовность предпринимать действия, выходящие за рамки их должностных инструкций или формальной роли в организации. Мотивация сотрудников к выполнению этих «внеролевых действий»

лежит в основе многих организационных теорий и исследований.

Уровни внутриорганизационного доверия стали предметом изучения Д. и М. Рейна. Авторы выделили контрактное, коммуникативное и компетентностное доверие [Reina D., Reina M., 1999]. Контрактное доверие является базовым доверием. Работники, в соответствии с контрактом, знают, за что они несут ответственность и что от них ожидают. На основе контракта появляются взаимные обязательства, которые становятся условием формирования доверия. Коммуникативное доверие формируется в благоприятной социально-психологической среде организации. Именно она обеспечивает честное и открытое общение и формирует доверительные отношения в организации. Третий вид доверия связан с компетентностью коллег. Доверие формируется тогда, когда мы видим в коллегах и руководителях профессионалов. Особое место в структуре организационного доверия занимает транзакционное доверие, формирующее коллективность, опирающуюся на понимание цели организации.

Н. Хаше, Л. Хеглунд и М. Мортенссон обращают свое внимание на внутриорганизационное доверие в общественных организациях. В отличие от предыдущих исследований, сосредоточенных на доверии на одном уровне, исследовательницы изучают межличностное доверие как в вертикальных, так и в горизонтальных отношениях с двунаправленной точки зрения. Предпосылками доверия являются такие качества личности, как способность, доброжелательность и честность [Hasche, Höglund, Mårtensson, 2020].

В трудах отечественных исследователей проблема внутриорганизационного доверия не остается без внимания. А. Н. Тарасова и Е. В. Андрианова заключили, что внутриорганизационное доверие, включающее в себя взаимопонимание в коллективе, персонализированное доверие к руководителю, способствует инновационной активности сотрудников [Тарасова, Андрианова, 2016]. Н. И. Леонов и И. Ю. Леонова определили, что доверие членов коллектива друг к другу повышает их стремление к взаимопомощи и снижает уровень конфликтности в организации [Леонов, Леонова, 2016]. С. С. Гордеева и Ю. С. Маркова утверждают, что «доверие сотрудников повышает их приверженность организации и удовлетворенность трудом, способствует укреплению сотрудничества и командной работы». В ходе анализа они установили: «чем выше доверие в организации, тем выше ее способность достигать поставленных стратегических, тактических, оперативных целей, обеспечивать производительность труда, продуцировать инновации, поддерживать высокую мотивацию персонала и благоприятный социально-психологический климат» [Гордеева, Маркова, 2021, с. 654]. Социальный феномен доверия в социальном управлении военной организацией концептуализирован М. В. Барановским, который выделяет три плоскости доверия в военной организации: доверие общества военной организации, доверие в самой военной организации и доверие военнослужащих социальным государственным институтам. Доверие в самой военной организации, по мнению Барановского, проявляется в конкретных ситуациях управленческого воздействия [Барановский, 2021].

Междисциплинарный анализ, ориентированный, прежде всего, на управленческую и социологическую науку, позволяет определить организационное доверие как уверенность сотрудников в действиях самой организации. Ключевым признаком социальной организации является цель, достижение которой возможно при взамодействии всех членов организации. Понимание общности цели является транзакционным доверием. Организация как социальная система имеет свою горизонтальную и вертикальную структуру. Соответственно для достижения цели организации важно также и формирование горизонтального и вертикального доверия в организации. Данный подход позволяет выделить три ключевых уровня доверия в организации (транзакционное, горизонтальное и вертикальное) и осуществить эмпирический анализ доверия в полицейских организациях.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОВЕРИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В последние годы теоретизация и исследования доверия граждан к полиции значительно расширились, в то время как проблема доверия в полицейских коллективах привлекала мало внимания. Теоретические и эмпирические представления о доверии сотрудников полиции очень ограничены. В связи с этим нами был проведен анкетный опрос сотрудников полиции, обучающихся на факультете подготовки руководителей территориальных органов МВД России в Академии управления МВД России на предмет изучения уровня доверия среди сотрудников. Учитывая специфику образовательной организации, необходимо отметить, что право на обучение в данном образовательном учреждении имеют сотрудники, включенные в кадровый резерв, или те, кто уже находится на руководящей должности в органах внутренних дел Российской Федерации. В ходе анкетирования было опрошено 300 человек, являющихся представителями более 50 субъектов Российской Федерации. Ошибка выборки составляет 5 %.

В ходе опроса было установлено, что более 56,7 % сотрудников в настоящий момент испытывают «уверенность в себе», у 42,2 % имеется «надежда на лучшее», у 34,4 % «рабочий настрой». Вместе с тем среди сотрудников есть и те, кто испытывает усталость (13,3 %), неуверенность (4,4 %) и беспокойство (4,4 %). Последняя группа как раз и входит в 4,4 % сотрудников, которые, оценивая перспективы своей службы, выбрали вариант «уволюсь при первой возможности».

Чувства, которые испытывает полицейский в настоящий момент, оценка перспектив своей дальнейшей службы не может не отражаться на уровне организационного доверия. Учитывая то, что в организационных условиях достоинства доверия как социального ресурса обсуждаются главным образом на трех уровнях, задачей нашего исследования стало определение степени доверия на каждом из них. *Во-первых*, важной темой является конструктивный эффект в отношении снижения транзакционных издержек внутри организаций. *Во-вторых*, исследуется роль доверия в горизонтальных отношениях между членами организации. *В-третьих*, анализируется уровень доверия между руководителями и подчиненными. Следует отметить, что большая часть признания достоинств доверия как социального ресурса вытекала из необходимости современных организаций быстро адаптироваться к высокоскоростной внешней среде.

Транзакционные издержки – это «способ, с помощью которого устанавливается порядок в отношениях, где потенциальный конфликт может разрушить возможности реализации взаимных выгод» [Williamson, 1996, с. 36]. Используя типологию транзакционных издержек Э. Фуруботона и Р. Рихтера (политические, управленческие и рыночные), отметим, что доверие в полицейских организациях снижает управленческие транзакционные издержки [Фуруботн, Рихтер, 2005]. К ним относятся издержки создания и поддержания функционирования организационного дизайна (элементов структуры организации, служащих средством достижения целей и реализацией стратегии), а также издержки, связанные с затратами на принятие управленческих решений, мониторинг исполнительской дисциплины и анализ результатов деятельности сотрудников. Транзакционное доверие способствует понимание общей цели организации, благодаря которому развивается кооперация в интересах общего дела.

Для определения данного уровня доверия сотрудникам был задан вопрос: «Насколько Вы сами доверяете полиции?» Оказалось, что «в полной мере доверяют» только 43 % полицейских, «не совсем доверяют» 45,8 % и «не доверяют» – 4,2 % сотрудников. Кроме того, у 33,1 % правоохранителей бы негативный опыт выполнения служебных задач, в ходе которого доверие к структуре снижается. О том, что российская полиция справляется со своими обязанностями на «отлично» считает 4,2 % опрошенных, «на хорошо» – 24,6 %, «удовлетворительно» – 62,7 % и «неудовлетворительно» – 6,5 % полицейских. Подобная картина показывает наличие проблемы доверия в системе органов внутренних дел. Усугубляет картину транзакционного доверия и наличие обособленности подразделений в органах внутренних дел. Как правило, полицейские заинтересованы в решении задач своего подразделения, их не интересует деятельность иных служб. Нередко полицейские считают, что другие службы неэффективно работают, и оцениваю их морально-этический облик с негативной точки зрения. Обработка открытого анкетного вопроса с помощью «облака тегов» показала, что полицейские негативно относятся к сотрудникам ДПС, с подозрительностью к сотрудникам ОБЭПиПК и другим службам (см. рис. 1).

Не менее важное значение в органах внутренних дел имеет горизонтальное доверие. Доверие во взаимоотношениях полицейских может повысить безопасность, эффективность, укрепить коммуникацию, поднять моральный дух и сделать полицейское управление более успешным. Благодаря доверию формируется команда. Известно, что хорошо функционирующая команда обладает синергией; члены группы работают вместе и независимо друг от друга, совершенствуя идеи и действия друг друга. Хорошо функционирующая команда работает взаимозависимо; каждый сотрудник зависит от другого в выполнении своей работы. Кроме того, в хорошо функционирующей команде члены поддерживают друг друга как профессионально, так и эмоционально. Наконец, в хорошо функционирующей команде ее участники ставят перед собой единую цель, утверждают единую систему ценностей. Эмпирический анализ горизонтального доверия в среде полицейских характеризует отношения в коллективе как товарищеские (46,1 %) и деловые (34,8 %). Вместе с тем нельзя исключать тот факт, что 11,2 % сотрудников характеризуют отношения как «нейтральные», 6,7 % – «напряженные» и 1,1 % – «неприязненные». «Полностью удовлетворены» состоянием межличностных взаимоотношений в подразделении 32,2 %, «удовлетворены» 55,6 %, «скорее не удовлетворены» – 12,2 %. Абсолютно «не удовлетворенных» среди опрашиваемых не оказалось. Неформальные отношения в свободное от работы время часто поддерживают 16,7 % сотрудников. Стараются избегать компании своих коллег 12,2 % респондентов и 71,1 % полицейских редко проводят выходные в компании коллег. При выполнении

Рис.1. Распределение ответов на вопрос: «Какие ассоциации у вас возникают при упоминании представителей различных подразделений полиции?» (слева сотрудники ДПС, справа – ОБЭПиП)

реальных сложных оперативных задач уверенность в своих коллегах испытывает большинство опрошенных и 7,8 % «абсолютно не уверены». Наиболее комфортной формой выполнения служебных задач является работа в составе небольшой группы (57,8 %), при этом 20 % сотрудников предпочитают работать в одиночку. Таким образом, горизонтальный уровень организационного доверия в органах внутренних мы можем оценить как удовлетворительный, но требующий к себе достаточного внимания. Большинство сотрудников считают, что с коллегами «следует быть осторожными» (51,1 %). Данный показатель демонстрирует наличие проблемы недоверия в подразделениях.

Поведение руководителей первого звена является единственным наиболее важным фактором, способствующим командной работе среди сотрудников. Исследования вертикального уровня доверия в полиции показывают, что руководители должны относиться к каждому сотруднику одинаково и справедливо, независимо от расы, религии, пола или дружбы, и должны проявлять заботу о личном благополучии каждого. Руководитель должен строго относиться к сотрудникам, которые пренебрегают стандартами работы в команде, и не должен позволять сотрудникам унижать друг друга. Наконец, руководители должны структурировать работу таким образом, чтобы улучшить взаимопонимание и коммуникацию между сотрудниками.

Доверие между руководителями и их подчиненными в немалой степени зависит от наличия у руководителей возможности взаимодействовать со своими подчиненными и обучать их. Кроме того, доверие влечет за собой поддержку, а поддержка влечет за собой защиту. В частности, чувство защищенности подчиненных от вмешательства извне является сильным предиктором доверия к руководителю. Таким образом, способность руководителя оградить подчиненных от изнурительной организационной политики и деструктивного вмешательства в дела очень важна для процесса укрепления доверия. Анализ результатов анкетного опроса среди сотрудников полиции показывает наличие проблемы во взаимоотношениях руководителей и подчиненных. Так 40 % сотрудников считают, что современные руководители не интересуются проблемами своих подчиненных и не стараются вникать в их потребности. Хотя большинство сотрудников считают, что руководителям можно доверять (60 %), значительная часть (40 %) полагают, что с непосредственным руководителем следует быть осторожным.

Таким образом, проблема вертикально доверия в полицейских организациях требует повышенного внимания, поскольку возникшее в ходе взаимодействия напряжение порождает у подчиненных негативные эмоции (разочарование, фрустрацию, неудовлетворенность, гнев и т. д.) и, при определенных условиях, увеличивает вероятность враждебного отношения к руководителям. И, напротив, ежедневный положительный опыт честного и законного поведения руководителей способствует убеждению в том, что это распространенный тип поведения.

Действуя честно, руководители задают тон, поощряют офицеров вести себя честно и мотивируют офицеров ожидать, что большинство других людей будут вести себя аналогичным образом. Это ожидание порождает всеобщее доверие. Восприятие сотрудниками полиции внутренней справедливости повлияет на их доверие не только к начальству, но и к гражданам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организационное доверие органов внутренних дел – это уверенность сотрудников полиции в правильности миссии и цели организации, а также уверенность в действиях своих коллег и руководителей, позволяющая совместно решать служебные задачи. В полицейских организациях доверие необходимо для создания сплоченных команд, которые, работая вместе, способны добиваться хороших результатов в сфере обеспечения общественного порядка. С целью повышения уровня доверия в органах внутренних дел необходимо учитывать его трехуровневую структуру в организациях. Транзакционное доверие полицейских необходимо формировать через организационную культуру, ориентированную на понимание среди сотрудников миссии, цели и политики организации. Горизонтальный уровень доверия достигается с помощью постоянной работы по улучшению социально-психологического климата в коллективе. Вертикальный уровень доверия зависит от уровня управленческой культуры руководителя. Требовательность, справедливость, развитие потенциала и защита своих подчиненных со стороны руководителей не только способствует формированию доверия подчиненных своим руководителям, но и мотивирует их на сотрудничество с гражданами. Таким образом, формирование доверия в органах внутренних дел является не менее важной задачей, чем формирование общественного доверия, поскольку способствует формированию отношений сотрудничества между институтом полиции и обществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kraig, A., Harrison, E. R., Zak, P. J. The impact of organizational trust on the performance of police departments // SN Social Sciences. 2021. # 1(12). P. 1–21.
2. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, NY: Free Press. 2000.
3. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ : Хранитель, 2006.
4. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA : Harvard University Press. 1990.
5. Arrow K. J. 'Gifts and Exchange.' Philosophy and Public Affairs. 1972.
6. Uslaner E. M. Varieties of Trust // European Political Science. 2003. № 2. P. 43–49.
7. Hardin R. (ed.). Trust and Trustworthiness. New York: Russell Sage Foundation. 2002.
8. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
9. Dirikx A., Van Den Bulck J. Media use and the process-based model for police cooperation: An integrative approach towards explaining adolescents' intentions to cooperate with the police // British Journal of Criminology. 2014. # 54. P. 344–365.
10. Ashkanasy N. M. Trust and Distrust in Organizations: Dilemmas and Approaches // Contemporary Sociology A Journal of Reviews. 2006. # 35(1). P. 1-18.
11. Reina D. S., Reina M. L. Trust and Betrayal in the Workplace: Building Effective Relationships in Your Organization. San Francisco, Berrett-Koehler Publishers. 1999.
12. Hasche N., Höglund L., Mårtensson M. Intra-organizational trust in public organizations – the study of interpersonal trust in both vertical and horizontal relationships from a bidirectional perspective // Public Management Review 2020. # 23(1). P. 1–21.
13. Тарасова А. Н., Андрианова Е. В. Инновационная активность и внутриорганизационное доверие: проблема взаимосвязи // Власть. 2016. Т. 24. № 11. С. 130–137.
14. Леонов Н. И., Леонова И. Ю. Влияние доверия в организации на стратегии поведения сотрудников в конфликтной ситуации // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 53–70.
15. Гордеева С. С., Маркова Ю. С. Роль организационного доверия в обеспечении эффективности и продуктивности деятельности современной организации (опыт зарубежных исследований) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 654–661.
16. Барановский М. В. Доверие в социальном управлении военной организацией: автореф … дис. д-ра соц. наук. М., 2021.
17. Williamson O. The Mechanisms of Governance. New York: Oxford University Press. 1996.
18. Фуруботн Э., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: достижения новой институцион. экон. теории / пер. с англ. под ред. В. С. Катькало и Н. П. Дроздовой. СПб.: Издат. Дом СПбГУ, 2005.

REFERENCES

1. Kraig, A., Harrison, E.R. & Zak, P.J. (2021). The impact of organizational trust on the performance of police departments. SN Social Sciences, 1(12), 1–21.
2. Putnam, R. (2000). Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, NY: Free Press.
3. Fukuyama, F. (2006). Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu = Trust: Social Virtues and the path to Prosperity. Moscow, AST; Hranitel' (In Russ.)
4. Coleman, J. (1990). Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Arrow, K. J. (1972). 'Gifts and Exchange.' Philosophy and Public Affairs.
6. Uslaner, Eric M. (2003). 'Varieties of Trust.' European Political Science, 2, 43–49.
7. Hardin, R. (ed.). (2002). Trust and Trustworthiness. New York: Russell Sage Foundation.
8. Shtompka, P. (2012). Doverie – osnova obshchestva = Trust is the foundation of society. Moscow, Logos. (In Russ.).
9. Dirikx, A. and Van Den Bulck J. (2014). Media use and the process-based model for police cooperation: An integrative approach towards explaining adolescents' intentions to cooperate with the police. British Journal of Criminology, 54, 344–365.
10. Ashkanasy N., M. (2006). Trust and Distrust in Organizations: Dilemmas and Approaches. Contemporary Sociology A Journal of Reviews, 35(1), 1–18.
11. Reina, D. S., Reina, M. L. (1999). Trust and Betrayal in the Workplace: Building Effective Relationships in Your Organization. San Francisco, Berrett-Koehler Publishers.
12. Hasche, N., Höglund, L., Mårtensson, M. (2020). Intra-organizational trust in public organizations – the study of interpersonal trust in both vertical and horizontal relationships from a bidirectional perspective. Public Management Review, 23(1), 1-21.
13. Tarasova, A. N., Andrianova, E. V. (2016). Innovation activity and intra-trust: the problem of relationship. Vlast', 24(11), 130–137. (In Russ.).
14. Leonov, N. I., Leonova, I. Yu. (2016). Vliyanie doveriya v organizacii na strategii povedeniya sotrudnikov v konfliktnoj situacii. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika, 26(1), 53–70. (In Russ.).
15. Gordeeva, S.S., Markova, Yu. S. (2021). The role of organizational trust in ensuring the effectiveness and productivity of a modern organization (experience of foreign research). Vestnik of Perm' University. Philosophy. Psicology. Sociology, 4, 654–661. (In Russ.).
16. Baranovskii, M. V. (2021). Doverie v socialnom upravlenii voennoi organizaciei: abstract of PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)
17. Williamson, O. (1996). The Mechanisms of Governance. Oxford University Press.
18. Furubotn E., Rihter R. (2005). Instituty i ekonomicheskaya teoriya = Institutions and Economic Theory: Achievements of the New Institutional Economic Theory. Translated from English, ed. by V. V. S. Kuznetsov. C. Katkalo and N. P. Drozdova. Dostizheniya novoj institucional'noj ekonomicheskoj teorii.St. Petersburg: Izd. Dom SPbGU. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОР*Е*

Зуева Ольга Владимировна

кандидат социологических наук, доцент
заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления Министерста внутренних дел России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zueva Olga Vladimirovna

PhD (Sociological Sciences), Assoc. Prof.
Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration
Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia

Статья поступила в редакцию	10.01.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	08.02.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.023.6

Тенденции объективации категории «эффективность управления» руководителями органов внутренних дел (поколенческий анализ)

Д. Г. Передня[1], **Д. Н. Погребной**[2]

[1,2]*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации*
Москва, Россия
[1]*2975829@mail.ru*
[2]*d.pogrebnoi@list.ru*

Аннотация. В статье на основе эмпирических данных показан сравнительный анализ представлений руководителей органов внутренних дел о критериях эффективности управления. Обнаружена и описана содержательная разница в концептуализации понимания категории «эффективное управление» руководителей двух старших поколений. Предполагается, что выявленные отличия являются следствием реформы органов внутренних дел 2011 года, в ходе которой осуществлен переход от милиции к полиции.

Ключевые слова: эффективность управления, поколение, сотрудники полиции, целедостижение

Для цитирования: Передня Д. Г., Погребной Д. Н. Тенденции объективации категории «эффективность управления» руководителями органов внутренних дел (поколенческий анализ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 99–104.

Original article

Trends in the Objectification of the Category “Management Efficiency” by Heads of Internal Affairs Bodies (Generational Analysis)

Dmitriy G. Perednya[1], **Dmitriy. N. Pogrebnoy**[2]

[1,2]*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation*
[1]*2975829@mail.ru*
[2]*d.pogrebnoi@list.ru*

Abstract. The article provides a comparative analysis of the ideas of Russian police leaders about the criteria for management effectiveness. Empirical data obtained by the method of content analysis are used. The leaders of the two older generations were compared. The article describes the substantive difference in their conceptualization of the understanding of the category “effective management”. It is assumed that the identified differences are a consequence of the reform of Russian law enforcement agencies, which was carried out in 2011. At that time, a transition was made from militia to police.

Keywords: management efficiency, generation, police officers, goal achievement

For citation: Perednya, D. G., Pogrebnoy, D. N. (2024). Tendencies of objectification of the category “management efficiency” by heads of internal affairs bodies (generational analysis). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 99–104.

ВВЕДЕНИЕ

Совершенствование государственного управления осуществляется посредством оптимизации управления в отдельных организациях государственного сектора. Одной из таких профессиональных структур являются органы внутренних дел России. Проводниками любых оптимизаций выступают внешние или внутренние субъекты управления. Ими, как правило, выступают лица, принимающие решения. Любые усовершенствования происходят особенно продуктивно, когда есть единое понимание всеми участниками управленческого процесса того, к чему следует стремиться в результате намеченных преобразований.

В данной статье мы сосредоточим внимание на представлениях сотрудников органов внутренних дел из числа руководителей о том, что значит в содержательном плане эффективное управление, через что оно выражается и как ими понимается. Российская полиция – это многоуровневая структура, укомплектованная представителями различных поколений. Нам представляется интересным в теоретическом плане и важным в практическом аспекте, на основе сравнительного анализа, узнать насколько едины представления об эффективности управления действующих руководителей территориальных органов внутренних дел (ОВД) и тех, кого они сменили, кто занимал аналогичные должности около 10 лет назад.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Руководители органов внутренних дел осуществляют социальное управление в интересах обеспечения правопорядка в обществе. В случае социального управления понятие «эффективность» представляет собой значительно менее определенную категорию, нежели, например, эффективность применительно к экономической сфере. Сложность социальной среды порождает сложность понимания содержания понятия «эффективность управления». Необходимость его обеспечения, обсуждение путей достижения, попытки оценивания деятельности через ее эффективность неминуемо вызывают рефлексию субъектов управленческого процесса относительно индивидуального понимания того что стоит за этим словосочетанием. Медиатором понимания эффективности управления выступает язык, посредством которого в сознании индивида занимающего статус начальника того или иного структурного подразделения ОВД, происходит объективация и выражение своих представлений об этом критерии качества управления.

Объективация или *объективизация* (лат. *Objectivus – предметный*) – мыслительный процесс, посредством которого происходит опредмечивание, проектирования наружу собственных представлений о том, что означает выражение «эффективное управление»[1]. Перед исследователями возникает вопрос, как зафиксировать и сравнить внешние вербальные проявления внутренних смыслов, каким должно быть управления с точки зрения его эффективности. Руководитель, являясь активным актором реализации власти должности и авторитета для своих подчиненных, одновременно сам является подчиненным для субъектов более высоких уровней управления. Вследствие чего он является носителем представлений об эффективности управления относительно себя как управляющего и относительно тех, кто им управляет. Создается комплексная сложная проблема обнаружения и понимания конкретных содержательных смыслов, которые индивиды вкладывают в понятие "эффективное управление", оценивают ее, стремятся ее сохранить и по возможности повысить. Процесс объективации субъективного во внешний мир в идеале должен обеспечивать достижение согласия и единого понимания целей деятельности организации. Достижение этого затруднено многими обстоятельствами, например, принадлежность руководителей ОВД к разным поколениям и предполагаем, что это заметным образом отличает их представления об эффективности управления.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе первичных эмпирических данных выявить представления действующих руководителей территориальных отделов полиции о том, в чем именно выражается эффективность управления подразделениями органов внутренних дел и сравнить их с представлениями тех сотрудников, преемниками которых они стали – бывших руководителей подразделений ОВД, которые в настоящее время являются членами ветеранских организаций органов внутренних дел.

МЕТОДЫ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использовался метод незаконченного предложения, представляющий собой вариацию техники словесных ассоциаций. Этот метод позволяет получить данные ограниченной репрезентативности. Однако он особенно продуктивен в процессе изучения относительно однородных групп [Бурлов, Татарова, 1997]. Именно такой профессиональной группой и являются сотрудники органов внутренних дел.

[1]Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000, с. 693.

В первую выборку случайным образом были отобраны 85 респондентов из числа сотрудников ОВД, в настоящее время занимающих руководящие должности. Участники исследования примерно в равных пропорциях представляли все федеральные округа России.

Вторая выборка включала 57 респондентов, отобранных методом основного массива, бывших руководителей подразделений различных уровней милиции (полиции), которые в настоящее время являются членами ветеранских организаций МВД по субъектам Российской Федерации. Стоит отметить, что в исследовании приняли участие ветераны органов внутренних дел из нескольких южных регионов России. Неполная территориальная представленность бывших руководителей полиции в некоторой степени компенсируется тенденцией к их перемещению в южные регионы страны после увольнения. Однако в ходе многолетней службы, исходя из принципа ротации руководящих кадров, они занимали различные должности по всей территории России.

Всем респондентам, на этапе сбора данных, предлагалось завершить предложение «Эффективное управление в ОВД – это…». Затем из полученных высказываний формировались два текста, к которым был применен метод качественно-количественного анализа документов. Алгоритмизированный поиск в тексте модальных элементов содержания осуществлялся при помощи онлайн инструмента «Облако слов» (word cloud). Это программное средство позволило, во-первых, определить частоту слов, используемых в тексте и отражающих представления респондентов о проявлениях эффективного управления в ОВД, во-вторых, выделить и визуализировать ключевые слова по двум выборкам, отражающим предмет нашего исследования.

Далее методом сравнительного анализа двух поколенческих групп была осуществлена проверка гипотезы исследования, которая состоит в следующем: между руководителями ОВД различных поколений имеется существенная содержательная разница в понимании категории «эффективное управление». В некоторой мере данная содержательная разница исследуемого понятия охватывает, простирается, обусловливается и является следствием реформы органов внутренних дел, проведенной в 2011 году в ходе которой произошел переход от милиции к полиции.

ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

На современном этапе вопросы оценки эффективности управления в государственных органах в целом и органах внутренних дел в частности, анализируются учеными довольно регулярно. Для подтверждения, сказанного достаточно упомянуть работы А. Ф. Майдыкова (1998), А. П. Ипакяна (2007), А. Х. Миндагулова (2012), Т. М. Бормотовой (2013), Д. Н. Никитина (2019), А. С. Склярова (2020) и ряда других. При этом в абсолютном большинстве работ при анализе эффективности управления используется нормативистский подход. Такой подход предполагает воздействие на действительность через принятие формальных нормативно-правовых актов. Как известно организация – открытая социокультурная система, элементами которой являются взаимосвязанные группы базовых представлений, проявляющиеся в образе мышления и способах действий на формальном и неформальном уровнях, разделяемые большинством сотрудников и выполняющие функцию регуляции коллективного поведения в совместной трудовой деятельности [Башмаков, Тихонова, 2012]. Наша методика позволяет обогатить представление об эффективности управления в конкретной организации посредством более рельефного и неформального представления содержательных аспектов интерпретации изучаемого понятия непосредственными акторами управленческой деятельности – руководителями. За основу берутся критерии эффективности управления, которым следуют руководители органов внутренних дел. При этом мы помним, что последние являются представителями различных поколений.

Теория поколений в адаптированном к российским реалиям виде достаточно подробно представлена в монографии В. В. Радаева [Радаев, 2019]. Поколения в процессе своего формирования сопереживают социально значимым событиям, что приводит к «усвоению формообразующих принципов интерпретации новых впечатлений и событий, отвечающих предустановленному группой шаблону» [Мангейм, 2000, с. 40]. По классификации поколений, которая используется чаще всего, мы в соответствии с поставленной целью проанализировали поколение беби-бумеров (1943–1963 г.р.) – ветераны ОВД, и поколение «икс» (1963–1983 г.р.) [Радаев, 2019, с. 44] – действующие руководители территориальных органов внутренних дел.

Процесс вторичной социализации в значительной степени унифицирует индивидов внутри системы органов внутренних дел. Это становится заметно уже после первого года службы в полиции. Профессиональные ценности и нормы организационной культуры, ощущение кастовости и корпоративности всех сотрудников неотчуждаемо и необратимо фиксируется на внутриличностном уровне тех полицейских, которые закончили ведомственные учебные заведения. Понимая значительную схожесть по многим профессиональным

и мировоззренческим параметрам, мы сразу сфокусируемся на принципиальной разнице представлений об эффективности управления, которая обнаружилась на эмпирическом уровне.

Эффективность управления органами внутренних дел в представлениях бывших руководителей прочно связана с коллективным началом работы органов правопорядка как единого, цельного механизма. Если начальник сумел организовать, обеспечить и сохранить эту коллективность, значит, он управляет эффективно. При этом достичь такого рода эффективности невозможно без значительной доли у руководителя власти авторитета. Доминирующими словами по частоте встречаемости стали: *коллектив*, *слаженный*, *мы*, *механизм*, *умение работать*, *инициативность*.

Эффективность управления организацией в представлениях действующих руководителей выглядит иначе. Максимальная смысловая модальность представлена через целедостижение. Наиболее частотные слова: *поставленные задачи, достигаются*, *цели*, *обязательно*, *результат*, *сроки*. Когда речь идет о целях, имеются ввиду цели, поставленные кем-то, поступившие из вне, а не сгенерированные руководителем, исходя, например, из понимания особенностей криминогенной ситуации на обслуживаемой территории. Так же предполагается желание их достичь любой ценой. Власть должности в этом случае занимает преобладающие позиции. В последнее время к ориентирам руководителей прибавился эффект «медиатизации» управленческого статуса руководителя, когда «…медиаобраз руководителей органов внутренних дел влияет на представление о деятельности всех органов внутренних дел, от него во многом зависит, как общество воспринимает эту организацию» [Филимонов, Передня, 2017, с. 30].

Фактически мы имеем дело с принципиально разным пониманием эффективности управления. В первом случае предполагается что сплоченное подразделение то, в состав которого входят преданные общему делу сотрудники. Такой коллектив способен постепенно, последовательно, планомерно противодействовать преступности, обеспечивать общественную безопасность. Системная иерархия правоохранительных органов не снимает с руководителя ответственности за всех своих подчиненных, при этом в значительной степени эта ответственность осознается на неформальном уровне и проявляется в максимальной заботе о каждом сотруднике. Взамен этого труда он получает тот или иной уровень авторитета в глазах своих подчиненных. Такое представление об эффективности управления в относительно неблагоприятных ситуациях, например, в условиях задержек выплат денежного содержания заставляло руководителей вникать в нужды сотрудников, даже если они решали свои проблемы путем превышения должностных полномочий. Иллюстрации к сказанному можно найти в сюжете фильма «Майор», который режиссирован Ю. А. Быковым. Фильм вышел на экраны в 2013 году, в то время, когда как раз был период, когда происходила смена управленческих подходов в МВД России, в момент трансформации милиции в полицию.

Современные руководители свободны от подобных рефлексий, связанных с заботой о подчиненных, несмотря на то что на декларативном уровне все осталось по-прежнему. Их понимание эффективности управления сводится к достижению поставленных вышестоящим руководителем целей. В этом им видится залог профессиональной успешности и личной служебной безопасности. Подчиненные осознаются как средство достижения целей, их мнения, нужды, удовлетворенность трудом, вторичны и воспринимаются как помехи, с которыми они как начальники вынуждены сталкиваться, принимать во внимание, по возможности решать. Подобного рода подход к управлению усиливает системоцентричность организации, атомизацию индивидов в служебных коллективах, способствует текучести кадров, но при этом, как правило, все поставленные цели оказываются выполненными, даже если для этого понадобилось исказить реальность и выдать желаемое за действительное.

Рассматривая поколенческий аспект проявления разницы в понимании эффективности управления, обратим внимание на то, что в настоящее время задают тон в процессе управления представители того поколения, которое преобладает на руководящих должностях в конкретный момент времени. К текущему моменту поколение «икс» уменьшает свое влияние и распространенность, хотя из этого поколения рекрутируются кадры на высшие должности в МВД России. Это значит, что они будут выступать в роли фильтров при отборе из младших поколений наиболее близких кандидатов по типу личности, которые соответствуют их представлениям о том, что значит эффективно управлять. Остальным какое-то время придется выполнять их установки, принимать их ценности и нормы. По некоторым оценкам на долю поколения «икс», придется пик усиления авторитаризма в ОВД, после которого возможна обратная тенденция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало наше исследование, между руководителями ОВД двух старших поколений имеется содержательная разница в понимания категории «эффективное управление».

Данная содержательная разница в понимании эффективности управления является следствием реформы органов внутренних дел 2011 года, в ходе которой произошел переход от милиции к полиции. В содержательном плане эта разница приоритетов наблюдается в смещении интерпретации эффективности управления с коллективистских, интегративных начал в сторону целедостиженческих. Также в представлениях руководителей обеих поколенческих групп отсутствуют критерии понимания эффективности управления ОВД через механизм обратной связи с населением [Передня, Захаров, 2018].

Отметим, что структурные и содержательные изменения в организации, вызванные реформированием, способны нарушить преемственность элит и изменить представления руководителей о критериях эффективности управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурлов А. В., Татарова Г. Г. Метод незаконченных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: 4М, 1997. № 9. С. 5–31.
2. Башмаков В. И., Тихонова Е. В. Управление социальным развитием персонала : учебник для студентов учреждений высш. проф. образования. М.: Академия, 2012.
3. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019.
4. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000.
5. Филимонов О. В., Передня Д. Г. Специфика формирования медийного образа руководителя органов внутренних дел на региональном уровне (по материалам фокус-группы) // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 26–31.
6. Передня Д. Г., Захаров Д. В. Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 141–149.

REFERENCES

1. Burlov, A. V., Tatarova, G. G. (1997). Metod nezakonchennyh predlozhenij v izuchenii obraza «kul'turnyj chelovek» = The method of unfinished sentences in the study of the image of a "cultured person". Sociology, 9, 5–31. (In Russ.)
2. Bashmakov, V. I., Tikhonova, E. V. (2012). Upravleniye sotsial'nym razvitiyem personala = Management of social development of personnel. Moscow: Akademija (In Russ.)
3. Radaev, V. V. (2019). Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo = Millennials. How Russian society is changing. Moscow: National Research University «Higher School of Economics» (In Russ.)
4. Mannheim, K. (2000). Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokoleniy – sostyazatel'nost' – ekonomicheskiye ambitsii = Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations – competition – economic ambitions. Moscow: INION RAN (In Russ.)
5. Filimonov, O.V., Perednya, D.G. (2017). Specifika formirovanija medijnogo obraza rukovoditelja organov vnutrennih del na regional'nom urovne (po materialam fokus-gruppy) = Specifics of the formation of the media image of the head of internal affairs bodies at the regional level (based on focus group materials). Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4(44), 26–31. (In Russ.)
6. Perednya, D. G., Zakharov, D. V. (2018). Imidzh sotrudnikov policii skvoz' prizmu social'nyh ozhidanij grazhdan = The image of police officers through the prism of social expectations of citizens. Social and humanitarian knowledge, 2, 141–149. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Передня Дмитрий Григорьевич

доктор социологических наук, доцент
доцент кафедры социологии
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства Обороны Российской Федерации

Погребной Дмитрий Николаевич

кандидат социологических наук
ст. помощник начальника отдела организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства Обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Perednya Dmitriy Grigorievich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Sociology of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Pogrebnoy Dmitriy Nikolaevich

PhD (Sociology)
Senior Assistant to the Head of the Department for Organisation of Scientific Work
and Training of Scientific-Pedagogical Personnel
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	15.01.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.02.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.4

Динамика удовлетворенности жизнью военных пенсионеров

А. И. Смирнов

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
e-mail: smir_al@bk.ru

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения «Высшая школа экономики» (National Research University Higher School of Economics)» анализируются динамика и особенности удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью в период с 2007 по 2022 год. Внимание сфокусировано на динамическом анализе уровня и отдельных структурных параметров удовлетворенности жизнью военных пенсионеров в условиях неопределенности и нестабильности трансформирующегося общества, который помогает расширить представление об особенностях социальной адаптации данной категории граждан.

Ключевые слова: военные пенсионеры, мониторинг, социальное самочувствие, социальная адаптация, удовлетворенность жизнью

Для цитирования: Смирнов А. И. Динамика удовлетворенности жизнью военных пенсионеров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 105–112.

Original article

Dynamic of Life Satisfaction of Military Pensioners

Alexander I. Smirnov

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
smir_al@bk.ru

Abstract. Using the data from the «Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics» as a foundation, this article analyzes the dynamics and characteristics of life satisfaction of military retirees in the period from 2007 to 2022. Its main focus is to dynamic analysis of the level and structural parameters of life satisfaction of military retirees in the conditions of uncertainty and instability of a transforming society, which helps to expand the understanding of the features of social adaptation of this category of older people.

Keywords: military pensioners, monitoring, social well-being, social adaptation, life satisfaction

For citation: Smirnov, A. I. (2024). Dynamic of life satisfaction of military retirees. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 105–112.

ВВЕДЕНИЕ

Состояние современного российского общества характеризуется возросшей нестабильностью и турбулентностью, динамизмом и противоречивостью социальных процессов, неясностью настоящего и непредсказуемостью будущего. Особенно опасной и разрушительной в силу своей неожиданности и непредсказуемости оказывается сегодня роль случайных событий, затрудняющих осмысленную и продуманную жизнь, продуктивное использование людьми активных адаптационных практик. Ускорившиеся темпы жизни и напряженная работа в таких условиях приводят к повышению физических и психических нагрузок, которые оказывают неослабевающее влияние на настроения и ожидания людей.

Весьма восприимчивы ко всему происходящему военные пенсионеры, представляющие собой специфическую социальную группу. С одной стороны, они находятся в непростой ситуации после увольнения с военной службы, что обусловлено прекращением трудовой деятельности или радикальной сменой профессии, а часто и места жительства, круга друзей и знакомых. Кардинально меняется весь жизненный уклад, ритм жизни военных пенсионеров, их отношения с окружающими, происходит переосмысление жизненного опыта, смена ценностных и идентификационных ориентиров. С другой стороны, большинство военных пенсионеров обладают значительным трудовым потенциалом, основу которого составляет богатый человеческий капитал, представляющий собой совокупность образовательных, профессиональных и квалификационных ресурсов. Очень многие заканчивают военную службу, еще не исчерпав своих физических и творческих резервов, сохранив способность эффективно осваивать новые сферы деятельности, динамично развиваться и совершенствоваться в профессиональном плане. Наиболее квалифицированную и подготовленную часть военных пенсионеров составляют офицеры запаса, имеющие по два или несколько высших образований и значительный опыт управленческой деятельности.

Всё это во многом обусловливает особенности социального самочувствия военных пенсионеров, испытывающих максимальное воздействие противоречивой действительности, всего сложного комплекса факторов неопределенности и риска. Важнейшей характеристикой и надежным индикатором социального самочувствия и социального благополучия военных пенсионеров является удовлетворенность жизнью. Оставляя за скобками анализ многочисленных трактовок этого сложного, многозначного понятия, отметим, что в нашем исследовании удовлетворенность жизнью представляет собой наиболее общую оценку жизни, включающую оценку удовлетворенности человеком самим собой, своими достижениями, ресурсами (средствами), процессами и условиями жизнедеятельности [Зараковский, 2009]. На эти оценки влияют не только условия жизни, но и притязания [Аргайл, 2003], результаты различных сравнений, в том числе сопоставлений со своей прежней жизнью или жизнью других людей [Социологические подходы к изучению социального благополучия, 2021], что особенно важно для анализа динамики удовлетворенности своей жизнью военных пенсионеров как бывших военнослужащих.

Понятие «удовлетворенность жизнью» очень близко по смыслу, но не тождественно терминам «субъективное благополучие» и «счастье». В качестве ключевых показателей субъективного благополучия чаще всего рассматриваются степень удовлетворенности различными аспектами повседневной жизни, а также характерные в разных общественных ситуациях психоэмоциональные состояния [Горшков, 2019], тогда как счастье характеризует такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения[1]. Если удовлетворенность жизнью понимается в большей мере как более устойчивая, рациональная оценка человеком своей жизни, то счастье предстает в качестве наиболее общей, интегральной характеристики целостной жизни человека [Джидарьян, 2013], как обобщенное чувство успешной жизни, обусловленное позитивным восприятием себя в обществе, семье, коллективе, как «положительное эмоциональное состояние субъекта, вызванное положительной оценкой собственной судьбы» [Воркачев, 2003, с. 100]. В отличие от удовлетворенности жизнью понятие «счастье» несет в себе в большей степени эмоционально окрашенную, чувственноэмоциональную оценку человеком собственного жизненного пути.

В данной статье мы попытались проследить основные тенденции изменения уровня удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью в целом и отдельными ее сторонами в условиях возросшей неопределенности и нестабильности трансформирующегося общества. Информационную базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»

[1]Философский энциклопедический словарь. Счастье / редкол.: С. С. Аверницев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1989.

Рис. 1. Динамика удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью в целом, в %

(опросы проводятся осенью каждого года)[1]. К военным пенсионерам в данном исследовании относятся граждане, получающие военную пенсию, а также пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению (инвалид – участник Великой Отечественной войны или из-за военной травмы, заболевания, полученного на военной службе), выплаты как участники боевых действий.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В ЦЕЛОМ

Анализ данных RLMS-HSE показал, что в течение 2007–2022 годов, которые характеризовались резкими изменениями объективных условий жизни россиян, общая оценка удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью была подвержена значительным колебаниям (см. рис. 1). При этом доля респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью, варьировалась от 6 до 11 %, а доля скорее удовлетворенных – от 41 до 54 %. Доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, намного превышала долю недовольных своим существованием. На фоне значительного первоначального роста (2007–2013) и определенной стабилизации в последующий период наблюдались хорошо заметные кратковременные перепады анализируемого показателя.

Исходя из того, что в социологическом измерении удовлетворенность жизнью позволяет определять доминанты социального настроения [Социологические подходы к изучению … 2021], эти всплески и падения во многих случаях можно объяснить соответствующей реакцией респондентов на важные события, которые существенно меняют жизнь людей. Особенно опасной и разрушительной в силу своей неожиданности и непредсказуемости оказывается роль случайных событий чрезвычайного характера, таких как острый финансово-экономический кризис, пандемия коронавирусной инфекции, специальная военная операция, частичная мобилизация и т. п. Прилет очередного «черного лебедя» делает жизнь людей еще более трудной и менее понятной и предсказуемой.

Подобные реакции, имеющие большой спектр проявлений, зачастую оказываются спонтанными, импульсивными. Хорошо заметный рост удовлетворенности жизнью после 2010 года был вызван как повышением уровня жизни военных пенсионеров и их семей по мере ослабления острого экономического кризиса 2008–2009 годов, так и успешной реализацией стратегического курса по возрождению Российской армии, ростом положительных настроений, обусловленных присоединением Крыма к России и другими знаковыми для бывших военнослужащих событиями.

На рисунке 1 хорошо заметен также спад уровня удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью в период распространения пандемии коронавируса и значительный рост после затухания эпидемии. Примечательно то, что ослабление пандемии совпало с началом специальной военной операции, которая оказала огромное влияние

[1]Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS–HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms).

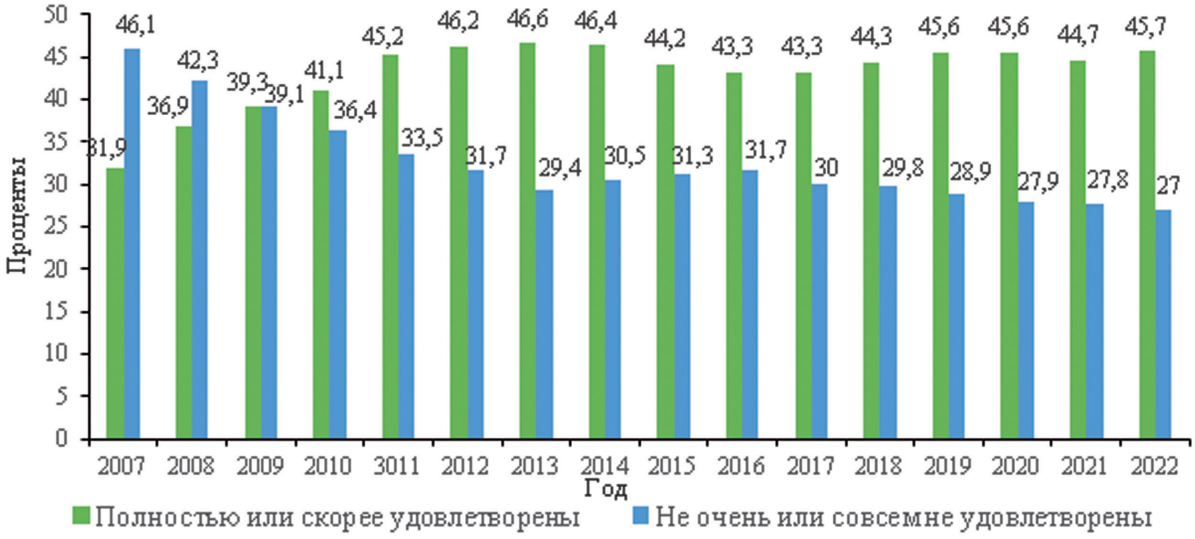
на жизнь россиян и повысила градус тревожности во всем обществе. В то же время спецоперация, ставшая едва ли не главным объектом внимания военных пенсионеров, пробудила у них резкий подъем патриотических настроений. Возвращение к нормальной жизни после пандемии коронавируса и рост патриотических чувств, несмотря на сохраняющийся негативный шлейф, внесли значительный вклад в повышение уровня удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью.

Сравнительный анализ данных мониторинга также показал, что военные пенсионеры значительно превосходят по уровню удовлетворенности жизнью большинство остальных пенсионеров (см. рис. 2) и намного живее и чувствительнее других реагируют на события, меняющие жизнь людей. Достаточно указать, что в последние годы превышение позитивного контингента над негативным достигало среди военных пенсионеров от 2,5 до 4 раз, тогда как среди граждан, получающих трудовую пенсию по стрости (возрасту), включая досрочные пенсии по старости за работу в особых условиях труда или в районах Крайнего Севера, которые составляют подавляющее большинство получателей пенсий – только от 1,3 до 1,7 раз. При этом доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, среди военных пенсионеров из года в год оказывалась в 1,2–1,5 раз больше, чем среди респондентов, получающих трудовую пенсию по старости (возрасту). На рисунке 2 также хорошо видно, что, как и в случае с военными пенсионерами, базовый тренд на повышение уровня удовлетворенности своей жизнью пенсионеров по старости (возрасту) был прерван в 2013 году.

Как уже отмечалось, понятие «счастье» в отличие от очень близких категорий, характеризующихся большей рациональностью, осмысленностью, представляет собой наиболее общую и эмоционально окрашенную, чувственно-эмоциональную оценку человеком собственного жизненного пути. В 2022 году считали себя очень счастливыми» 9,4 % и довольно счастливыми 38,8 % опрошенных военных пенсионеров. Еще 38,9 % респондентов указали, что они скорее счастливы, чем не счастливы, 10,8 % – не очень счастливы и 2,1 % – совсем не счастливы. При этом по сравнению с 2021 годом доля респондентов, ощущающих себя очень или довольно счастливыми, увеличилась почти на 5 п.п., тогда как доля не очень счастливых и совсем не счастливых уменьшилась на 4 п.п.

О том, что удовлетворенность жизнью и счастье очень часто понимаются людьми не одинаково, говорит тот факт, что коэффициент корреляции Спирмена, характеризующий тесноту связи между этими переменными, составил в группе военных пенсионеров только 0,401 (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Причем более конгруэнтными оказались ответы остальных получателей пенсий и всех респондентов в целом: коэффициент корреляции составил соответственно 0,502 и 0,518.

Совпадение высоких показателей удовлетворенности жизнью и ощущения счастья, свидетельствующее о том, что человек с наибольшей вероятностью умеет продуктивно строить свою жизнь,



Примечание: Не приведены данные по позиции «И да, и нет».

Рис. 2. Динамика удовлетворенности пенсионеров по старости (возрасту) своей жизнью в целом, в %

находится в согласии с внешней средой и самим собой, встречается у военных пенсионеров не так уж и часто. В 2022 году такое совпадение было характерно 23,2 % военных пенсионеров, включая около 3 % респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью и одновременно ощущающих себя очень счастливыми.

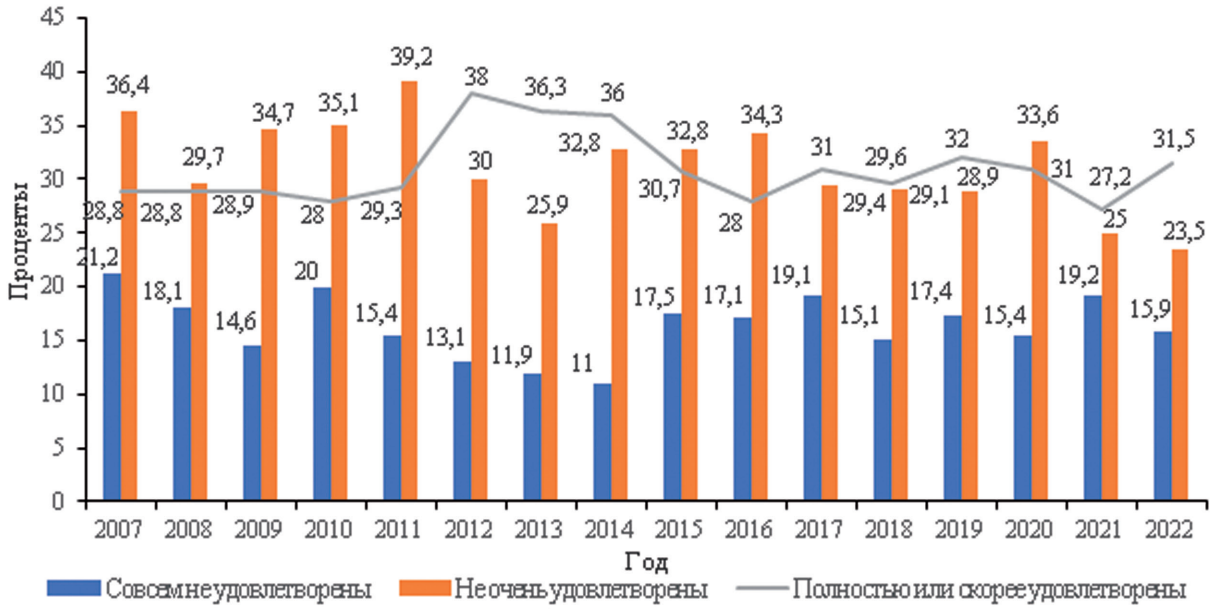
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ И ОЦЕНКА ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ

Превосходство военных пенсионеров над другими пенсионерами по уровню удовлетворенности своей жизнью во многом объясняется более высоким уровнем материальной обеспеченности. Как уже было показано в предыдущих исследованиях, военные пенсионеры превосходят пенсионеров по старости (возрасту) не только по размеру пенсии, но и по уровню своих доходов в целом. Кроме того, военные пенсионеры выделяются на фоне остальных пенсионеров более высокими оценками своего материального положения [Смирнов, 2017].

Военные пенсионеры склонны к более оптимистичным оценкам своего материального положения, нежели остальные пенсионеры. Однако сказанное вовсе не означает, что у военных пенсионеров отсутствуют адаптационные затруднения после прекращения военной службы. Наиболее существенными проблемами уволенных в запас военнослужащих являются социальная невостребованность, снижение уровня жизни, социальная незащищенность, отсутствие качественного медицинского обслуживания. Все отчетливее на первый план выходит также проблема углубленного расслоения военнослужащих запаса, которое проходит не только между работающими и неработающими, между работающими по сферам трудовой деятельности после увольнения, но и в региональной плоскости [Соловьев, 2018].

Дальнейший анализ данных мониторинга показал, что в ответах военных пенсионеров на вопрос, касающийся удовлетворенности своим материальным положением, постоянно преобладает негативный спектр (см. рис. 3). Максимальное превышение негативного спектра над позитивным было зафиксировано в 2011 году (54,6 % против 29,3 %), тогда как минимальное – в 2013 году (37,8 % против 36,3 %). При этом доля респондентов, полностью удовлетворенных своим материальным положением, составляла всего лишь от 2,2 до 6,8 %.

На рисунке 3 обращают на себя внимание два значительных всплеска, демонстрирующих резкий рост позитивного спектра в ответах военных пенсионеров. Один из них пришелся на 2012–2014 годы, что было связано резким увеличением в 2012 году военных пенсий в 1,7–1,9 раза, сыгравшим огромную роль в улучшении экономического положения семей военных пенсионеров. За 2013 год военные пенсионеры получили прибавку к своим пенсиям в размере 7,5 %, в 2014 году – еще на 6,5 %,



Примечание: Не приведены данные по позиции «И да, и нет».

Рис. 3. Удовлетворенность военных пенсионеров своим материальным положением, в %

в 2015 году – на 7,5 %. В последующем военные пенсии росли не так быстро [Соловьев, 2018, с. 227].

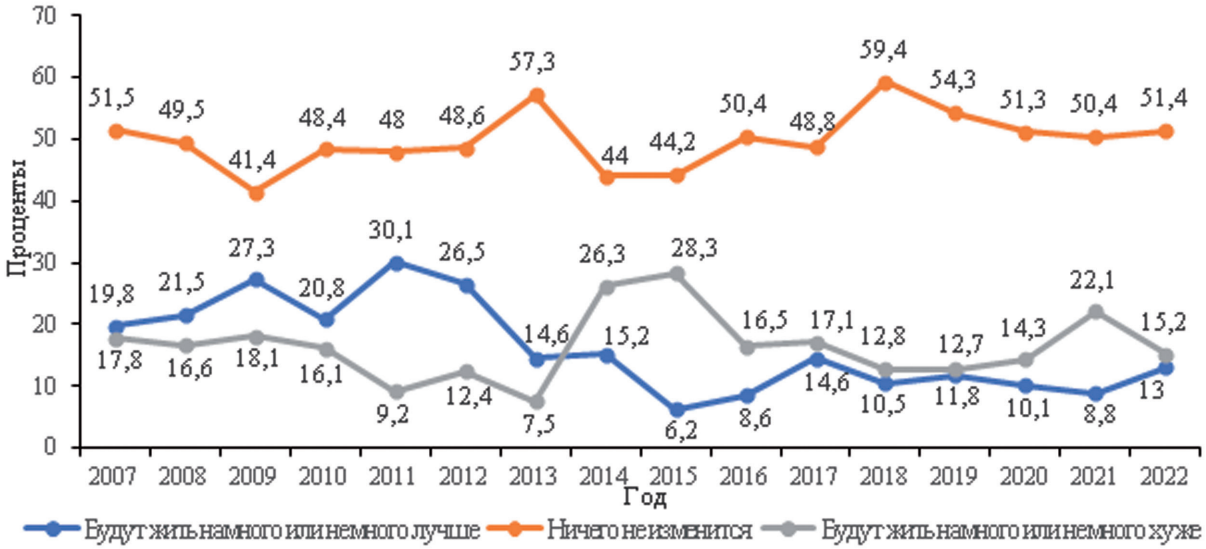
Второй всплеск, отмеченный в 2022 году, можно во многом объяснить причинами психологического характера и, прежде всего, сохраняющейся приверженностью военных пенсионеров ценностям военной службы, военно-профессиональной деятельности. Длительно культивируемая в армии система духовных и материальных ценностей, определяющих готовность к выполнению военнопатриотического долга, в той или иной степени присутствует в сознании значительной части военных пенсионеров. В списке этих ценностей материальная обеспеченность занимает одно из первых мест, но все-таки не главное. Обострившееся в условиях проведения специальной военной операции чувство социальной ответственности стало превалировать у значительной части военных пенсионеров над ценностями и мотивами материального характера. По-видимому, понимание того, что в сложившейся ситуации социальная ответственность и сплоченность важнее выражения недовольства, привлечения внимания к своим частным проблемам, в той или иной мере проявилось в ответах респондентов на поставленные вопросы.

Удовлетворенность жизнью зависит не только от объективного состояния действительности, условий существования, восприятия собственных достижений, но и от ожиданий. Исследование показало, что в последние годы военные пенсионеры стали хуже оценивать свои личные и семейные жизненные перспективы (см. рис. 4). Если в первой половине анализируемого периода, отвечая на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?», порядка 20–25 % указывали, что будут жить лучше, то после 2013 года их доля сократилась вдвое. При этом значительное большинство респондентов, составляющее до половины и более опрошенных, не ожидали каких-либо изменений в своей жизни и еще каждый пятый не мог выразить то или иное определенное мнение.

Кроме того, очень многих постоянно беспокоит то, что они не смогут обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего года. В 2022 году эта проблема в той или иной мере тревожила более 60 % опрошенных военных пенсионеров (29,9 % – очень сильно и 30,7 % – немного). Примерно таким же этот показатель был на протяжении всех лет рассматриваемого периода. Даже значительное повышение размера пенсий военным пенсионера в 2012 году не добавило им оптимистических ожиданий, связанных с улучшением своего материального положения в ближайшей перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, динамика удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью во многом определяется направленностью и глубиной изменения условий их жизни и деятельности. По этому показателю они заметно превосходят большинство других получателей пенсий. Вместе с тем неизменно невысокими остаются уровень удовлетворенности военных пенсионеров своим материальным



Примечание: Не приведены данные по позиции «Затрудняюсь ответить».

Рис. 4. Оценка военными пенсионерами личных и семейных жизненных перспектив, в %

положением и оценка личных и семейных жизненных перспектив. Как и прежде, большинство военных пенсионеров, особенно из числа офицеров запаса, отдают предпочтение не обязательно высокому, но непременно стабильному материальному достатку и равенству, гарантируемому государством.

Военные пенсионеры оказались очень восприимчивыми к событиям, связанным с проведением Специальной военной операции, которая вызвала у них как у профессиональных защитников Отечества повышение чувства ответственности за судьбу страны, несколько притупившееся за годы жизни вне армии. В конце 2022 года, несмотря на тяжелые события и негативную объективную статистику, был выявлен небывалый рост уровня удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью. Доля военных пенсионеров, в большей или меньшей степени довольных своей жизнью, за последний год выросла почти на треть.

Сохраняет свою актуальность необходимость реализации тщательно выверенной государственной политики, обеспечивающей конструктивные практические подходы к оптимизации процесса адаптации всех бывших военных и их семей к новым условиям жизни и деятельности. При этом особое значение в нынешних чрезвычайно сложных социально-экономических и демографических условиях приобретают те аспекты социальной адаптации, которые напрямую связанны с эффективной реализацией еще не растраченного ресурсного потенциала и повышением активности в сфере занятости и труда военных пенсионеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зараковский Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
2. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
3. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Е. А. Авдеев и др. ; отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
4. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования, 2019. № 11. С. 3–17.
5. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Институт психологии РАН, 2013.
6. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003.
7. Смирнов А. И. Динамика и особенности социального самочувствия военных пенсионеров // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 2. С. 99–117.
8. Соловьев С. С. Динамика социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в 2010–2017 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. (812). С. 220–231.

REFERENCES

1. Zarakovsky, G. M. (2009). Kachestvo zhizni naseleniya Rossii: psikhologicheskiye sostavlyayushchiye = Quality of life of the Russian population: psychological components. Moscow: Smysl. (In Russ.)
2. Argyle, M. (2003) Psikhologiya schast'ya = The Psychology of Happiness. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
3. Avdeev, E. A. et al. (2021). Sotsiologicheskiye podkhody k izucheniyu sotsial'nogo blagopoluchiya = Sociological approaches to the study of social well-being, ed. by M. F. Chernysh, Ju. B. Epihina. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
4. Gorshkov, M. K. (2019). Social outcomes of the post-soviet transformations. Sociological Studies, 11, 3–17. (In Russ.)
5. Dzhidaryan, I. A. (2013) Psikhologiya schast'ya i optimizma = Psychology of happiness and optimism. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
6. Vorkachev, S. G. (2003) Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh kontseptov «lyubov'» i «schast'ye» (russko-angliyskiye paralleli) = Comparative ethnosemantics of the teleonomic concepts «love» and «happiness» (Russian-English parallels). Volgograd: Peremena. 2003. (In Russ.)
7. Smirnov A. I. (2017). Dinamika i osobennosti social'nogo samochuvstvija voennyh pensionerov = Dynamics and Peculiarities of the Social Well-Being of Military Pensioners. Sociological science and social practice, 2, 99–117. (In Russ.)
8. Solovyov S. S. (2018). Dinamika social'no-jekonomicheskogo polozhenija grazhdan, uvolennyh s voennoj sluzhby, i chlenov ih semej v 2010–2017 gg. = The Trend Analysis of Key Indicators of Socioeconomic Situation of Russian Citizens Dismissed from Military Service and Members of Their Families in 2010–2017. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(812), 220–231. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Ильич

доктор социологических наук
ведущий научный сотрудник
Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Alexander Ilyich

Doctor of Sociology
Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	19.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.354:355.1; 316.347

Опыт эмпирических исследований межэтнических взаимодействий в вооруженных силах США

А. С. Согомонян

Научно-исследовательский центр Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, Балашиха, Россия
s_a_s13@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследований межэтнических взаимодействий в вооруженных силах США и их анализ. Применяемые методы исследования – анализ, синтез, сопоставление и обобщение. Результаты теоретического анализа могут использоваться в научно-исследовательской деятельности, в области развития этносоциологического знания.

Ключевые слова: этничность, межэтнические взаимодействия, вооруженные силы, этнические и расовые меньшинства, равные возможности

Для цитирования: Согомонян А. С. Опыт эмпирических исследований межэтнических взаимодействий в вооруженных силах США // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 1 (854). С. 114–120.

Original article

The Experience of Empirical Research on Interethnic Interactions in the US Armed Forces

Andrei S. Sogomonyan

Scientifically-research center of the Peter the Great Strategic Missile Troops Academy, Balashikha, Russia
s_a_s13@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to display the existing experience of research on interethnic interactions in the US armed forces. The research methods used are analysis, synthesis, comparison and generalization. The results of theoretical analysis can be used in research activities, in the development of ethno-sociological knowledge.

Keywords: ethnicity, interethnic interactions, military organization, ethnic and racial minorities, equal opportunities

For citation: Soghomonyan, A. S. (2024). The experience of empirical research on interethnic interactions in the US Armed Forces. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(854), 114–120.

ВВЕДЕНИЕ

В вооруженных силах США расовая и этническая принадлежность служат идентифицирующими факторами при наборе на военную службу по контракту и дальнейшем продвижении по карьерной лестнице. По мнению большинства американских исследователей, вооруженные силы США являются примером военной организации, предоставляющей равные возможности для представителей «титульной нации» и этнических / расовых меньшинств, для их продвижения по службе. Традиционно этнические / расовые меньшинства добивались легитимности в качестве американских граждан через военную службу [Evans, 2003; Segal D., Segal M., 2004; Efthymiou, 2019], при этом, коренные американцы и американцы азиатского происхождения легче ассимилировались [Segal D., Segal M., 2004]. Но для афроамериканцев расизм составлял, пожалуй, наиболее сложную проблему, несмотря на их службу в американской армии со времен Гражданской войны (1861–1865). Обзоры существующей научной литературы по данной теме подчеркивают проблемы набора на военную службу по контракту, продвижения по службе и удержания на ней представителей этнических и расовых меньшинств, с которыми сталкиваются вооруженные силы США. Степень, в которой раса / этническая принадлежность продолжают служить важными показателями социальной мобильности, остается особо значительной в военной сфере.

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ И РАСОВЫХ МЕНЬШИНСТВ В АРМИИ США

Этнические и расовые меньшинства в США также достаточно часто использовали военную службу и для реализации своих карьерных целей. Афроамериканцы в основном проходят службу в сухопутной армии на рядовых должностях, в меньшей степени они представлены на флоте и в авиации. Латиноамериканцы – самая быстрорастущая часть страны, но в вооруженных силах их численность незначительна. В 2014 году, например, меньшинства составляли 15 % офицерского состава в вооруженных силах[1] по сравнению с 7,5 % в 1977 году[2]. Но в 2016 году афроамериканцы, крупнейшая группа расового меньшинства среди рядового и сержантского состава представлена на 19 %, а в офицерском корпусе – лишь на 9 %. Латиноамериканцы в вооруженных силах США в том же году составляли 11 % от рядового состава и 5 % от офицерского состава[3]. Информация об этнических и расовых меньшинствах в вооруженных силах США по последнему исследованию агентства Statista в 2019 году[4] представлена в диаграмме 1.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ США В 2019 ГОДУ ПО РАСЕ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Эти данные свидетельствуют о сохраняющейся тенденции к непропорциональной представленности этнических меньшинств среди рядового и офицерского состава и среди представителей "титульной нации".

[1]Population Representation in the Military Services. FY 2018 Population Representation in the Military Services. 2018.

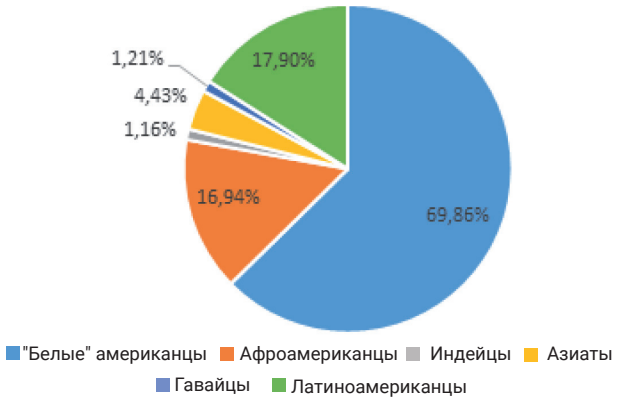
[2]U.S. General Accounting Office. Major challenges and risk. Department of Defense, GAO-01-244. Washington, DC: GAO. 2001.

[3]U.S. General Accounting Office. DOD actions needed to better manage relations between reservists and their employers, GAO-02-0908. Washington, DC: GAO. 2019.

[4]Distribution of active-duty enlisted women and men in the U.S. Military in 2019, by race and ethnicity.
URL: https://www.statista.com/statistics/214869/share-of-active-duty-enlisted-women-and-men-in-the-us-military/

Диаграмма 1

ЭТНИЧЕСКИЙ / РАСОВЫЙ СОСТАВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США



Сегодня вооруженные силы США состоят из 73 % рядового и сержантского состава и небольшого офицерского корпуса – 27 % от общей численности[1]. Мобилизационный резерв и национальная гвардия суммарно состоит из 84 % рядового состава и 16 % офицерского. Афроамериканцы (составляющие 12,3 % всего гражданского населения) в армии преимущественно находятся на низовых должностях[2]. Латиноамериканцы в вооруженных силах представлены незначительно, хотя по результатам опросов их стремление служить и фактическая численность при наборе на военную службу по контракту возросли[3], особенно в ВМС и корпусе морской пехоты. Некоторые исследователи объясняют малочисленность латиноамериканцев в вооруженных силах их слабым знанием английского языка [Phillips, Andrisani et al., 2018]. Кроме того, афроамериканцы и выходцы из Латинской Америки стремятся на военную службу из-за экономически неблагоприятных условий и проблем дискриминации, с которыми и те, и другие сталкиваются в гражданской сфере [там же].

Контент-анализ электронных ресурсов исследовательских организаций, проводящих исследования в вооруженных силах США показал, что проблемы этничности и межэтнических (межрасовых) взаимодействий между военнослужащими являются весьма актуальными. Спектр исследуемых проблем достаточно обширен, помимо выявления базовых проблем сосуществования представителей различных рас и национальностей в условиях «армейской контаминации» изучаются такие проблемные вопросы, как, например, «Среднее количество часов в день, потраченных на досуг и спорт военнослужащим в США с 2009 по 2021 год, в разбивке по этнической принадлежности»[4].

ПРОВОДИМЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Армейский Научно-исследовательский институт поведенческих и социальных наук (US Army Research Institute for Behavioral and Social Sciences – ARI) совместно с Институтом управления равными возможностями в министерстве обороны (DEOMI) регулярно проводят масштабные исследования, посвященные проблемам равноправия этнических и расовых меньшинств в вооруженных силах США и социальных взаимодействий в воинских подразделениях армии авиации и флота. Результаты данных исследований представляются в Комитет по национальным меньшинствам Палаты представителей Конгресса США. Впервые результаты исследований были опубликованы в 1995 году и охватывали временной период с 1974 по 1994 годы[5]. Основными затрагиваемыми вопросами в исследованиях были дискриминация по этническому и расовому признакам, соблюдение равных прав «титульной нации» и представителей этнических и расовых меньшинств, выявление проблем, связанных с вербовкой представителей этнических и расовых меньшинств в вооруженные силы США. Суммарно было проведено 72 различных исследования, из которых 32 были проведены в ВМС (в том числе один – в корпусе морской пехоты), 21 – в сухопутной армии и семь – в ВВС. В ходе исследований за указанный период было опрошено более 700 тыс. респондентов. Для каждого исследования применялась квотная выборка, предусматривавшая пропорциональную представленность расовых и этнических групп, гендера и различных категорий личного состава. В качестве эмпирической базы в исследованиях использовались результаты анкетных опросов (в том числе разосланных по почте), полуструктурированных интервью, телефонных опросов, кроме того, был проведен контент-анализ баз данных различных служб и департаментов министерства обороны, в частности обзоры правонарушений, представленные военной юстицией, а также приговоры военных судов.

Многие исследования показали, что «белые» американцы имели более позитивные представления о равных возможностях для службы в вооруженных силах и характере социальных взаимодействий, чем представители этнических и расовых меньшинств, которые более критично относились к декларируемым равным возможностям для продвижения по службе, соблюдению справедливости в поддержании дисциплины.

Обзор расследований военным департаментом юстиции по заявлениям о дискриминации со стороны военнослужащих, показал, что в 86 % случаев подобные жалобы имели достаточные основания. Обратная связь с заявителями относительно результатов расследования их жалоб была зафиксирована в 65 % рассмотренных дел, а оценка

[1]Distribution of active-duty enlisted women and men in the U.S. Military in 2019, by race and ethnicity.
URL: https://www.statista.com/statistics/214869/share-of-active-duty-enlisted-women-and-men-in-the-us-military/

[2]Там же.

[3]Population Representation in the Military Services. FY 2018 Population Representation in the Military Services. 2018.

[4]Armed forces of the United States – Statistics & Facts.
URL: https://www.statista.com/topics/2171/armed-forces-of-the-united-states/#topicHeader__wrapper

[5]Equal Opportunity: DOD Studies on Discrimination in the Military. URL: https://www.gao.gov/products/nsiad-95-103/

эффективности корректирующих действий была задокументирована в 6 % случаев[1].

В июне 1981 года ученые из ARI провели анализ баз данных о социально-демографическом составе вооруженных сил в период с 1974 по 1980 год. В результате исследования был сделан вывод, что институциональная дискриминация этнических и расовых меньшинств в вооруженных силах США сохранялась до 1980 года. На основе корреляционного анализа были выявлены широко распространенные факты дискриминации военнослужащих по этническому и расовому признаку. В данном иисследовании институциональная дискриминация в отношении этнических / расовых меньшинств определялась как «отношение к отдельным индивидам или социальным группам имеющее вариативный характер, основанное на их принадлежности к расовой или этнической общности». Для анализа статистических данных был разработан «Индикатор разницы», позволяющий сравнивать пропорциональное соотношение между представителями «титульной американской нации» и представителями расовых и этнических меньшинств, занимающими определенные категории должностей. С помощью этого метода было обнаружено, что афроамериканцы недостаточно представлены в офицерской среде и чрезмерно представлены на рядовых и сержантских должностях.

В период с конца 2002 года по середину 2003 год данные собирались с использованием анкеты из 84 вопросов, представляющей собой версию анкеты аффективности и продолжительной приверженности Дж. Мейера и Н. Аллена [Meyer, Allen, 1997]. Исследователями была использована 5-балльная оценочная шкала Лайкерта. Была проведена серия тестов показателей значимости, чтобы определить, существуют ли связи между демографическими переменными и в какой степени. Это исследование, первоначально предпринятое для измерения морфологических характеристик организационной структуры вооруженных сил США, выявило некоторые интересные взаимосвязи между расой и / или этнической принадлежностью и другими ключевыми переменными, такими как занимаемая должность, образование и возможность продвижения по карьерной лестнице. Результаты корреляционного анализа, в свою очередь, были использованы для проверки гипотезы об институциональном расизме и дискриминации этнических и расовых меньшинств.

Недавние исследования межэтнических взаимодействий среди военнослужащих вооруженных сил США, проведенные ARI в 2016 году[2], коррелируют с результатами опросов, проведенных в американском обществе Gullap в 2018[3] и Pew Research Center[4]. Ситуация, связанная с проблемами межэтнических взаимодействий в вооруженных силах США в восприятии респондентов, в целом отражает на институциональном уровне существующие в американском обществе противоречия на почве расы и этничности. Около 34 % опрошенных военнослужащих вооруженных сил США, 38 % и 40 % американцев по результатам исследования Gullap и Pew Research Center, соответственно, отметили проблему межэтнических и межрасовых взаимодействий как одну из главных. Как и в предыдущих исследованиях ARI, значительная часть респондентов – 65 %, указывающих на проблему межэтнических взаимодействий, является афро- и латиноамериканцами. Применяемые методы исследований остались практически без изменений – респондентам предлагается выразить свое отношение к существующим проблемам межэтнических и межрасовых взаимодействий с помощью пяти- и семичленной шкалы Лайкерта[5], в отдельных исследованиях применяется метод семантического дифференциала либо модифицированный вариант шкалы социальной дистанции Богардуса[6].

К современным исследованиям проблем межэтнических взаимодействий в американских вооруженных силах можно отнести анализ данных предоставляемых Счетной палатой правительства США (U.S. Government Accountability Office)[7]. Всего этим ведомством было проведено восемь исследований, начиная с 1991 года. В результатах последних исследований, проведенных в 2019–2020 годах, проявляется тенденция к отсутствию мотивации прохождения военной службы у военнослужащих афроамериканского и латиноамериканского происхождения ввиду сохраняющейся их дискриминации по этническому и расовому признаку. Кроме

[1]Military Justice: DOD and the Coast Guard Need to Improve Their Capabilities to Assess Racial and Gender Disparities.
URL: https://www.gao.gov/products/nsiad-95-103. (in Eng.)

[2]J. C. Marshall-Miles, T. B. Seligson, J. A. Martin. Racial differences in job satisfaction in the U.S. Army / Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences). 2016. Alexandria, Va.

[3]U.S. Satisfaction with Treatment of Asian People Tumbles.
URL: https://news.gallup.com/poll/352883/satisfaction-treatment-asian-people-tumbles.aspx

[4]Deep Divisions in Americans. Views of Nation's Racial History – and How To Address It.
URL: https://www.pewresearch.org/politics/2021/08/12/deep-divisions-in-americans-views-of-nations-racial-history-and-how-to-address-it/

[5]The army communications objectives measurement system (ACOMS): survey methods / Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences. 2018. Alexandria, Viroinia : U. S.

[6]Basic research in behavioral and social sciences: 2013 annual report / U.S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences. 2013. Alexandria, Va.: The Institute.

[7]Race in America Past Reports Minorities in America continue to be affected by inequality – here's a broad look at GAO's work on this issue.
URL: https://www.gao.gov/race-america-past-reports#paragraph-14791

Диаграмма 2

того, опросы, проводимые журналом Military Times, показали, что случаи расизма в американских вооруженных силах выросли с 23,1 % в 2017 году до 36,3 % в 2019 году[1]. Солдаты и сержанты чаще, чем офицеры, были свидетелями проявления экстремистских взглядов (37 % и 27 % соответственно). Представители расовых и этнических меньшинств значительно чаще сообщали о случаях расистского и этноцентристского поведения, чем их «белые» сослуживцы (диаграмма 2).

МНЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ О СЛУЧАЯХ НАЦИОНАЛИЗМА И РАСИЗМА В АМЕРИКАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ПО ИТОГАМ ОПРОСОВ MILITARY TIMES

В общем, военнослужащие, принявшие участие в опросе, назвали расистов большей угрозой национальной безопасности, чем внутренний терроризм, связанный с исламом, а также иммиграцию[2]. Участники опросов сообщали о том, что были свидетелями инцидентов с участием военнослужащих, высказывавших расистские лозунги, и дискриминационного отношения к ним со стороны своих сослуживцев, а также упоминали о случаях изображения свастики на автомобилях военнослужащих, фактах нанесения татуировок, связанных с националистическими и расистскими группировками, размещение наклеек в поддержку Ку-клукс-клана и использования жеста «римский салют» между отдельными военнослужащими. Исследование в показало, что молодые летчики афроамериканского происхождения в два раза чаще увольняются по собственному желанию, чем их белые сослуживцы, а опрос инициированный Генеральным инспектором ВВС показал, что два из пяти военнослужащих афроамериканского происхождения не доверяют проводимым мерам по борьбе с расизмом, предвзятостью и неравными возможностями[3]. В серии интервью, проведенных информационным агентством Associated Press с действующими и уволенными военнослужащими из почти всех видов вооруженных сил США, респонденты описали глубоко укоренившуюся культуру расизма и дискриминации, которая продолжает развиваться, несмотря на неоднократные попытки ее искоренить[4]. Журналисты из Associated

[1]Leo Shane III. Signs of white supremacy, extremism up again in poll of active-duty troops // Military Times. URL: https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2020/02/06/signs-of-white-supremacy-extremism-up-again-in-poll-of-active-duty-troops/

[2]Там же.

[3]The Inspector General Department of the Air Force. Report of Inquiry (S8918P) // Independent Racial Disparity Review December. 2020.

[4]Stafford K. et al. Deep-rooted racism, discrimination permeate US military // Associated Press. URL: https://apnews.com/article/us-military-racism-discrimination-4e840e0acc7ef07fd635a312d9375413.

Press также обнаружили, что судебная система вооруженных сил не имеет четкой категории преступлений на почве ненависти, что затрудняет количественную оценку преступлений, мотивированных расовыми или этническими предрассудками. Министерство обороны также не имеет возможности отследить количество военнослужащих, уволенных за экстремистские взгляды. Было также выявлено, что Единый кодекс военной юстиции не рассматривает должным образом инциденты, связанные с расовой дискриминацией и что этнические и расовые меньшинства из числа сержантов и солдат, обычно предстают перед военными трибуналами, состоящими полностью из военнослужащих, представляющих «титульную нацию», что, по мнению некоторых экспертов, может привести к неоправданно более жестким мерам и социальным последствиям. В Министерстве обороны США заявили, что только в 2020 году было обработано более 750 жалоб на дискриминацию по расовому или этническому признаку от военнослужащих. Но дискриминация существует не только среди военнослужащих – в том же году гражданские лица, работающие в финансовом, техническом и вспомогательном секторах сухопутной армии, ВВС и ВМС, также подали 900 жалоб на этническую дискриминацию и более 350 жалоб на дискриминацию по цвету кожи – свидетельствуют данные Комиссии США по равным возможностям при трудоустройстве[1].

В целом, проводимые американскими учеными эмпирические исследования межэтнических взаимодействий между военнослужащими, предполагают сбор первичных данных, необходимых для управления этническим и расовым многообразием, как путь к решению проблемы бесперебойного функционирования вооруженных сил. Другими словами, их теоретической основой является функционализм, в котором разнообразие является потенциальным препятствием для эффективного управления вооруженными силами. Такой акцент присутствует во многих исследованиях, опубликованных в сборнике под редакцией Ван дер Мейлена и Дж. Сотерса [Soeters, van der Meulen, 1999]. Более ранние разработки в этом проблемном поле рассматривают этническое и расовое разнообразие как источник организационных преимуществ. Одним из примеров является работа Л. Миллера и Ч. Москоса «Споры о преимуществах афроамериканцев и женщин-солдат в миротворческих миссиях» [Miller, Moskos, 1995]. Параллельно в научной литературе на основе эмпирических данных разрабатывалась концепция мультикультурализма в вооруженных силах с акцентом на важность набора на военную службу по контракту представителей различных этнических групп для повышения репрезентативности этнического и расового состава вооруженных сил демографическому составу населения США. Такого рода исследования можно увидеть, например, в работах Ч. Москоса, посвященных интеграции афроамериканцев в вооруженные силы США [Moskos, Butler, 1996] или в наблюдениях Д. Уинслоу о том, что явной целью политики поощрения этнического многообразия в канадских вооруженных силах было «отражать мультикультурную идентичность Канады» [Winslow, 1999], к более поздним работам относятся исследования А. Кинга, Дж. Сотерса, Дж. ван дер Меулина, П. Шилдс [King, 2006; Soeters, Van der Meulen, 2007; Shields, 2020].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проблема межрасовых (межэтнических) взаимодействий в вооруженных силах США в контексте расовых проблем на общегосударственном уровне всегда была актуальной. Этнические и расовые меньшинства в стремлении упрочить свой гражданский статус в американском обществе поступали на военную службу, которая также являлась для них и социальным лифтом, позволяющим реализовать себя в профессиональном отношении. Однако экстраполяция сохраняющихся в американском обществе предубеждений и дискриминации приводила к возникновению противоречий между военнослужащими представителями расовых / этнических меньшинств и «титульной нации». Данная тенденция сохраняется и на сегодняшний день. В связи с тем, что расовое и этнокультурное разнообразие в вооруженных силах США фактически приводит к нарушению их функционирования, проблемы межрасовых (межэтнических) взаимодействий в американской социологической мысли давно являются объектом пристального изучения. В вооруженных силах США основным научным подразделением, занимающимся проблемами этничности, является Армейский Научноисследовательский институт поведенческих и социальных наук (US Army Research Institute for Behavioral and Social Sciences – ARI). Помимо проводимых учеными, исследованиями в данной области занимаются и информационные агентства, а также отдельные периодические издания.

[1]Stafford K. et al. Deep-rooted racism, discrimination permeate US military // Associated Press. URL: https://apnews.com/article/us-military-racism-discrimination-4e840e0acc7ef07fd635a312d9375413

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Evans R. A history of the service of ethnic minorities in the U.S. armed forces / Center for the Study of Minorities in the Military. Santa Barbara: University of California, 2003.
2. Segal D. R., Segal M. America's military population // Population Bulletin. 2004. № 59 (1). P. 1–42.
3. Efthymiou S. A. Conclusion: a journey at the intersection of nationalism, militarism and masculinity. L.: Palgrave Macmillan. 2019.
4. Phillips R. L., Andrisani P. J. et al. The economic returns to military service: Race-ethnic differences. Social Science Quarterly. 2012. № 85(3). P. 340–359.
5. Meyer J. P., Allen N. J. Commitment in the Workplace: Theory, Research, and Application. Thousand Oaks, CA: Sage. 1997.
6. Soeters J., van der Meulen J. Managing Diversity in the Armed Forces. Tilburg: TUP, 1999.
7. Miller L., Moskos C. Humanitarians or warriors? Race, gender and combat status in Operation Restore Hope // Armed Forces and Society. 1995. № 21. P. 615–637.
8. Moskos C., Butler J. S. All that we can be: black leadership and racial integration the Army way. New York: Basic Books, Inc. 1996.
9. Winslow D. Diversity in the Canadian Armed Forces. In J. Soeters, & J. van der Meulen (Eds.), Managing diversities in the Armed Forces: Experiences from nine countries. Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press. 199. P. 33–54.
10. King A. The word of command: Communication and cohesion in the military // Armed Forces and Society. 2006. № 32(4). P. 493–512.
11. Soeters J., Van der Meulen J. Cultural diversity in the Armed Forces: An international comparison. London: Routledge. 2007.
12. Shields P. Dynamic Intersection of Military and Society. Handbook of Military Sciences. Publisher: Springer. Texas State University. 2020.

REFERENCES

1. Evans, R. (2003). A history of the service of ethnic minorities in the U.S. armed forces. Center for the Study of Minorities in the Military. University of California, Santa Barbara.
2. Segal, D.R., Segal, M. (2004). America's military population. Population Bulletin, 59 (1). 1–42.
3. Efthymiou, S.A. (2019). Conclusion: a journey at the intersection of nationalism, militarism and masculinity. Palgrave Macmillan.
4. Phillips, R. L., Andrisani, P. J. et al. (2012). The economic returns to military service: Race-ethnic differences. Social Science Quarterly, 85(3). 340–359.
5. Meyer, J. P., Allen, N. J. (1997). Commitment in the Workplace: Theory, Research, and Application. Thousand Oaks, CA: Sage.
6. Soeters, J., van der Meulen, J. (1999). Managing Diversity in the Armed Forces. Tilburg: TUP.
7. Miller, L., Moskos, C. (1995). Humanitarians or warriors? Race, gender and combat status in Operation Restore Hope. Armed Forces and Society, 21, 615–637.
8. Moskos, C., Butler, J.S. (1996). All that we can be: black leadership and racial integration the Army way. New York: Basic Books.
9. Winslow, D. (1999). Diversity in the Canadian Armed Forces. In J. Soeters, & J. van der Meulen (Eds.), Managing diversities in the Armed Forces: Experiences from nine countries. Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press, 33–54.
10. King, A. (2006). The word of command: Communication and cohesion in the military. Armed Forces and Society, 32(4), 493–512.
11. Soeters, J., Van der Meulen, J. (2007). Cultural diversity in the Armed Forces: An international comparison. London: Routledge.
12. Shields, P. (2020). Dynamic Intersection of Military and Society. Handbook of Military Sciences. Publisher: Springer. Texas State University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Согомонян Андрей Самвелович

кандидат социологических наук
заместитель начальника 22 научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского центра Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sogomonyan Andrew Samvelovich

PhD (Sociological Sciences)
Deputy Head of the 22 Department of Research and Research Center of the Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great

Статья поступила в редакцию	08.06.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.11.2023	approved after reviewing
принята к публикации	14.03.2024	accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 1 (854)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 1(854)

Над выпуском работали:
доктор исторических наук П.И. Гайденко
доктор социологических наук профессор И. В. Образцов
кандидат политических наук М. В. Пупышева
А. А. Азаренкова

Редактор *В. А. Геронимус*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 25.04.2024
Усл. печ. л. 15,2. Формат 60x90/8
Заказ № 24/24

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

5.4. Социология
5.5. Политические науки
5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.